P. o. rel.
8177
e

P. o. rel. 8177 e

ПАМЯТНИКИ

ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Ро. rel. 8177 з

[Слово Луки Жидяты; Митр. Иларіона слово о законѣ и благодати; Поученія Ѳеодосія Печерскаго; Житіе Ѳеодосія Печерскаго, сост. Несторомъ; Начальная лѣтопись; Хожденіе игум. Даніила во свят. землю; Поуч. Владиміра Мономаха; Слова Кирилла Туровск.; Слово о полку Игоревѣ; Посл. Симона еп. Владимірск. къ Полик.; Слово нѣкоего христол.; Слова Серап. Владимірск.; Моленіе Дан. Заточ.; Апокриѳ. сказ. о царѣ Соломонѣ; Посланіе арх. Новгор. Вас. къ еп. Тверск. Ѳеодору; Задонщина; Сказ. о Псковск. взятіи; Стоглавъ; Домострой; Переписка кн. Курбск. съ Грознымъ; Кн. Курбскаго ист. Ив. Грозн.; Посл. Ивана Грознаго въ Кир. Бѣлоз. монаст.].

Пособіе при изученіи исторіи русской словесности.

Я. И. Горожанскій.

Цѣна 75 коп.

ИЗДАНІЕ ТИПОГРАФІИ А. А. КАРЦЕВА

Коммиссіонера ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Москва. Покровка, д. Егорова.

1886.

(63)

14 А.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

ТИПОГРАФІИ

А. А. КАРЦЕВА

Коммиссіонера ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія.

Москва, Мясницкая, Фуркасовскій пер., д. Обидиной.

Архангельская. О Соловецкомъ монастырѣ и преподобныхъ чудотворцахъ Зосимѣ и Савватіи. М. 1886. Ц. 5 к.

Бензенгръ. Объ оздоровленіи городовъ. М. 1884. Ц. 60 коп.

Бергеръ. Слабонервность. Популярное изложеніе. 1886. М. Ц. 50 к.

Бизлей. Разсказы изъ Римской исторіи для дѣтей отъ 8 до 11 лѣтъ. М. 1880. Ц. 45 к.

Благонравовъ. Разсказъ о Михаилѣ Ивановичѣ Топтыгинѣ. 2-ое изд. М. 1886. Ц. 1 р.

Блазіусъ.—Холера. М. 1885. Ц. 15 к.

Блэкки. Четыре фазиса нравственности. М. 78. Ц. 2 р.

Богдановъ. Медицинская Зоологія. М. 83. Ц. 6 р.

— Алфавитный указатель къ Медицинской зоологіи. М. 1886. Ц. 25 к.

Бѣляевъ. Кириллъ и Меѳодій. М. 1885. 4 изданіе. Ц. 10 коп.

— Жизнь преподобнаго Антонія Печерскаго. М. 1885. Ц. 10 к.

— Св. Равноапостольный князь Владиміръ. М. 1886. Ц. 10 к.

Введенскій. О таинствахъ св. православной церкви. М. 86. Ц. 20 к.

Вилль. Таблицы качественнаго химическаго анализа. М. 80. Ц. 40 к.

Виноградовъ. Методика исторіи по Кригеру. М. 1885. Ц. 1 р.

— Сборникъ вопросовъ по исторіи. I. Всеобщая исторія. М. 1886. Ц. 30 к.

Вогюэ. Разсказы француза про русскихъ. М. 1886. Ц. 10 к.

Волконскій. Повторительный курсъ неорганической химіи. М. 1881. Ц. 75 к.

Волконскій. Краткій учебникъ неорганической химіи, съ 110 рис. въ текстѣ. М. 1881. Ц. 2 руб.

Гоголь. Ревизоръ. Иллюстрированное изданіе in-folio. 1885. Ц. 4 р.

Горожанскій. Памятники древней письменности въ рус. переводѣ. Пособіе при изученіи исторіи рус. словесности. 1886. Ц. 75 к.

P. o. rel. 8177e

ПАМЯТНИКИ

ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

[Слово Луки Жидяты; Митр. Иларіона слово о законѣ и благодати; Поученія Ѳеодосія Печерскаго; Житіе Ѳеодосія Печерскаго, сост. Несторомъ; Начальная лѣтопись; Хожденіе игум. Даніила во свят. землю; Поуч. Владиміра Мономаха; Слова Кирилла Туровск.; Слово о полку Игоревѣ; Посл. Симона еп. Владимірск. къ Полик.; Слово нѣкоего христол.; Слова Серап. Владимірск.; Моленіе Дан. Заточ.; Апокриѳ. сказ. о царѣ Соломонѣ; Посланіе арх. Новгор. Вас. къ еп. Тверск. Ѳеодору; Задонщина; Сказ. о Псковск. взятіи; Стоглавъ; Домострой; Переписка кн. Курбск. съ Грознымъ; Кн. Курбскаго ист. Ив. Грозн.; Посл. Ивана Грознаго въ Кир. Бѣлоз. монаст.].

Bayerische Staatsbibliothek München

Пособіе при изученіи исторіи русской словесности.

Я. И. Горожанскій.

ИЗДАНІЕ ТИПОГРАФІИ А. А. КАРЦЕВА
Коммиссіонера ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.
Москва. Покровка, д. Егорова.
1886.
(63)

Дозволено цензурою. 26 ноября 1885 г. Москва.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Fgl/77/4088

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издавая въ свѣтъ предлагамую книгу, мы не можемъ не припомнить здѣсь словъ одного педагога о пользѣ подобныхъ переводовъ. Онъ говоритъ, что для облегченія и лучшаго ознакомленія учениковъ съ древнею письменностью необходимо изученіе какъ оригиналовъ (памятниковъ), такъ и хорошихъ переводовъ ихъ на современный русскій языкъ. Несомнѣнно, что изученіе оригиналовъ принесетъ больше пользы, если ученики, хотя и съ неимовѣрными усиліями, будутъ вникать и постигнутъ духъ древнихъ памятниковъ; но упиваться этимъ духомъ могутъ только избранные спеціалисты и то въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Для учениковъ не языкъ и заключенныя въ немъ филологическія тонкости интересны, а мысли и образы, которые равно восхищаютъ ихъ въ произведеніяхъ Шекспира, Вальтеръ-Скотта, Купера и Майнъ-Рида, хотя они читаютъ ихъ и не въ оргиналѣ (Филол. Вѣстн. 1880, № 2, педагог. отд.; стр. 27).

Имѣя въ виду оказать пособіе главнымъ образомъ учащимся, мы помѣщаемъ переводы только наиболѣе замѣчательныхъ памятниковъ письменности и только тѣ отрывки изъ нихъ, которые даютъ возможность составить правильное понятіе о цѣломъ памятникѣ и которые обыкновенно помѣщаются въ учебныхъ христоматіяхъ. Исключеніе составляетъ «Слово о полку Игоревѣ,» считающееся лучшимъ украшеніемъ нашей древней литературы; здѣсь помѣщается полный переводъ этого замѣчательнаго памятника древней письменности.

Я. Горожанскій.

Слово къ Новгородской паствѣ арх. Луки Жидяты.

Прежде всего, братіе, вотъ какую заповѣдь всѣ мы, христіане, должны содержать твердо: вѣровать въ единаго Бога, въ Троицѣ славимаго, во Отца и Сына и Св. Духа, какъ научили апостолы и утвердили Св. Отцы: Вѣрую во единаго Бога... до конца (т. е. до конца символа вѣры). Вѣруйте также въ воскресеніе и жизнь вѣчную и въ муку вѣчную (уготованную) грѣшникамъ. Не лѣнитесь ходить въ церковь и на заутреню, и на обѣдню, и на вечерню: и въ клѣти своей, отходя ко сну, прежде помолись Богу, и тогда ложись на постель. Въ церкви стойте со страхомъ Божіимъ, не говоря ни о чемъ и не думая, но всею мыслію моли Бога, да отпуститъ Богъ тебѣ грѣхи. Любовь имѣйте со всякимъ человѣкомъ, а особенно съ братіею, и да не будетъ у тебя одно на сердцѣ, а другое на языкѣ. Не рой подъ братомъ ямы, да не вринетъ тебя Богъ еще въ худшую. Будь правдивъ, за правду и законъ Божій не отрекайся и голову свою положить, и сочтетъ тебя Богъ со святыми. Прощайте братъ брату и всякому человѣку, не воздавайте зломъ за зло, другъ друга хвалите, да и Богъ васъ похвалитъ. Не производи ссоры, чтобы не назваться тебѣ сыномъ діавола, но примиряй, да будешь сыномъ Богу. Не осуждай ближняго ни рѣчью, ни мыслію, помня свои грѣхи, и тебя Богъ не осудитъ. Помните и милуйте странниковъ, и убогихъ, и голодныхъ, и заключенныхъ въ темницахъ, и къ своимъ сиротамъ будьте милостивы, ибо тотъ много милостивъ, кто домашнихъ своихъ избавляетъ отъ скорби. Не прилично, вамъ, братіе, переряживаться (москолудство), произносить срамныя слова, не прилично и гнѣваться каждый день. Не злобствуй, не смѣйся ни надъ кѣмъ; въ напасти же терпи, уповая на Бога. Не имѣйте дерзости, ни гордости; не старайтесь иныхъ дѣлать буйными, гордыми, помня, что завтра будемъ смрадъ и гной и черви. Будьте смиренны и кротки, чтобы быть вамъ слугами и исполнителями Божіихъ заповѣдей; ибо въ сердцѣ гордаго дьяволъ сидитъ, и слово Божіе не можетъ утвердиться въ немъ. Почитайте стараго человѣка и

родителей своихъ; не клянитесь именемъ Божіимъ и никого не заклинайте и не проклинайте. Судите по правдѣ, лихвы не берите и въ лихву не отдавайте. Бога бойтесь, царя чтите: мы рабы, во первыхъ, Бога, а потомъ Государя. Чтите отъ всего сердца іерея Божія, почитайте и слугъ церковныхъ. Не ненавидь, не завидуй, не клевещи;—не убей, не украдь, не лги и не свидѣтельствуй ложно. Не пей безвременно, но въ мѣру и не до пьянства. Не будь гнѣвливъ и дерзокъ; съ радующимися радуйся, съ печальными будь печаленъ. Не употребляйте въ пищу оскверненнаго; святые дни почитайте. Богъ же мира со всѣми вами! Аминь.

Митрополита Иларіона слово о ветхомъ и новомъ завѣтѣ и похвала князю Владиміру.

Благословенъ Господь Богъ Израилевъ, Богъ христіанскій, потому что Онъ посѣтилъ и избавилъ людей своихъ, не попустилъ творенію своему быть до конца одержимымъ идольскимъ мракомъ и бѣсовскимъ служеніемъ, но оправдалъ прежде племя Авраамово скрижалями и закономъ, потомъ черезъ Сына Своего спасъ всѣ народы Евангеліемъ и крещеніемъ.

Законъ (ветхій завѣтъ) былъ предтечею и служителемъ благодати и истины; истина же и благодать служатъ вѣку будущему, жизни безсмертной. Законъ приводилъ узаконенныхъ къ благодатному крещенію; крещеніе же вводитъ крещенныхъ въ вѣчную жизнь. Моисей и пророки предсказали пришествіе Христа; Христосъ же и Его Апостолы повѣдали намъ о воскресеніи и будущей жизни...

Прежде данъ былъ законъ, потомъ благодать; прежде тѣнь, потомъ истина. Образъ закона и благодати — Агарь и Сарра; Агарь—раба и Сарра — свободная (Галат. 4, 24), прежде раба, потомъ свободная. *Иже четъ, да разумѣетъ* (Матѳ. 24, 15)... Изгнана была Агарь, съ сыномъ ея Измаиломъ, и Исаакъ, сынъ свободной, сталъ наслѣдникомъ отца своего Авраама. Изгнаны были и Іудеи и разсѣяны между язычниками, а сыны благодати, христіане, сдѣлались наслѣдниками Богу и Отцу. Какъ исчезаетъ свѣтъ луны, когда возсіяетъ солнце, и какъ проходитъ холодъ ночи, когда солнечная теплота согрѣваетъ землю: такъ прешелъ и законъ, когда явилась благодать... Оправданіе іудейское было стѣснено по причинѣ зависти (іудеевъ), ибо не простиралось на другіе народы и находилось только въ Іудеѣ. Но христіанское спасеніе благо и щедро, ибо простирается на всѣ концы земли. Такъ исполнилось на іудеяхъ благословеніе, данное Манассіи,

на христіанахъ—данное Ефрему. Ибо старшаго Манассію Іаковъ благословилъ лѣвою рукою, а младшаго Ефрема—правою; и такимъ образомъ Манассія, хотя былъ старше Ефрема, но сдѣлался меньшимъ, по благословенію Іакова (Быт. 48, 13—16). Такъ и іудеи, хотя были прежде христіанъ, но христіане сдѣлались больше іудеевъ, по благодати Христовой.

Итакъ, кто не восхвалитъ Его, кто не поклонится величію славы Его? Кто не удивится неизмѣримому человѣколюбію Его? Рожденный прежде вѣковъ отъ Отца, единый сопрестольный Отцу, единосущный Ему, какъ свѣтъ солнцу, сошелъ на землю; не отлучаясь отъ Отца, посѣтилъ людей своихъ, воплотился отъ чистой, безмужной и непорочной Дѣвы, совершенный человѣкъ по вочеловѣченію, а не въ привидѣніи, и совершенный Богъ по божеству, а не простой человѣкъ. На землѣ Онъ явилъ свойства и дѣла божескія и человѣческія: какъ человѣкъ питался матернимъ молокомъ, и какъ Богъ повелѣлъ ангеламъ съ пастырями воспѣвать: *слава въ вышнихъ къ Богу*; какъ человѣкъ повитъ былъ пеленами, и какъ Богъ путеводствовалъ волхвовъ звѣздою; какъ человѣкъ возлегъ въ ясляхъ, и какъ Богъ принялъ отъ волхвовъ дары и поклоненіе; какъ человѣкъ бѣжалъ въ Египетъ, но какъ Богу поклонились Ему *рукотворенная Египетская* (Ис. 19, 1); какъ человѣкъ пришелъ креститься, но, какъ Бога убоявшись, Іорданъ возвратился вспять; какъ человѣкъ вошелъ въ воду, и какъ Богъ принялъ свидѣтельство отъ Отца: *сей есть сынъ мой возлюбленный*; какъ человѣкъ постился сорокъ дней и взалкалъ, и какъ Богъ побѣдилъ искусителя; какъ человѣкъ вошелъ на бракъ въ Кану Галилейскую, и какъ Богъ преложилъ воду въ вино; какъ человѣкъ спалъ на кораблѣ, и какъ Богъ запретилъ вѣтрамъ и морю, и они послушались Его; какъ человѣкъ прослезился о Лазарѣ, и какъ Богъ воскресилъ его изъ мертвыхъ; какъ человѣкъ сѣлъ на осленка, но какъ Богу, Ему взывали: *благословенъ грядый во имя Господне*; какъ человѣкъ былъ распятъ, и какъ Богъ по своей власти ввелъ въ рай распятаго съ нимъ; какъ человѣкъ вкусилъ оцта и испустилъ духъ, и какъ Богъ помрачилъ солнце и потрясъ землю; какъ человѣкъ положенъ былъ во гробѣ, и какъ Богъ разрушилъ адъ и освободилъ души; какъ человѣкъ запечатанъ былъ во гробѣ, и какъ Богъ изшелъ, сохранивъ печати въ цѣлости. Іудеи старались утаить Его воскресеніе, какъ человѣка, подкупая стражу; но какъ Бога, Его познали всѣ концы земли. По истинѣ, *кто Богъ велій, яко Богъ нашъ*? Той есть *Богъ творяй чудеса*. Крестомъ и страданіями на лобномъ мѣстѣ *Онъ содѣлалъ спасеніе посреди земли*. (Пс. 73, 12), вкусивъ оцта и желчи, чтобы горькимъ

вкушеніемъ уничтожить преступленіе и грѣхи, порожденные Адамовымъ вкушеніемъ отъ древа.

Но сотворившіе съ Нимъ сія, сами преткнулись какъ бы о камень и сокрушились... Вѣра благодатная распространилась по всей землѣ, дошла и до нашего народа русскаго... Вотъ уже и мы, со всѣми христіанами, славимъ святую Троицу, а Іудея молчитъ. Уже не идолослужителями именуемся мы, а христіанами; мы уже не безъ упованія, но уповаемъ на жизнь вѣчную. Уже не капища строимъ, но созидаемъ церкви Христовы; не закалаемъ другъ друга въ жертву бѣсамъ, но Христосъ за насъ закалается и раздробляется въ жертву Богу и Отцу. Уже не кровь жертвъ вкушаемъ и погибаемъ, но вкушаемъ пречистую кровь Христову, и спасаемся. Всѣ народы помиловалъ Богъ, и насъ не презрѣлъ; восхотѣлъ—и спасъ насъ и привелъ въ познаніе истины. Пуста была земля наша и изсохла; зной идолослуженія изсушилъ ее; но внезапно потекъ источникъ Евангелія и напоилъ всю землю нашу...

Римская страна славитъ похвальными рѣчами Петра и Павла, чрезъ которыхъ увѣровала во Іисуса Христа, Сына Божія; Асія, Ефесъ и Патмосъ — Іоанна Богослова; Индія — Ѳому; Египетъ — Марка; всѣ страны и города и люди чтутъ и славятъ своихъ наставниковъ, которые научили ихъ православной вѣрѣ. Прославимъ же и мы, по силѣ нашей, хотя малыми похвалами, совершившаго великія и чудныя дѣла, нашего учителя и наставника, великаго кагана земли нашей, Владиміра, внука стараго Игоря, сына славнаго Святослава, которые, господствуя въ свое время, прославились мужествомъ и храбростію во многихъ странахъ, и до нынѣ воспоминаются и прославляются за мужество и побѣды. Ибо они господствовали не въ бѣдной и неизвѣстной странѣ, но въ Русской, которая извѣстна во всѣхъ концахъ земли...

Когда жилъ онъ (Владиміръ) и землю свою управлялъ съ правдою, мужествомъ и смысломъ,—пришло на него посѣщеніе Вышняго, призрѣло на него всемилостивое око благаго Бога, и возсіялъ въ сердцѣ его разумъ; онъ уразумѣлъ суету идольскаго заблужденія и взыскалъ единаго Бога, сотворившаго все видимое и невидимое. А особенно,—онъ всегда слышалъ о православной христолюбивой и сильной вѣрою землѣ греческой, какъ чтутъ тамъ единаго Бога въ Троицѣ и покланяются Ему; какъ творятся тамъ силы, чудеса и знаменія, какъ церкви тамъ полны людей; какъ въ селеніяхъ и городахъ благовѣрныхъ всѣ прилежатъ къ молитвѣ, всѣ предстоятъ Богу. Слыша все сіе, возгорѣлся онъ духомъ и возжелалъ сердцемъ — быть христіаниномъ и обратить

всю землю свою въ христіанство. По благоволенію и любви Божіей къ роду человѣческому это и исполнилось. Совлекся каганъ нашъ одежды, а съ нею и ветхаго человѣка; сложилъ одежду тлѣнную, отрясъ прахъ невѣрія и, вошедши въ святую купель, возродился отъ Духа и воды; во Христа крестившись, во Христа облекся, и вышелъ изъ купели убѣленный; сталъ сыномъ воскресенія; принялъ имя вѣчное и славное въ роды и роды,—Василій, по которому и записанъ въ книгѣ живота, въ вышнемъ градѣ, въ нетлѣнномъ Іерусалимѣ. Впрочемъ, на этомъ еще не остановился онъ въ подвигѣ благовѣрія, и не въ этомъ только явилъ свою любовь къ Богу, но простерся далѣе и повелѣлъ всему народу своему креститься во имя Отца и Сына и Святаго Духа, чтобы открыто и громогласно славилось во всѣхъ городахъ имя Святой Троицы и всѣ были христіанами: малые и великіе, рабы и свободные, юные и старые, бояре и простые, богатые и убогіе. И ни одинъ человѣкъ не противился его благочестивому повелѣнію; крестились,—если кто и не по любви, то по страху къ повелѣвшему; поелику благовѣріе въ немъ соединено было со властію. Такимъ образомъ, вся земля наша въ одно время стала славить Христа съ Отцемъ и Святымъ Духомъ. Тогда тьма служенія бѣсовскаго исчезла, и освѣтило нашу землю солнце Евангелія; капища разрушены, и церкви воздвигаются; идолы низвергаются, и явились иконы; бѣсы убѣжали, крестъ освятилъ города; пастыри словесныхъ овецъ Христовыхъ, епископы, пресвитеры и діаконы, стали возносить безкровную жертву, и клиръ украсилъ и облекъ въ благолѣпіе святыя церкви. Труба апостольская и громъ евангельскій огласили всѣ города; ѳиміамъ, возносимый Богу, освятилъ воздухъ. Поставлены на горахъ монастыри; явились иноки; мужи и жены, малые и великіе, всѣ люди наполнили святыя церкви, прославили Господа, взывая: *единъ святъ*, *единъ Господь Іисусъ Христосъ во славу Бога Отца*, *аминъ*...

Какъ же восхвалимъ тебя, досточтимый и славный отецъ нашъ, мужественный между владыками земными, Василій? Какъ подивимся твоей добротѣ, крѣпости и силѣ? Какую воздадимъ благодарность за то, что чрезъ тебя познали мы Господа и избавились заблужденія идольскаго, что, по твоему повелѣнію, по всей землѣ нашей, славится Христосъ?... Какъ увѣровалъ ты? Какъ разгорѣлся въ любовь Христову? Какъ вошелъ въ тебя разумъ, выше разума земныхъ мудрецовъ, чтобы полюбить невидимое и устремиться къ небесному. Какъ нашелъ ты Христа? Какъ отдался Ему? Скажи намъ, слугамъ твоимъ, скажи намъ, учитель нашъ: откуда на тебя пахнуло благоуханіе Святаго Духа? Откуда

испилъ ты сладкую чашу памяти о жизни будущей? Откуда вкусилъ и увидѣлъ, *яко благъ Господь*? Не видалъ ты Христа, не ходилъ ты за Нимъ, какъ же сталъ ученикомъ Его? Иные и видя Его, не вѣровали; а ты, не видя, увѣровалъ. Истинно сбылось на тебѣ блаженство Господа Іисуса, сказанное Ѳомѣ: *блажени не видѣвше и вѣровавше* (Матѳ. 16, 6)...

Добрая свидѣтельница благовѣрію твоему, блаженный, святая церковь пресвятой Богородицы Маріи, созданная на правовѣрной основѣ, гдѣ лежитъ теперь и твое мужественное тѣло, въ ожиданіи архангельской трубы. Добрый также и вѣрный свидѣтель сынъ твой Георгій (Ярославъ), котораго Господь поставилъ преемникомъ твоей власти. Не разрушаетъ онъ твоихъ уставовъ, а утверждаетъ ихъ; не уменьшаетъ учрежденій твоего благовѣрія, а еще болѣе прибавляетъ; не искажаетъ, а исправляетъ. Онъ докончилъ недоконченныя твои начинанія, какъ Соломонъ Давидовы. Домъ Божій, великій и святой домъ Его Премудрости онъ создалъ на святость и освященіе твоему городу, украсивъ всякою красотою—золотомъ, серебромъ, дорогимъ каменьемъ и честными сосудами, такъ что эта церковь дивна и славна во всѣхъ окружныхъ странахъ, а другая, ей подобная, не найдется во всей полунощи, отъ востока и до запада. И славный твой городъ Кіевъ окруживъ величествомъ, какъ вѣнцомъ, онъ поручилъ съ жителями его святой, всеславной, скорой на помощь христіанамъ Богородицѣ, которой построилъ и церковь на великихъ воротахъ, во имя перваго Господскаго праздника святаго Благовѣщенія,—да будетъ и городу то привѣтствіе, какое Архангелъ приносилъ Дѣвѣ. Ей сказано: радуйся, благодатная, Господь съ тобою! А городу можно сказать: радуйся, благовѣрный городъ! Съ тобою Господь!

Встань отъ гроба твоего, честная глава! Встань, встряхни сонъ! Ты не умеръ, но спишь до общаго всѣмъ возстанія. Встань, не умеръ ты, не годится умирать тебѣ, увѣровавшему во Христа, жизнь всего міра. Стряхни сонъ, возведи очи и посмотри, какъ Господь, сподобивъ тебя почестей, не оставилъ тебя безъ памяти и на землѣ, въ сынѣ твоемъ. Встань, посмотри на сына своего, Георгія, посмотри на кровнаго своего, посмотри на того, котораго извелъ Господь отъ чреслъ твоихъ, посмотри на украшающаго престолъ земли твоей,—и возрадуйся, возвеселись! Посмотри и на благовѣрную сноху твою, Ирину, посмотри и на внуковъ и правнуковъ твоихъ, какъ они живутъ, какъ Господь хранитъ ихъ; какъ содержатъ они благовѣріе, тобою преданное, какъ часто посѣщаютъ святые храмы, какъ славятъ Христа, какъ покланяются Его имени. Посмотри и на городъ, сіяющій величіемъ, посмотри

на процвѣтающія церкви, посмотри на возрастающее христіанство; посмотри на городъ, освящаемый и блистающій иконами святыхъ, благоухающій ѳиміамомъ и оглашаемый хвалами святыми и божественными пѣснопѣніями! И видѣвъ все сіе, возрадуйся, возвеселись и восхвали благаго Бога, строящаго все сіе!...

Ты же, Владыко, Царю и Боже нашъ, высокій и славный!.. Помяни, какъ благій, и насъ убогихъ твоихъ, *яко имя Тебѣ человѣколюбецъ*! Хотя и не имѣемъ мы добрыхъ дѣлъ, но спаси насъ, по великой твоей милости! *Мы бо людіи Твои, и овцы пажити Твоея*; мы—стадо, которое недавно Ты началъ пасти, исторгши изъ пагубнаго идолослуженія. Пастырю добрый, положившій душу свою за овцы! Не оставь насъ, хотя мы и доселѣ блуждаемъ; не отвергни насъ, хотя мы и доселѣ согрѣшаемъ предъ Тобою, какъ рабы новокупленные, ни въ чемъ не умѣющіе угодить господину своему. Не возгнушайся, хотя и мало еще стадо, но скажи намъ: *не бойся, малое стадо, яко благоизволи Отецъ вашъ дати вамъ царство* (Лук. 12, 32)....

Поученія Ѳеодосія Печерскаго.

1. Поученіе о казняхъ Божіихъ.

Наводитъ Богъ, по своему гнѣву, какую либо казнь, или иноплеменниковъ, когда мы не обращаемся къ Нему, а междоусобная брань бываетъ отъ соблазна діавола и отъ злыхъ людей. Богъ не хочетъ зла, но добра; а діаволъ радуется всякому злу, совершаемому между людьми: онъ издревле врагъ нашъ, хочетъ убійства, кровопролитія, воздвигая ссоры, зависть, братоненавидѣніе, клевету. Потому, когда согрѣшитъ какая-нибудь страна, Богъ наказываетъ ее смертію, или голодомъ, или нашествіемъ иноплеменниковъ, или бездождіемъ или иными различными казнями, чтобы мы, покаявшись, жили такъ, какъ Богъ велитъ, говоря намъ чрезъ пророка: *обратитесь ко мнѣ всѣмъ сердцемъ вашимъ, въ постѣ и плачѣ* (Іоил. 2, 12). Если бы мы пребывали въ заповѣдяхъ Божіихъ, то и здѣсь удостоились бы получить блага земныя, и по отшествіи изъ міра—жизнь вѣчную. Но мы постоянно вращаемся въ нечестіи, прилагая грѣхи къ грѣхамъ, во всемъ прогнѣвляя Бога, совершая то предъ очами Его. И исполнятся на насъ слова Его, сказанныя чрезъ пророковъ.... (Амос. 4, 7—9; Притч. 1, 28 и друг.). Посему-то Богъ затворяетъ небо, не даетъ дождя, посылаетъ градъ, губитъ морозомъ плоды, томитъ землю зноемъ за наши беззаконія. А если мы покаемся во грѣхахъ на-

шихъ, то какъ чадамъ, Богъ подастъ намъ все доброе, и *одождитъ намъ дождь ранній и поздній, и наполнятся гумна наша пшеницы* (Іоил. 2, 23—25).... Слыша это, подвигнемся на добро: взыщите судъ, избавьте обидимаго и придите на покаяніе, не воздавая зломъ за зло, ни клеветою за клевету; но обратимся любовію къ Господу, постомъ, и рыданіемъ, и слезами омывая грѣхи свои, не словомъ называясь христіанами, а живя по язычески. Напримѣръ, не по язычески ли мы поступаемъ? Если кто встрѣтитъ чернеца или черницу, или свинью, или коня лысаго,—то возвращается назадъ: развѣ это не по язычески? Такого суевѣрія держатся по наущенію отъ діавола. Другіе вѣрятъ чиханью, которое часто бываетъ на здравіе головѣ; но всѣмъ этимъ прельщаетъ діаволъ, равно какъ и другими обычаями и разными искушеніями, удаляющими отъ Бога: волхвованіямъ, чародѣяніемъ, блудомъ, запоемъ, *рѣзоиманіемъ* (процентами, барышами), *прикладами* (ростомъ или лихвою), воровствомъ, ложью, завистью, клеветою, *зубами* (дракою), скоморохами, гуслями, сопѣлями и всякими играми и дѣлами непотребными. Видимъ и другія злыя дѣла: всѣ дерзки (дръзливы) на пьянство, на злыя игры, которыхъ христіанамъ совершать непозволительно. И вотъ еще, когда стоимъ въ церкви, — какъ смѣемъ мы смѣяться, или шептаться? Припадаетъ окаянный діаволъ и внушаетъ намъ творить смѣхъ и шепотъ и другія непотребства, когда мы стоимъ въ церкви предъ Царемъ Небеснымъ: какой муки мы за это не достойны!.. Ты же, братъ, стоя въ церкви и видя кого-нибудь неприлично стоящимъ, возбрани ему и сдѣлай ему выговоръ. Молю васъ, братіе, да стоимъ на молитвѣ со страхомъ и любовію другъ къ другу и, молясь воистинну, будемъ взывать: *да исправится молитва моя, яко кадило предъ тобою, воздѣяніе руку моею, жертва вечерняя.* Если руки твои не совершали никакого грабежа,—хорошо говоришь: *воздѣяніе руку моею.* Потому осматривай руки твои и испытывай, чисты ли онѣ отъ грабежа и мздоимства. Если же ты грабилъ, или бралъ лихву или корчемный прикупъ, или кого пріобидѣлъ чѣмъ либо, что запретило святое Писаніе: то не говори, не поднимай рукъ твоихъ, пока не очистишься отъ всякаго зла.... Знайте и то, возлюбленныя дѣти, что св. Отцы наши уставили постные дни по наученію Господню и по заповѣди св. Апостоловъ, и заповѣдали праздновать св. праздники не тѣлесно, но духовно, чтобы мы не чреву работали неприличнымъ пьянствомъ, но молились Богу о своихъ грѣхахъ, кормили съ собою немощныхъ, питая тѣло земнымъ брашномъ, а душу духовнымъ, которое называется хлѣбомъ ангельскимъ и снесено съ неба въ священныхъ книгахъ,—и все это дѣлали съ

любовію, безъ которой никакая добродѣтель не приносится Богу,— живя въ мирѣ не только съ друзьями, но и со врагами....

Горе, и опять скажу, горе пребывающимъ въ пьянствѣ!... Пьянствомъ мы отгоняемъ отъ себя ангела-хранителя и привлекаемъ къ себѣ злого бѣса; чрезъ пьянство удаляемся отъ св. Духа и приближаемся къ аду. Бѣсы радуются нашему пьянству и, радуясь, приносятъ діаволу отъ пьяницъ пьянственную жертву, а діаволъ съ радостію говоритъ: никогда я не радуюсь столько жертвамъ языческимъ, какъ пьянству христіанъ; потому что въ пьяницахъ находятся всѣ дѣла моего хотѣнія.... И посылаетъ діаволъ бѣсовъ, говоря: идите, научайте христіанъ пьянству и всѣмъ дѣламъ моего хотѣнія. Ангелы же святые, пришедши, повѣдали св. Отцамъ съ большою печалію, чтобы они писаніемъ отъучили христіанъ отъ пьянства, но не отъ питія: ибо иное пьянство злое, а иное—питье въ мѣру, и въ законъ, и въ приличное время, и во славу Божію. Святые же отцы, написавъ это правовѣрное ученіе, передали его христіанамъ, и кто послушаетъ этого ученія св. Отцевъ и въ жизни будетъ творить волю Божію, тотъ получитъ вѣчную жизнь; а кто не послушаетъ, будетъ осужденъ вмѣстѣ съ діаволомъ на вѣчное мученіе.

Слыша это, братіе, подвигнемся работать Господу и творить заповѣди Его и поживемъ въ законѣ Его всѣ дни живота нашего о Христѣ Іисусѣ, Ему же слава со Отцемъ и Святымъ Духомъ и нынѣ и присно.

II. Слово о пьянствѣ.

Знайте, братіе, что за трапезою уставлено произносить двѣ молитвы, одну въ началѣ, а другую въ концѣ обѣда, уставлено самимъ Господомъ, потомъ Апостолами, а также и св. отцами. Уставлено также благословлять кутью въ честь и похвалу Святымъ, а не во оставленіи грѣховъ: потому что никакимъ приношеніемъ не очищаются грѣхи, кромѣ приношенія тѣла и крови Христовой. Еще уставлено благословлять кутью за упокой умершихъ, но обѣдъ или ужинъ за упокой благословлять не установлено; приставлять къ кутьѣ воду или класть на кутью яйца не повелѣно. Въ алтарь не должно вносить никакой пищи и питья, кромѣ просфоры, ладона и свѣчи,—что относится къ службѣ. А тропарей не пѣть за чашами въ пиру больше трехъ: одинъ въ началѣ обѣда, во славу Христа Бога нашего, другой въ концѣ—во славу Дѣвы Маріи, третій за здоровье государя; а больше не велимъ. А кто имѣетъ смыслъ, пусть узнаетъ, что сказала святая Богородица

святому Василію. Она сказала ему: если хочешь имѣть меня заступницей во всѣхъ бѣдахъ твоихъ, послушай меня, оставь пьянство и не твори молитвы въ пьяномъ видѣ; ибо не только не будешь услышенъ, но и Бога безгнѣвнаго разгнѣвишь и осужденъ будешь на мученія. А вотъ указаніе и въ поставленіяхъ св. отцевъ: если кто напоитъ другого за любовь, или святыми заклиная, долженъ поститься 7 дней; если же напившійся сблюетъ, долженъ питаться въ теченіе 40 дней хлѣбомъ и водой. Много объ этомъ говорится въ отеческихъ постановленіяхъ. Но умнымъ достаточно и этого указанія, а несмысленные не поймутъ и не повѣрятъ, если бы даже открыть имъ указанія всѣхъ книгъ. Если же вы писанію не вѣрите, дѣламъ своимъ вѣрьте. Ибо, если кто много выпьетъ съ тропарями, то начинаетъ ползать на колѣнахъ, не будучи въ состояніи ходить на своихъ ногахъ, другой валяется въ грязи, въ посмѣхъ всѣмъ людямъ, а хранителя души своей, ангела Господня, отгоняетъ отъ себя... Одержимый бѣсомъ страдаетъ невольно и удостоится жизни вѣчной, а пьяный страдаетъ по своей волѣ и подвергается вѣчной мукѣ. Если къ одержимому бѣсомъ придетъ іерей и сотворитъ молитву, то прогонитъ бѣса; но если бы къ пьяному сошлись іереи со всей земли и сотворили надъ нимъ молитву, то не прогнали бы отъ него бѣса самовольнаго пьянства...

III. Изъ слова о терпѣніи и о любви.

Что внесли мы, любимицы мои, въ міръ сей, или что можемъ изъ него вынести? Не оставили ли мы міра и всего, что въ мірѣ, по заповѣди Христа; иже не возненавидитъ и не послѣдуетъ ми, нѣсть ми ученикъ (Лук. 14, 25), и еще: иже аще мя любитъ, слово мое сохранитъ (Іоан. 14, 23), и иже душу свою погубитъ, мене ради, обрящетъ ю (Матѳ. 10, 39)? Но любовь къ Богу совершается не на словахъ, а въ дѣйствительныхъ дѣлахъ. Господь сказалъ: иже пребудетъ въ заповѣдѣхъ моихъ, азъ возлюблю его и явлюся ему самъ (Іоан. 14, 21), — заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга, якоже и азъ возлюбихъ вы: о семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою (Іоан. 13, 34, 35)... Сколько любви Его излилось на насъ недостойныхъ! Якоже возлюби мя Отецъ, сказалъ Онъ, и азъ возлюбихъ вы: больши сея любве никтоже имать, до кто душу свою положитъ за други своя,—вы же друзи мои есте (Іоан. 15, 9. 13. 14). Каковы же должны быть мы, слыша все это? Не горитъ ли въ насъ сердце? Не возбуждаетъ ли насъ совѣсть? Что добраго мы сдѣлали Ему,

почему Онъ избралъ и извелъ насъ отъ маловременнаго житія сего? Не всѣ ли мы уклонились и не хотѣли работать Ему? Не всѣ ли ходили въ слѣдъ похотей своихъ? И Онъ не презрѣлъ насъ, находившихся въ такомъ нечестіи, не возгнушался естества нашего, но, принявъ видъ раба, сдѣлался подобенъ намъ, чтобы мы спаслись...

Такъ, братья мои, содержа между собою истинную любовь, воспріимемъ чистый Законъ благаго Бога нашего и соблюдемъ Его святыя заповѣди, подвизаясь въ бдѣніи и молитвахъ и постоянно молясь за весь міръ, да получимъ чрезъ то царство небесное о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ.

IV. Изъ слова о терпѣніи и милостынѣ.

Прилично было бы намъ отъ трудовъ своихъ кормить убогихъ и странниковъ, а не оставаться въ праздности, не переходить изъ келіи въ келію. Вы слышали слова Павла: ни у кого я не ѣлъ хлѣба даромъ, но занимался трудомъ и работою ночь и день, чтобы не обременить кого изъ васъ (2 Сол. 3, 8); и еще: праздный да не ѣстъ. А мы ничего такого не совершили. И если бы не постигла насъ благодать Божія и не кормила насъ чрезъ боголюбивыхъ людей: что сдѣлали бы мы, смотря на свои труды? Скажемъ ли, что за наше пѣніе, за нашъ постъ и бодрствованіе все то приносятъ намъ? А мы ни за кого изъ приносящихъ не помолимся.... Неприлично намъ, возлюбленные, удерживать только для себя посылаемое намъ отъ Бога чрезъ боголюбивыхъ людей на пользу душевную и тѣлесную, но должно подавать и инымъ требующимъ: блаженнѣе давать, нежели принимать (Дѣян. 20, 35). Блаженъ, сказано также, разумѣваяй на нища и убога: въ день лютъ избавитъ его Господь (Псал. 40, 2), и еще: блаженны милостивые; ибо они помилованы будутъ (Матѳ. 5, 7). Да не уподобимся тѣмъ роптавшимъ, которые чрева ради пали въ пустынѣ... Какъ же мнѣ не стенать и не тужить, любимицы мои, когда я слышу тоже самое и между вами? Или, скажу словами Пророка: кто дастъ головѣ моей камни и глазамъ моимъ источникъ слезъ, чтобы я плакалъ день и ночь о дочери людей моихъ (Іерем. 9, 1)? Мы удалились въ пустыню и ожидаемъ Бога, спасающаго насъ: и не извелъ ли Онъ насъ также изъ Египта, т. е. отъ міра въ пустыню эту безводную, не рукою Моисея, но своею благодатью? Что мы вознерадѣли, братья мои и отцы? Что принесли вы отъ имѣній своихъ въ это мѣсто? Или что̀ я требовалъ отъ васъ, принимая васъ въ эту обитель и въ человѣколюбіе Божіе, которое подаетъ

намъ, бѣднымъ, все по молитвамъ св. Богородицы? Прошу васъ отъ всей души моей, любимицы мои, не будемъ двоедушны, не будемъ прогневлять благаго Владыку, подобно тѣмъ непокорнымъ (іудеямъ), но воздадимъ хвалу Ему за то, что Онъ столько заботится о насъ и подаетъ намъ все въ изобиліи, не помня слабостей нашихъ.

V. Изъ поученія о терпѣніи и милостынѣ.

Молю васъ, любимицы мои, отрясемъ уныніе наше; вспомнимъ первый нашъ входъ, каковы были мы, когда пришли къ дверямъ монастырскимъ. Не всѣ ли мы обѣщались терпѣть и поношенія, и укоры, и изгнанія? Вспомнимъ, что, стоя предъ святыми дверьми, мы давали отвѣтъ о своемъ обѣщаніи, какъ-бы на страшномъ судѣ, не предъ видимыми только свидѣтелями, но и предъ невидимыми, что мы призывали во свидѣтеля самого Владыку и Бога, говоря: вотъ Христосъ здѣсь невидимо стоитъ; знай кому обѣщаешь; ибо никто тебя къ этому не принуждаетъ. А теперь мы всѣ тѣ обѣщанія вмѣнили ни во что. Намъ надлежитъ имѣть покорность и терпѣніе, и того мы не имѣемъ... Читаемъ житія святыхъ, и затыкаемъ уши, чтобы не слышать о ихъ мужествѣ..., а на рѣчи неприличныя, на укоры, на гнѣвъ не лѣнивы. На это и уста открываемъ, и глаза не дремлютъ, и ухо открыто.... Когда начнется рать и затрубятъ трубы воинскія, никто изъ воиновъ не можетъ спать: воину ли Христову прилично лѣниться? Тѣ оставляютъ своихъ женъ, дѣтей, имѣніе, жертвуютъ самою жизнію изъ-за славы временной и преходящей; а мы, если стерпимъ, борясь съ врагами нашими, и одолѣемъ ихъ, — мы удостоимся вѣчной славы и чести неизреченной...

Житіе Ѳеодосія Печерскаго, составленное Несторомъ.

Предисловіе. Благодарю тебя, Господи, Владыко мой, I. Христе, что удостоилъ меня повѣдать святыя Твои тайны объ угодникахъ. Ибо вотъ сперва написалъ я о житіи, убіеніи и чудесахъ святыхъ. и блаженныхъ страстотерпцевъ Бориса и Глѣба; теперь понудилъ я себя приступить и къ другому письменному повѣствованію. Оно превышаетъ мои силы, я недостоинъ того, будучи грубъ и неразуменъ, къ тому же и не обученный наукамъ; но я исполнилъ слово твое; *аще имате вѣру, яко и зерно синапно, и речете горѣ сей прейди и ввержися въ море и абіе послушаетъ васъ* (Матѳ. 17, 20). Размысливъ объ этомъ, я, грѣшный Несторъ, оградивъ себя вѣрою и упованіемъ, что все возможно для Тебя, положилъ начало письменному повѣствованію о житіи Преподобнаго отца нашего

Θеодосія, бывшаго игумена сего Печерскаго монастыря... Братіе, когда я вспомнилъ, что жизнь Преподобнаго никѣмъ не описана, то всякій день погружался въ печаль и молилъ Бога, да сподобитъ меня все по порядку описать, что относится до жизни богоносца нашего Θеодосія, чтобы и будущіе послѣ насъ черноризцы, прочитавъ описаніе жизни и увидѣвъ доблесть мужа, восхвалили Бога, прославляя и угодника его, и укрѣпились на подвигъ, особенно потому, что въ сей странѣ явился такой мужъ и угодникъ Божій... О немъ теперь начну повѣствовать съ самаго перваго возраста Θеодосія. Послушайте, братіе, со всѣмъ прилежаніемъ, поелику это повѣствованіе весьма полезно для всѣхъ слушающихъ. Прошу же васъ, возлюбленные, не осудите моего невѣжества; потому что я, проникнутый любовью къ Преподобному, рѣшился написать все то, что относится до Святаго.

Рожденіе и дѣтскій возрастъ. Есть городъ, отстоящій отъ столичнаго городя Кіева на 50 поприщъ, по имени Васильевъ. Въ немъ жили родители святаго, просвѣщенные христіанскою вѣрою и украшенные благочестіемъ. Здѣсь родили они блаженное дитя... Отрокъ росъ, воспитываемый родителями. Благодать Божія была съ нимъ и Духъ Святый измлада вселился въ него. Кто повѣдаетъ милосердіе Божіе! Ибо вотъ Богъ не избралъ пастыря и учителя иноковъ ни изъ премудрыхъ философовъ, ни изъ городскихъ властелиновъ, но да прославится имя Господне въ томъ, кто, будучи грубымъ и необразованнымъ, явился мудрѣе философовъ...

Родители блаженнаго, по повелѣнію князя, или лучше, по волѣ Божіей, переселились въ другой городъ, именемъ Курскъ.... Возрастая тѣломъ и душою, блаженный отрокъ каждый день ходилъ въ церковь, чуждался дѣтскихъ игръ, носилъ худую и покрытую заплатами одежду... Къ этому онъ просилъ родителей отдать его къ какому либо учителю для обученія его чтенію божественныхъ книгъ, что и было исполнено; и весьма скоро онъ выучилъ преподаваемую ему науку, такъ что всѣ дивились разуму дитяти и скорому его обученію...

Кончина отца. Намѣреніе посѣтить Іерусалимъ. Печеніе просфоръ. Удаленіе въ другой городъ къ пресвитеру. Служеніе при храмѣ властелина. По четырнадцатому году лишился Θеодосій отца. Съ того времени онъ еще болѣе сталъ трудиться и ходилъ на село съ рабами и работалъ со всякимъ смиреніемъ. Мать противилась этому, требовала, чтобы сынъ оставался дома и носилъ приличную одежду, говоря, что своими поступками онъ подвергаетъ безчестію и себя и своихъ родственниковъ. Когда онъ не повиновался ей, она часто била его, ибо была здорова, сильна, какъ мужчина, такъ что

еслибъ кто, не видѣвъ ее, услышалъ разговоръ ея, то счелъ бы ее за мужчину. Благоговѣйный же юноша размышлялъ, какъ и какимъ образомъ спастись ему? Узнавъ, что въ ихъ городѣ находятся странники отъ святыхъ мѣстъ, святой тайно отъ матери ушелъ съ ними, упрося ихъ быть имъ спутникомъ... Но благій Богъ не допустилъ удалиться изъ страны сей тому, котораго отъ матерняго чрева назначилъ быть пастыремъ словесныхъ овецъ... Мать догнала его, въ сильномъ гнѣвѣ била его и воротила домой,... и привязаннаго заперла въ отдѣльной горницѣ... Чрезъ два дня развязала его, но заковала ноги въ желѣза, боясь, чтобы онъ не ушелъ. Потомъ, смиловавшись надъ сыномъ, стала ласково уговаривать его, чтобы онъ не уходилъ отъ нея, поелику она любила его болѣе всѣхъ и потому не могла быть безъ него. Давъ обѣщаніе не уходить, блаженный Өеодосій... снова обратился къ прежнему подвигу, сталъ посѣщать ежедневно церковь Божію и рѣшился посвятить себя печенію просфоръ, въ коихъ онъ видѣлъ часто недостатокъ. Сверстники его смѣялись надъ такимъ занятіемъ, но блаженный все это переносилъ съ радостью и молчаніемъ. И мать, не терпя видѣть сына въ такомъ положеніи, начала уговаривать его оставить такое занятіе, ибо оно наноситъ безчестіе всему роду ихъ. Божественный Өеодосій примѣромъ Спасителя убѣдилъ мать оставить свои внушенія. Но спустя годъ мать снова стала возбранять ему, иногда ласкою, иногда и побоями, чтобы онъ оставилъ такое занятіе. Тогда блаженный юноша тайно ушелъ изъ дому и въ ближайшемъ городѣ поселился у пресвитера, занимался, по обыкновенію, дѣломъ своимъ. Черезъ нѣсколько дней мать узнала, гдѣ скрывается онъ, и воротила домой съ побоями. Приведя въ домъ, сказала: смотри, не уходи отъ меня; иначе куда бы ты ни ушелъ, я найду тебя, свяжу и съ побоями притащу въ свой городъ. Тогда блаженный Өеодосій сталъ молиться Богу и всякій день ходилъ въ церковь. Видя его смиреніе, властелинъ того города сильно полюбилъ его и повелѣлъ ему быть въ своей церкви; давалъ ему чистыя одежды, но блаженный Өеодосій препоясался желѣзными цѣпями и желѣзо, будучи узко, въѣдалось въ тѣло его. Въ одинъ праздникъ, когда всѣ знатные города обѣдали у властелина и Өеодосію повелѣно было предстоять и служить, мать заставила его надѣть чистую одежду и тутъ-то замѣтила на рубашкѣ его кровь отъ въѣвшагося желѣза, съ запальчивостію разорвала рубашку, била его и сорвала желѣзы. Блаженный Өеодосій, какъ будто ничего худого съ нимъ не было, одѣлся и пошелъ скромно и служилъ гостямъ спокойно.

Удаленіе въ Кіевъ, поселеніе въ пещерѣ и постриженіе матери. Спустя нѣсколько времени, блаженный, воспользовавшись уходомъ матери, тайно вышелъ изъ дому и устремился къ городу Кіеву, поелику слышалъ о находящихся тамъ монастыряхъ. Съ обозами купцовъ прибылъ онъ въ Кіевъ, и обходилъ всѣ монастыри, прося иноковъ принять его. Они же, видѣвъ простого отрока, одѣтаго въ худыя одежды, не хотѣли принять его. Услышавъ о блаженномъ Антоніи, живущемъ въ пещерѣ, Θеодосій поспѣшилъ къ нему и просилъ у него остаться съ нимъ. Великій Антоній, прозрѣвъ въ Θеодосіи будущаго подвижника, принялъ его и повелѣлъ Никону пресвитеру постричь его... Мать долго искала сына и плакала по немъ, какъ по мертвомъ. По всей странѣ было заповѣдано, что если кто гдѣ увидитъ отрока, пришелъ бы и сказалъ матери, а за извѣстіе получитъ награду. Узнавъ, наконецъ, что сына видѣли въ Кіевѣ, отправляется туда. Обошла всѣ монастыри и наконецъ узнала, что сынъ ея въ пещерѣ у преподобнаго Антонія... Она приходитъ туда, вызываетъ старца Антонія и проситъ, чтобы онъ показалъ ей ея сына... Преподобный Антоній не могъ уговорить Θеодосія выйти повидаться съ матерью... Тогда она не съ смиреніемъ стала говорить старцу, но кричала съ гнѣвомъ: Обидѣлъ меня старецъ, взялъ сына моего, скрылъ въ пещерѣ и не хочетъ мнѣ показать его; выведи мнѣ, старецъ, сына, я не могу быть жива, если не увижу сына; покажи мнѣ сына моего, иначе умру отъ скорби; сама себя погублю предъ дверьми сей пещеры. Тогда Антоній въ сильной скорби вошелъ въ пещеру и просилъ блаженнаго выйти къ ней... Увидѣвъ изнеможеннаго трудами сына, мать обняла его и горько плакала, и уговаривала воротиться домой и пробыть съ нею до ея смерти только... Блаженный же говорилъ ей: если хочешь видѣть меня каждый день, иди и постригись въ какомъ либо женскомъ монастырѣ. Если сего не сдѣлаешь, не увидишь лица моего... Спустя нѣкоторое время, мать преподобнаго принимаетъ постриженіе въ женскомъ монастырѣ св. Николая... Вотъ житіе блаженнаго отца нашего Θеодосія отъ младенческаго возраста до прибытія въ пещеры; мать его повѣдала о всемъ этомъ одному изъ братій, именемъ Θеодору, который былъ келаремъ при отцѣ нашемъ Θеодосіи, а я слышалъ все это отъ него и, когда разсказывалъ онъ, я записалъ на память всѣмъ почитающимъ его.

Смиреніе св. Θеодосія. Въ одинъ день великій Θеодосій по нѣкоторому дѣлу пошелъ къ христолюбивому князю Изяславу, который далеко жилъ отъ города; тамъ пробылъ онъ до вечера. Христолюбецъ Изяславъ для того, чтобы преподобный имѣлъ время ус-

пѣть повелѣлъ отвезти его въ возкѣ до монастыря его. Во время пути, везшій его, видя его въ худой одеждѣ, почелъ его за одного изъ бѣдняковъ и сказалъ ему: черноризецъ! ты всякій день свободенъ, а я живу въ трудахъ, и вотъ не могу ѣхать на конѣ; дай я лягу въ возкѣ, а ты можешь ѣхать на конѣ. Блаженный, смиренно вставъ, сѣлъ на коня, а тотъ легъ въ возкѣ. Такъ преподобный продолжалъ путь, радуясь и славя Бога. Когда начиналъ онъ дремать, то слѣзалъ съ коня и шелъ пѣшкомъ; когда же утомлялся, опять садился на коня. Когда взошла заря, и вельможи ѣхали къ князю, то издали узнавая блаженнаго, сходили съ коня и кланялись ему. Преподобный сказалъ тогда отроку: чадо, уже разсвѣло, сядь на коня своего. Тотъ, видя, что всѣ ему кланяются, смутился и ужаснулся, всталъ, сѣлъ на коня и поѣхалъ, а преподобный Θеодосій сѣлъ въ возокъ. Всѣ бояре, встрѣчаясь кланялись ему; а возницу еще сильнѣе тревожилъ страхъ. Когда же пріѣхали они въ монастырь, и вся братія, вышедъ, поклонилась Θеодосію до земли, то отрокъ еще болѣе ужаснулся. Кто это такой, думалъ онъ, что ему всѣ кланяются? Преподобный же взялъ его за руку, повелъ въ трапезу и велѣлъ дать ему ѣсть и пить, сколько хочетъ; послѣ того наградилъ его деньгами (кунами) и отпустилъ.

Отшошенія Θеодосія къ великимъ князьямъ Изяславу и Святославу Ярославичамъ. Князь и бояре, слышавъ о добромъ житіи, приходили къ великому Θеодосію и исповѣдывали предъ нимъ грѣхи свои, и съ великою пользою возвращались отъ него. Особенно христолюбивый князь Изяславъ, владѣвшій тогда престоломъ отца своего (Ярослава † 1054 г.), весьма полюбилъ блаженнаго и часто призывалъ его къ себѣ, а многократно и самъ приходилъ къ нему, и насытившись отъ него духовными словами, возвращался назадъ...

Отецъ нашъ Θеодосій запретилъ привратнику, чтобы послѣ обѣда ни для кого не отворялъ воротъ и никто не входилъ въ монастырь до вечерни, поелику въ полуденное время братія почиваетъ для ночныхъ молитвъ и утренняго пѣнія. Въ одинъ день, въ полдень, пріѣхалъ, по обыкновенію, христолюбивый Изяславъ съ немногими отроками. Когда онъ намѣревался ѣхать къ блаженному, то обыкновенно отпускалъ отъ себя всѣхъ бояръ въ ихъ домы, и самъ только съ шестью или пятью отроками пріѣзжалъ къ нему. Пріѣхавъ, сошелъ съ лошади, ибо никогда не ѣзжалъ по монастырскому двору, и приблизившись къ воротамъ, велѣлъ отворить ихъ, желая войти въ монастырь. Привратникъ отвѣтствовалъ ему, что великій отецъ не велѣлъ отворять воротъ до вечерняго времени. Христолюбецъ сказалъ ему: знаешь ли,

кто говоритъ съ тобою? это я, и мнѣ одному отвори ворота. Тотъ, не зная что это князь, отвѣчалъ ему: я сказалъ тебѣ, что повелѣно отъ игумена, если и князь придетъ, не отворяй воротъ. Если хочешь, подожди до наступленія времени вечерняго. Онъ же говорилъ: я князь: ужели и мнѣ не отворишь? Привратникъ, взглянувъ, узналъ, что это князь; однакожь не отворилъ воротъ, но побѣжалъ сказать о семъ блаженному. Князь, стоя передъ воротами, ожидалъ. Блаженный пошелъ и, увидѣвъ князя, поклонился ему. Христолюбецъ сказалъ ему: отче, что это у тебя за запрещеніе, о которомъ говоритъ сей черноризецъ: если и князь придетъ, то не впускай его? Блаженный отвѣтствовалъ: для того такое повелѣніе, добрый государь, чтобы братія не выходили изъ монастыря въ полуденное время, но почивали ради ночного словословія; добро твое благоподвижническое усердіе и полезно для души твоей, и мы весьма рады приходу твоему. Послѣ сего пошли они въ церковь, и по совершеніи блаженнымъ молитвы сѣли. Христолюбивый князь насыщался медоточными словами, выходившими изъ устъ преподобнаго отца нашего Ѳеодосія, и получивъ отъ него великую пользу, возвратился въ домъ свой, прославляя Бога. Съ того дня князь еще болѣе началъ любить его и почиталъ его за одного изъ первыхъ святыхъ отцовъ; онъ исполнялъ съ точностью все, что ни повелѣвалъ ему великій отецъ нашъ Ѳеодосій.

Въ 1073 году произошло смятеніе между тремя князьями, братьями по плоти; возстали на одного старшаго, истинно христолюбиваго Изяслава, который и выгнанъ былъ (22 мар.) изъ столичнаго города. Когда они вошли въ городъ, то послали за блаженнымъ отцомъ нашимъ Ѳеодосіемъ, прося его прійти къ нимъ на обѣдъ и быть участникомъ въ неправедномъ томъ совѣтѣ. Преподобный же, исполненный Духа Святого, узнавъ, что сдѣлано несправедливое изгнаніе христолюбца, отвѣтствовалъ изъ писанія: я не пойду на Іезавелину трапезу—и не вкушу той пищи, которая исполнена крови и убійства. Сказавъ это и много другого укоризненнаго, отпустилъ посланнаго и заповѣдалъ, чтобы онъ возвѣстилъ все пославшимъ его. Они хотя услышали сіе, но не могли прогнѣваться на него, потому что въ преподобномъ видѣли человѣка Божія; опять же и не послушали его, но устремились на прогнаніе брата своего; прогнали его изъ области и возвратились назадъ. Одинъ изъ нихъ (Святославъ Черниговскій) взошелъ на престолъ брата и отца своего, а другой (Всеволодъ) возвратился въ свою область (Переяславль). Тогда отецъ нашъ Ѳеодосій, исполнившись Духа Святого, началъ обличать его, какъ

несправедливо поступившаго, незаконнымъ образомъ восшедшаго на престолъ и изгнавшаго старшаго брата. Преподобный такъ обличалъ его, иногда посылая къ нему на письмѣ посланіе, а иногда предъ приходящими къ нему вельможами обличалъ несправедливость изгнанія брата, приказывая передать то Святославу. Впослѣдствіи написалъ къ нему весьма обширное посланіе, гдѣ такъ обличалъ его: гласъ крови брата твоего вопіетъ на тебя къ Богу, подобно Авелевой на Каина. Приводилъ въ примѣръ и многихъ другихъ древнихъ гонителей, братоубійцъ и ненавистниковъ, и притчами объяснялъ его поступокъ. Все это на письмѣ послалъ къ нему. Святославъ, прочитавъ его посланіе, сильно разгнѣвался на него, какъ левъ возрыкалъ на преподобнаго и бросилъ его посланіе на землю; отъ чего пронесся слухъ, что блаженный будетъ осужденъ на заточеніе. Тогда братія, пораженные скорбію, молили блаженнаго оставить и не обличать его. Многіе бояре приходили къ нему съ извѣстіемъ о княжескомъ гнѣвѣ на него, и просили его не противиться ему; онъ хочетъ, говорили они, послать тебя въ заточеніе. Блаженный же, услышавъ, что говорятъ о заточеніи его, возрадовался духомъ и сказалъ имъ: братіе, я этому весьма радъ, потому что для меня нѣтъ ничего лучше въ сей жизни. Чего страшиться мнѣ? потери ли имѣнія или богатства? или можетъ печалить меня разлука съ дѣтьми и селами? Ничего подобнаго мы не принесли въ міръ сей. Нагими родились, нагими надлежитъ и выйти изъ міра сего. А потому я готовъ и на заточеніе и на смерть. Съ того времени еще смѣлѣе началъ онъ укорять Святослава за ненависть къ брату, потому что сильно желалъ быть заточеннымъ. Князь же хотя и сильно разгнѣвался на блаженнаго, однако не дерзнулъ нанесть ему ни малѣйшаго оскорбленія, поелику видѣлъ, что онъ мужъ преподобный и праведный; онъ и прежде много разъ завидовалъ своему брату, что тотъ имѣетъ такой свѣтильникъ въ своей области. Блаженный отецъ нашъ Өеодосій, будучи много упрашиваемъ братіею и вельможами, и особенно видя, что нѣтъ успѣха отъ словъ, оставилъ его и не укорялъ, помысливъ въ себѣ, что лучше просить его о возвращеніи своего брата въ область. По прошествіи нѣсколькихъ дней, добрый князь, узнавъ, что блаженный Өеодосій пересталъ гнѣваться на него и прекратилъ обличенія свои, весьма обрадовался. Такъ какъ давно желалъ онъ бесѣдовать съ нимъ и насытиться духовными словами его, то послалъ къ блаженному: позволитъ ли прійти ему въ монастырь свой, или нѣтъ? Когда же онъ повелѣлъ прійти, то онъ съ радостію пришелъ въ монастырь его вмѣстѣ съ боярами. Когда великій Өеодосій съ братіею вы-

шелъ изъ церкви, и, по обыкновенію, встрѣтилъ его и поклонился, какъ прилично князю, то и сей привѣтствовалъ блаженнаго, и потомъ сказалъ ему: отче! я не осмѣлился прійти къ тебѣ, думая, что, гнѣваясь на меня, не впустишь въ свой монастырь. Блаженный же отвѣтствовалъ ему: добрый государь! что значитъ гнѣвъ нашъ для твоей власти? Наше дѣло обличить и сказать вамъ, что относится до спасенія души; а вамъ прилично послушать сего. Послѣ сего они вошли въ церковь, и совершивъ молитву, сѣли. Блаженный же Ѳеодосій началъ говорить ему изъ святыхъ книгъ и научать его любви къ брату. Онъ же вину слагалъ на брата своего, и потому не хотѣлъ съ нимъ помириться. Послѣ долгой бесѣды, князь возвратился въ домъ свой, прославляя Бога за то, что удостоился бесѣдовать съ такимъ мужемъ. Съ того времени часто приходилъ къ нему насыщаться брашнымъ болѣе сладкимъ, нежели медъ и сотъ, то есть словами блаженнаго, исходящими изъ медоточивыхъ устъ его. Много разъ великій Ѳеодосій ходилъ къ нему и напоминалъ ему о страхѣ Божіемъ и любви къ брату.

Въ одинъ день блаженный и богоносный отецъ нашъ Ѳеодосій пришелъ къ князю, и вошедъ въ комнату, гдѣ находился князь, сѣлъ и увидѣлъ предъ нимъ многихъ играющихъ: одни играли на гусляхъ, другіе на органахъ, а иные на голосахъ пѣли пѣсни. Такъ обыкновенно забавлялись и веселились предъ княземъ. Блаженный же сидѣлъ близъ него съ потупленнымъ взоромъ. Потомъ, нѣсколько восклонившись, сказалъ ему: будетъ ли такъ на томъ свѣтѣ? Князь же, умилившись словами блаженнаго и нѣсколько прослезившись, приказалъ тѣмъ перестать. Съ того времени, когда они начинали играть, и слышалъ онъ, что приходилъ блаженный, то приказывалъ имъ прекращать игру.

Многократно также, когда возвѣщали его о приходѣ блаженнаго, съ радостію встрѣчалъ его предъ дверьми дома, и такимъ образомъ входили въ домъ. Однажды, находясь въ веселомъ расположеніи духа, князь говорилъ преподобному: отче! истину тебѣ говорю, что если бы возвѣстили мнѣ, что всталъ изъ мертвыхъ отецъ, то не радовался бы такъ, какъ приходу твоему; не боялся бы его, не смущался бы, какъ предъ твоею преподобною душою. Блаженный же ему въ отвѣтъ: если такъ боишься меня, то исполни мое желаніе, возврати брата своего на престолъ, врученный ему благовѣрнымъ отцомъ его. На это онъ промолчалъ, не могши ничего отвѣчать. Такой-то гнѣвъ на своего брата воспламенилъ въ немъ врагъ, что не хотѣлъ и слышать о немъ. Отецъ же нашъ Ѳеодосій всѣ дни и ночи проводилъ въ молитвѣ

о христолюбцѣ Изяславѣ. Сверхъ сего и на эктеніи повелѣлъ воспоминать Изяслава, какъ столичнаго князя и старшаго всѣхъ, а сего (Святослава), какъ незаконнымъ образомъ восшедшаго на престолъ, въ своемъ монастырѣ не велѣлъ вспоминать; а потомъ послѣ, едва бывъ упрошенъ братіею, повелѣлъ и его вспоминать съ нимъ; однако же прежде христолюбца, а потомъ и сего князя.

Заключеніе житія. Здѣсь оканчиваемъ мы повѣствованіе свое. О томъ, что относилось до блаженнаго Ѳеодосія, я, испытывая, слышалъ отъ старшихъ меня отцовъ, бывшихъ въ то время, и такимъ образомъ я, грѣшный Несторъ, написалъ, будучи меньшимъ всѣхъ въ монастырѣ блаженнаго отца Ѳеодосія. Я принятъ былъ въ оный преподобнымъ игуменомъ Стефаномъ, имъ былъ постриженъ, удостоенъ монашеской одежды, и имъ возведенъ въ діаконскій санъ, котораго я не былъ достоинъ, будучи грубъ и необразованъ, особенно же исполненъ множества грѣховъ отъ юности. Составилъ я это жизнеописаніе по волѣ Божіей и изъ любви; ибо когда я много разъ слышалъ отъ братій о добромъ и чистомъ житіи препод. и богоноснаго отца нашего Ѳеодосія, то радовался, что такъ потрудился онъ и пожилъ въ послѣднемъ вѣкѣ. Опять же когда слышалъ, что никѣмъ не описано о томъ, то печаль и скорбь поражали душу мою; а потому я, будучи объятъ любовію къ святому и великому отцу нашему Ѳеодосію, рѣшился отъ грубости сердца своего слышанное о немъ изъ многаго написать немногое во славу и честь великому Господу Богу и Спасу нашему Іисусу Христу.

Начальная лѣтопись.

Вотъ повѣсть о томъ, откуда пошла русская земля, кто началъ первый княжить въ Кіевѣ, и какъ стала русская земля.

Вступленіе. Мы такъ начнемъ эту повѣсть. Послѣ потопа три сына Ноевы, Симъ, Хамъ и Афетъ раздѣлили землю...; отъ племени Афетова пошелъ народъ славянскій. Спустя много времени Славяне сѣли по Дунаю, гдѣ теперь земля Венгерская и Болгарская. Отъ тѣхъ славянъ разошлись многіе народы, и назвались каждый своимъ именемъ, гдѣ кто сѣлъ на какомъ мѣстѣ; такъ напр. одни поселились на рѣкѣ, именемъ Морава, и назвались Моравами, и другіе назвались Чехами; а вотъ тоже Славяне: Бѣлые Хорваты, Сербы и Хорутане. Когда Волохи напали на Славянъ подунайскихъ, поселились сзади нихъ, и стали ихъ притѣснять, то Славяне опять начали двигаться къ сѣверу: такъ одни пришли и сѣли на Вислѣ, и прозвались Ляхами: отъ этихъ Ляховъ пошли Поляки, Лутичи, Мазовшане, Поморяне. Другіе

Славяне пришли и сѣли по Днѣпру, и назвались Полянами, иные Древлянами, потому что стали жить въ лѣсахъ; а нѣкоторые сѣли между Припетью и Двиною, и назвались Дреговичами; Полочане прозвались отъ рѣчки, именемъ Полоты, которая впадаетъ въ Двину. Тѣ, которые поселились около озера Ильменя, прозвались своимъ именемъ, Славянами; они построили себѣ городъ, назвали его Новгородомъ. Такъ разошелся Славянскій народъ.

Легенда объ Апостолѣ Андреѣ: Днѣпръ впадаетъ въ черное море и образуетъ устье, которое слыветъ подъ названіемъ Русскаго моря. На берегахъ его училъ св. Андрей, братъ Петровъ, какъ мы сказали раньше. Однажды Андрей училъ въ Синопѣ и пришелъ въ Корсунь; здѣсь онъ узналъ, что недалеко отъ Корсуня находится устье Днѣпра. Желая отправиться въ Римъ, онъ пришелъ къ устью Днѣпра; отсюда пошелъ вверхъ по Днѣпру и случайно пришелъ къ горамъ и остановился недалеко отъ нихъ на берегу рѣки. Вставши утромъ на другой день, онъ сказалъ бывшимъ съ нимъ ученикамъ: «видите эти горы? на нихъ возсіяетъ благодать Божія: здѣсь будетъ построенъ большой городъ, и въ немъ будетъ много церквей». Взойдя потомъ на горы, онъ благословилъ ихъ, поставилъ тамъ крестъ и, сотворивъ молитву, спустился съ тѣхъ горъ, гдѣ послѣ построенъ былъ Кіевъ, и пошелъ дальше вверхъ по Днѣпру. Когда онъ пришелъ потомъ къ Славянамъ, гдѣ теперь Новгородъ, то увидѣлъ тамъ обычай тамошнихъ жителей мыться въ баняхъ и хлыстать себя вѣниками, и немало этому дивился. Оттуда черезъ землю Варяговъ онъ пришелъ въ Римъ и здѣсь разсказывалъ о видѣнномъ имъ обычаѣ: «на пути сюда черезъ Славянскую землю, говорилъ онъ, видѣлъ я тамъ деревянныя бани. Сначала ихъ жарко натопятъ и тамъ, раздѣвшись до нага, обливаются и, взявши пукъ молодыхъ древесныхъ прутьевъ, бьютъ ими сами себя и до того добьются, что выходятъ оттуда еле живыми; обливъ себя холодной водой, они опять какъ бы оживаютъ. И такъ дѣлаютъ постоянно; никѣмъ не заставляемые, сами себя мучатъ, дѣлаютъ не омовенье себѣ, а мученье». Ученики слушали и дивились. Андрей же побывъ въ Римѣ отправился въ Синопъ.

Преданіе объ основаніи Кіева. Поляне жили себѣ особенно и владѣли родами (семьями) своими, каждый жилъ съ родомъ своимъ на своихъ мѣстахъ. Между Полянами были три брата: одному имя Кій, другому Щекъ, третьему Хоривъ, и сестра у нихъ была Лыбедь. Кій поселился на горѣ, гдѣ нынѣ (т. е. во время лѣтописца) увозъ Боричевъ, а Щекъ—на горѣ Щекавицѣ, а Хоривъ на горѣ Хоривицѣ, которая отъ него и прозвалась Хоривицею

(въ Вышгородѣ). Они построили городъ во имя своего старѣйшаго брата и назвали его Кіевомъ. Около города былъ великій боръ и лѣсъ, они ловили звѣрей, были мужи мудрые и смышленые, и отъ нихъ Поляне въ Кіевѣ до сего дня.

Козарская дань. По смерти этихъ братьевъ, древляне и другіе окольные народы стали притѣснять Полянъ; тогда пришли къ нимъ Козары, и сказали: «платите намъ дань». Поляне подумали и дали имъ по мечу отъ каждаго дома. Козары принесли мечи къ князю своему и старшинамъ, и сказали: «вотъ мы нашли новую дань». Старшины спросили: «откуда вы это взяли?»—«Да вонъ тамъ, въ лѣсу, на горѣ, надъ рѣкою Днѣпромъ»,—отвѣчали они. Тогда старцы козарскіе сказали: «Охъ, не хороша эта дань, князь! мы воюемъ саблями, острыми съ одной только стороны, а у этого народа мечи съ обѣихъ сторонъ острые: будутъ они брать дань и на насъ и на другихъ странахъ».—Такъ и сбылось, какъ предсказали старцы: Русскіе и до сихъ поръ владѣютъ Козарами.

Начало Руси. Въ лѣто 859. Варяги изъ-за моря брали дань на Славянахъ Новгородскихъ, на Кривичахъ, также на Чуди и Мери, по бѣлкѣ съ каждаго дома.

Въ лѣто 860, въ лѣто 861. Эти народы прогнали Варяговъ за море, перестали давать имъ дань, и начали владѣть сами собою. Но прогнавъ Варяговъ, они никакъ не могли уладиться другъ съ другомъ, и начали междоусобныя войны. Тогда они стали говорить между собою: «поищемъ себѣ князя, который бы владѣлъ нами и судилъ всѣ дѣла справедливо»;—отправили пословъ къ Варягамъ, къ Руси; Русью назывались Варяги точно такъ же, какъ другіе зовутся Шведами, иные Норвежцами, Англичанами, Готами. Чудь, Новгородцы и Кривичи сказали Руси: «земля наша велика и обильна, да порядку въ ней нѣтъ: пойдите княжить и владѣть нами». Собрались три брата съ родственниками своими, взяли съ собою всю Русь, и пришли: старшій Рюрикъ въ Новгородѣ, Синеусъ на Бѣлоозеро, Труворъ въ Изборскъ: отъ нихъ то и прозвалась русская земля.... Черезъ два года умерли Синеусъ и Труворъ; Рюрикъ одинъ принялъ всю власть и роздалъ города приближеннымъ къ себѣ людямъ... Двое изъ нихъ, Аскольдъ и Диръ, которые не были ни родня Рюрику, ни бояре его, отпросились итти къ Царю-городу. Идучи внизъ по Днѣпру, они увидали на горѣ городокъ, и спросили: «чей городокъ?»—Жители отвѣчали имъ: «были три брата: Кій, Щекъ и Хоривъ; они-то и построили этотъ городъ, да послѣ изгибли, а мы вотъ платимъ дань Козарамъ».—Аскольдъ и Диръ остались въ Кіевѣ, собрали много Варяговъ, и начали владѣть Полянами...

Между тѣмъ умеръ Рюрикъ. Онъ передалъ княженіе Олегу, своему родственнику, поручивъ ему и сына своего Игоря, который былъ еще дитя.

Въ лѣто 880; въ лѣто 881. Собравши много войска, пошелъ Олегъ къ Смоленску, взялъ этотъ городъ, и посадилъ въ немъ своихъ мужей. Оттуда пошелъ внизъ, взялъ Любечь, и посадилъ въ немъ также своихъ мужей. Пришедши къ горамъ Кіевскимъ, и видя, что Аскольдъ и Диръ княжатъ, Олегъ скрылъ часть воиновъ своихъ въ лодкахъ, другихъ оставилъ позади, а самъ пришелъ, неся малютку Игоря на рукахъ. Онъ послалъ сказать Аскольду и Диру: «мы купцы; идемъ въ Грецію отъ Олега и Игоря; придите повидаться съ нами». Аскольдъ и Диръ пришли. Тогда воины выскакали изъ лодокъ, и Олегъ сказалъ кіевскимъ князьямъ: вы не князья, ни княжескаго рода, но я княжескаго рода, и вотъ сынъ Рюриковъ». Аскольда и Дира убили, понесли на гору, и погребли на горѣ... Олегъ сѣлъ княжить въ Кіевѣ, и сказалъ: «это будетъ мать русскимъ городамъ»; послѣ чего началъ строить города, и уставилъ дани.

Въ лѣто 883. Олегъ воевалъ съ древлянами, и заставилъ ихъ давать дань по черной куницѣ. Въ лѣто 884 онъ пошелъ на сѣверянъ; побѣдивъ ихъ и наложивъ на нихъ дань легкую, не далъ имъ платить дани козарамъ, сказавши; «я непріятель имъ, а съ вами у меня нѣтъ никакой вражды». Въ лѣто 885. Послалъ и къ Радимичамъ спросить: «кому дань даете?» Они отвѣчали: «Козарамъ». Олегъ сказалъ имъ «не давайте Козарамъ, а давайте лучше мнѣ». Радимичи согласились...

Смерть Игоря. Въ лѣто 945. Дружина игорева сказала ему: «наши товарищи, которые съ Свѣнельдомъ, богаты оружіемъ и платьемъ, а мы наги: пойдемъ, князь, съ нами за данью: и ты добудешь, и мы:» Игорь послушался, пошелъ къ Древлянамъ за данью и началъ обижать ихъ; побравши дань, пошелъ въ свой городъ. На дорогѣ Игорь раздумалъ и сказалъ дружинѣ своей, «ступайте вы съ данью домой, а я возвращусь назадъ, похожу еще». Какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ: отпустилъ дружину домой, а самъ съ немногими возвратился назадъ, желая взять еще больше съ Древлянъ. Тѣ, услыхавъ, что Игорь опять идетъ, начали совѣтоваться съ князем своимъ Маломъ; они говорили: «повадится волкъ къ овцамъ, перетаскаетъ все стадо, если не убьютъ его; такъ теперь и съ нами: если не убьемъ Игоря, то всѣхъ насъ погубитъ». Послѣ совѣщанія, они послали сказать Игорю: «зачѣмъ идешь опять? вѣдь ты уже взялъ всю дань». Но Игорь не послу-

шался ихъ; тогда Древляне вышли изъ города и убили Игоря и дружину его, потому что ея было очень мало.

Мщеніе Ольги. Ольга же была въ Кіевѣ съ сыномъ своимъ, дитятею Святославомъ, и съ воспитателемъ его Асмудомъ, воевода же былъ Свѣнельдъ (онъ же и отецъ Мистишинъ). И сказали Древляне: «вотъ мы князя русскаго убили, возьмемъ же жену его, Ольгу, за нашего князя Мала; возьмемъ и Святослава и распорядимся съ нимъ, какъ намъ вздумается». Древляне послали двадцать лучшихъ мужей своихъ къ Ольгѣ въ лодкѣ, и пристали эти люди въ лодкѣ подъ Боричевымъ (у Кіева)... Ольгу извѣстили, что пришли Древляне, и Ольга позвала ихъ къ себѣ: «пришли добрые гости?» — «Пришли, княгиня», отвѣчали древляне. Ольга имъ молвила: «скажите же, зачѣмъ вы пришли сюда?»—Древляне отвѣчали: «послала насъ Древлянская земля (т. е. народъ) вотъ что сказать: мужа твоего убили, потому что онъ грабилъ насъ, какъ волкъ, а наши князья добры, они обогатили (распасли) Древлянскую землю; поди же за князя нашего Мала»—князя-то Древлянскаго Маломъ звали. Ольга имъ сказала: «Люба мнѣ рѣчь ваша; вѣдь въ самомъ дѣлѣ мнѣ мужа своего ужъ не воскресить, но я хочу завтра почтить васъ передъ своими людьми, а теперь идите въ свою лодку и лягте, величаясь, въ лодкѣ; завтра я пошлю за вами, вы же молвите: не ѣдемъ на коняхъ, и пѣшкомъ не идемъ, а несите насъ въ лодкѣ, и понесутъ васъ въ лодкѣ»,—и отпустила ихъ въ лодку. Между тѣмъ Ольга велѣла выкопать большую и глубокую яму на теремномъ дворѣ, внѣ города. На другой день Ольга, сидя въ теремѣ, послала за гостями: (посланные) къ нимъ пришли, говоря «зоветъ васъ Ольга на великую честь». — Они же отвѣчали: Не ѣдемъ ни на коняхъ, ни на возахъ, а несите насъ въ лодкѣ. Кіевляне (на это) сказали: поневолѣ понесемъ: нашъ князь убитъ, а княгиня наша хочетъ за вашего князя выйти», — и понесли ихъ въ лодкѣ. Древляне, сидя въ лодкѣ, важничали; принесли ихъ на дворъ къ Ольгѣ, и пронося, бросили въ яму вмѣстѣ съ лодкою. Ольга нагнулась къ нимъ и спросила: «довольны-ли вы честью?» — Древляне отвѣчали: «охъ, хуже намъ Игоревой смерти». Она велѣла засыпать ихъ живыми, и ихъ засыпали. Ольга же послала Древлянамъ сказать: «просите, какъ слѣдуетъ, пришлите людей нарочитыхъ (самыхъ первыхъ), чтобы мнѣ прійти къ вамъ съ великою честью, а то, пожалуй, Кіевляне меня и не пустятъ». Услыша это, Древляне собрали лучшихъ мужей, державшихъ ихъ землю, и послали за Ольгою. Когда же Древляне пришли, Ольга повелѣла истопить баню, и сказала такъ: «какъ помоетесь, такъ приходите ко мнѣ».

Истопили избу, и влѣзли въ нее Древляне, начали мыться; и заперли (слуги) за ними баню и Ольга велѣла зажечь ее отъ дверей,—такъ всѣ въ ней и сгорѣли. Тогда Ольга велѣла сказать Древлянамъ; «я уже иду къ вамъ, приготовьте много меду въ городѣ, гдѣ убили моего мужа (въ Коростенѣ), поплачу надъ гробомъ его, говорила она, и сотворю тризну. Услыша это, Древляне привезли много меду и заварили на назначенномъ мѣстѣ. Ольга, съ небольшою дружиною, налегкѣ, пришла къ Игоревой могилѣ, поплакала надъ нею, и велѣла своимъ людямъ насыпать высокій курганъ; когда насыпали, повелѣла творить тризну. Потомъ Древляне сѣли пить (на тризнѣ), и приказала Ольга отрокамъ своимъ прислуживать имъ; Древляне спросили Ольгу: «гдѣ же наша дружина, которую послали за тобою?»—Ольга отвѣчала: «идутъ за мной съ дружиною моего мужа». Когда Древляне опьянѣли, то Ольга велѣла отрокамъ своимъ пить за ихъ здоровье, а сама отошла прочь и приказала дружинѣ сѣчь Древлянъ. Ихъ избили 5000, а Ольга возвратилась въ Кіевъ и на остальныхъ стала снаряжать войско.

Въ лѣто 946. Ольга собрала большое и храброе войско и съ сыномъ своимъ Святославомъ пошла на Древлянскую землю. Когда кіевляне сошлись съ древлянами, Святославъ первый сунулъ копьемъ, но оно пролетѣло только между ушей коня и упало ему въ ноги: князь былъ еще ребенкомъ. Свѣнельдъ и Асмудъ тогда сказали: «князь уже началъ, ударимъ, дружина, за княземъ». Древляне были побѣждены, бѣжали и затворились въ городахъ своихъ. Ольга съ сыномъ своимъ пошла на Искоростень, гдѣ убили мужа ея, а Древляне заперлись въ городѣ и оттуда сильно защищались, ибо сами чувствовали себя виновными. Ольга осаждала цѣлое лѣто и не могла взять города, наконецъ придумала новую хитрость. Она послала въ городъ спросить: «для чего вы упорствуете? всѣ иные города ваши сдались мнѣ, и согласились платить дань, и жители ихъ смирно обработываютъ нивы свои, а вы хотите умереть голодомъ, не желая платить дань». Древляне отвѣчали: «мы бы рады согласиться на дань, но ты хочешь мстить за своего мужа». Я уже отомстила за смерть своего мужа, сказала Ольга, когда вы приходили въ Кіевъ, а другой разъ когда творила тризну; теперь уже не хочу мстить, а желаю взять небольшую дань и, помирившись съ вами, пойду назадъ. Древляне спросили: «чего же хочешь взять у насъ? мы рады дать тебѣ меду.»—Теперь у насъ нѣтъ ни меду, ни мѣховъ, сказала Ольга, такъ дайте мнѣ отъ двора по три голубя и по три воробья; прошу у васъ немного, такъ какъ вы изнемогли въ осадѣ». Древляне

обрадовались, собрали отъ каждаго двора по три голубя и по три воробья и отправили къ Ольгѣ съ поклономъ. «Вотъ вы и покорились мнѣ и моему сыну, сказала она, теперь ступайте въ городъ, я отступлю отъ него». Древляне съ радостію пришли въ городъ и сообщили всему народу. Ольга же раздала своимъ воинамъ кому по голубю, кому по воробью, и велѣла привязать къ каждой птицѣ маленькія тряпочки съ сѣрою, зажечь, когда смеркнется, и такъ пустить голубей и воробьевъ на волю. Птицы полетѣли въ свои гнѣзда, по голубятнямъ, подъ стрѣхи (подъ кровли) и вдругъ въ Искоростенѣ загорѣлись гдѣ голубятня, гдѣ клѣти (лѣтнія избы), гдѣ вежи (вышки, чердаки), гдѣ одрины (спальни). Не было двора, гдѣ бы не горѣло; гасить не было возможности, ибо всѣ дома загорѣлись: жители въ страхѣ побѣжали изъ города, а Ольга приказала воинамъ ловить ихъ. Сжегши Искоростень, Ольга наложила на его жителей тяжелую дань, нѣкоторыхъ изъ нихъ отдала въ рабство дружинѣ, а старѣйшинъ города взяла себѣ. Двѣ части дани съ этого города шли въ Кіевъ, а третья въ Вышгородъ, принадлежавшій Ольгѣ.

Князь Святославъ и кончина Ольги. Когда Святославъ выросъ и возмужалъ, то началъ собирать около себя много храбрыхъ воиновъ; ходилъ легко, какъ барсъ, и только и дѣлалъ, что воевалъ. Въ походахъ не возилъ за собою ни возовъ, ни котловъ, и не возилъ мяса; но изрѣзавъ тонкими ломтиками конское мясо, или какого-нибудь другого звѣря, или говядину, пекъ самъ на угляхъ, и такъ ѣлъ. Шатра у Святослава также не было, а спалъ онъ на войлокѣ, положивъ сѣдло въ головы, точно такъ же жили и остальные воины. Онъ посылалъ къ разнымъ народамъ сказать имъ: «хочу итти на васъ». Ходилъ на Оку и на Волгу; на Окѣ нашелъ Вятичей, и спросилъ ихъ: «кому дань даете?» Вятичи отвѣчали: «Козарамъ». Тогда пошелъ Святославъ на Козаръ, побѣдилъ ихъ и взялъ ихъ городъ; потомъ побѣдилъ Ясовъ и Косоговъ; наконецъ пошелъ на Дунай, на Болгаровъ, одолѣлъ ихъ, побралъ 80 городовъ по Дунаю, и сѣлъ княжить здѣсь въ Переяславлѣ.

Въ лѣто 968. Пришли въ первый разъ Печенѣги на русскую землю, а Святославъ былъ въ Переяславцѣ. Ольга затворилась въ Кіевѣ со внуками своими: Ярополкомъ, Олегомъ и Владиміромъ. Печенѣги обступили городъ со всѣхъ сторонъ, такъ что нельзя было ни выйти изъ города, ни вѣсти послать; народъ изнемогъ отъ голода и жажды. Жители другой стороны Днѣпра собрались въ лодкахъ, но ни одному изъ нихъ нельзя было пробраться въ городъ, ни изъ города къ нимъ. Встужили тогда кіевляне, и стали

говорить: «нѣтъ ли кого, кто бы могъ пройти на ту сторону, и сказать: если завтра никто насъ не выручитъ, то сдадимся печенѣгамъ». Вызвался одинъ мальчикъ и сказалъ: «я перейду», и точно пошелъ съ уздою изъ города, и ходилъ между печенѣгами и спрашивалъ: «не видалъ ли кто его лошади?» (онъ умѣлъ говорить по печенѣжски, такъ что Печенѣги приняли его за своего). Когда же онъ дошелъ до рѣки, то скинулъ платье, бросился въ Днѣпръ и поплылъ; увидавъ это, Печенѣги кинулись за нимъ и начали стрѣлять, но не могли уже ему ничего сдѣлать, потому что жители другой стороны Днѣпра подъѣхали къ нему и взяли его въ лодку. Мальчикъ сказалъ имъ: «если не подступите завтра къ городу, то жители его хотятъ сдаться Печенѣгамъ». Тогда воевода, именемъ Претичъ, сказалъ, «подступимъ завтра въ лодкахъ къ городу, схватимъ княгиню и молодыхъ князей и умчимъ ихъ на нашу сторону; если же такъ не сдѣлаемъ, то Святославъ погубитъ насъ». На другой день, сѣвъ въ лодки на разсвѣтѣ, начали они громко трубить; а люди въ городѣ отвѣчали имъ радостными кликами. Печенѣги подумали, что самъ князь пришелъ, и побѣжали отъ города въ разныя стороны, а Ольга со внуками вышла къ лодкамъ. Увидавъ это, князь Печенѣжскій возвратился одинъ къ воеводѣ Претичу и сказалъ: «кто это пришелъ?» Ему отвѣчали: „лодки съ той стороны". Князь Печенѣжскій спросилъ опять у Претича: „а ты князь ли?" Претичъ отвѣчалъ: „я его воевода и пришелъ съ передовыми, а за мною идетъ полкъ съ княземъ—безчисленное множество народа". Все это онъ насказалъ, чтобы испугать Печенѣговъ. Тогда Печенѣжскій князь сказалъ Претичу: «будь моимъ другомъ»; Претичъ отвѣчалъ: «пожалуй». Печенѣжскій князь подарилъ Претичу коня, саблю и стрѣлы, а воевода подарилъ ему броню, щитъ и мечъ. Печенѣги отступили отъ города. Тогда Кіевляне послали сказать Святославу: «ты, князь, ищешь чужой земли и берешь ее, а до своей тебѣ и дѣла нѣтъ; насъ чуть было не взяли Печенѣги, вмѣстѣ съ твоею матерью и дѣтьми; если ты не придешь и не оборонишь насъ, то насъ опять возьмутъ Печенѣги: видно тебѣ не жаль ни родной земли, ни матери—старухи, ни дѣтей». Услыхавъ такія вѣсти, Святославъ тотчасъ же сѣлъ на коней съ дружиною и пріѣхалъ въ Кіевъ: радъ онъ былъ, что нашелъ мать и дѣтей своихъ въ безопасности; но очень жалѣлъ, что случилась съ ними такая бѣда отъ Печенѣговъ, и, собравъ войско, прогналъ варваровъ въ степи, послѣ чего настало мирное время.

Въ лѣто 969. Сталъ говорить Святославъ матери своей и боярамъ своимъ: „не нравится мнѣ въ Кіевѣ, хочу жить въ Переяр-

славцѣ на Дунаѣ; тамъ середина земли моей; туда привозится все доброе: изъ Грецiи идетъ туда золото, ткани, вина, плоды разные; изъ Богемiи и Венгрiи серебро и кони; изъ Руси звѣриныя шкуры, воскъ, медъ и рабы". Ольга отвѣчала ему на это: «развѣ не видишь, что я уже больна; куда же ты хочешь отъ меня уйти? похорони меня по крайней мѣрѣ, а тамъ уже ступай, куда хочешь». Черезъ три дня послѣ этого разговора Ольга умерла; сынъ, внуки и весь народъ горько плакали по ней; потомъ вынесли тѣло и погребли. Ольга передъ смертiю не велѣла дѣлать надъ собою тризны, потому что при ней былъ священникъ, который и похоронилъ ее. Она была предтечею въ христiанской землѣ, какъ денница передъ солнцемъ и какъ заря передъ свѣтомъ; она сiяла, какъ луна въ ночи, посреди невѣрныхъ людей свѣтилась, какъ бисеръ... Она первая вошла въ царство небесное *отъ Руси;* ее хвалятъ Русскiе сыны, какъ начальницу; она по смерти молитъ Бога за Русь.

Испытанiе вѣроисповѣданiй. Въ лѣто 987. Созвалъ Владимiръ бояръ своихъ и городскихъ старцевъ и сказалъ имъ: — «приходили ко мнѣ болгары, предлагали принять ихъ вѣру; потомъ были нѣмцы, и тѣ хвалили свой законъ; послѣ нихъ пришли евреи. Наконецъ, приходилъ ко мнѣ посолъ отъ грековъ. Онъ порицаетъ всѣ законы, а свой хвалитъ. Много говорилъ онъ о началѣ мiра. Чудны эти разсказы; всякому любо слушать ихъ. Сказывалъ, что и другой свѣтъ есть; кто вступитъ въ греческую вѣру, тотъ, говоритъ, если и умретъ, то снова воскреснетъ и не умретъ уже во вѣки, а кто другую вѣру приметъ, — горѣть тому на томъ свѣтѣ въ вѣчномъ огнѣ. Что вы мнѣ посовѣтуете? что скажете?» — «самъ знаешь, князь, сказали бояре и старцы, всякiй свое хвалитъ, а не хулитъ. У тебя есть мужи; пошли ихъ развѣдать, какъ служатъ Богу разные народы». Совѣтъ этотъ понравился князю и всѣмъ людямъ; выбрали десять лучшихъ и смышленыхъ мужей и сказали имъ: «пойдите сперва къ болгарамъ и узнайте вѣру ихъ». Послы пошли къ балгарамъ, потомъ были у нѣмцевъ; не понравилось имъ богослуженiе этихъ народовъ. Наконецъ, прибыли послы въ Царьградъ и явились къ царю. Узналъ царь, съ какою цѣлiю явились они, принялъ ихъ съ большою честью въ тотъ же день, а на утро послалъ сказать патрiарху, что вотъ пришли люди съ Руси и желаютъ узнать нашу вѣру: разукрась церковь и собери духовенство, а богослуженiе соверши какъ можно торжественнѣе: пусть видятъ славу Бога нашего. Патрiархъ отправился съ ними въ церковь; русскiе послы были поставлены на удобномъ мѣстѣ, такъ что могли хорошо видѣть всю красоту церкви, службу

архіерейскую и слышать пѣніе. Они были поражены великолѣпіемъ и торжественностью службы. На прощаніе цари Василій и Константинъ богато ихъ одарили и съ большою честью проводили. Когда вернулись они въ Кіевъ, созвалъ Владиміръ снова бояръ своихъ и старцевъ и сказалъ имъ: «Вотъ пришли посланные нами мужи; послушаемъ, что скажутъ они».—«Ходили мы, разсказывали послы, къ болгарамъ смотрѣли, какъ они молятся въ своихъ храмахъ (въ мечетяхъ): стоятъ они безъ пояса; поклонившись, сядутъ и глядятъ и туда и сюда: словно бѣшеные. Нѣтъ красоты въ служеніи ихъ; не хорошъ ихъ законъ. Ходили мы, и къ нѣмцамъ, были у нихъ въ храмахъ, видѣли, какъ совершается у нихъ служба, но красоты никакой не нашли. Когда же пришли мы къ грекамъ, и когда ввели насъ въ храмъ, гдѣ служатъ Богу своему,— мы не знали, на небѣ ли мы были или на землѣ. Нѣтъ на землѣ такого вида и такой красоты, и разсказать о ней мы не умѣемъ; знаемъ только то, что тамъ Богъ пребываетъ съ людьми, и служба ихъ лучше всѣхъ странъ. Мы не можемъ забыть той красоты: всякій человѣкъ, вкусившій сладкаго, не захочетъ послѣ вкусить горькаго, такъ и мы, не хотимъ здѣсь быть». — «Если бы худъ былъ законъ греческій, сказали Владиміру бояре, созванные на совѣтъ, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, мудрѣйшая изъ всѣхъ людей».—«Гдѣ же мы примемъ крещеніе?» спросилъ Владиміръ.—«Гдѣ тебѣ угодно, отвѣчали бояре».

Крещеніе Руси. Затѣмъ Владиміръ взялъ (изъ Корсуня) царицу и Настаса и священниковъ корсунскихъ, мощи св. Климента и Фива, ученика его, церковные сосуды, иконы... Отдавши Корсунь грекамъ «въ вѣно за жену свою», Владиміръ вернулся въ Кіевъ. Здѣсь прежде всего велѣлъ уничтожить кумиры: нѣкоторые изрубить, другіе сжечь. Перуна же приказалъ привязать къ хвосту коня и стащить съ горы въ рѣку (по Боричеву на Ручай). Въ то время, когда волокли кумиръ, 12 мужей били его прутьями для большаго поруганія язычества... Когда его волокли къ Днѣпру, многіе язычники, не принявшіе еще крещенія, горько плакали. Кумиръ былъ брошенъ въ Днѣпръ. Владиміръ между тѣмъ сказалъ: «если идолъ пристанетъ гдѣ у берега, отталкивайте его, пока онъ пройдетъ пороги, а потомъ оставьте его». Они такъ и сдѣлали: пустили идола, и когда онъ прошелъ пороги, прибило его вѣтромъ на песчаную полосу: мѣсто то до сего дня слыветъ подъ назвеніемъ: Перунина рѣнь (урочище на Днѣпрѣ). Затѣмъ Владиміръ послалъ по всему городу оповѣстить, чтобы на другой день всѣ некрещенные шли къ рѣкѣ. «Кто не придетъ къ рѣкѣ, возвѣщали вѣсники, — богатый или бѣдный, работникъ или нищій,

тотъ будетъ считаться противникомъ князю». Многіе, слыша это, съ радостью шли креститься, разсуждая, что, не будь крещеніе дѣломъ благимъ, не приняли бы его князь и бояре. На другой день пришелъ Владиміръ съ митрополитомъ, съ Корсунскими священниками на Днѣпръ. Множество народа сошлось сюда. Всѣ вошли въ воду. Одни стояли въ водѣ по шею, другіе по грудь, малыя дѣти стояли у берега, взрослые держали на рукахъ младенцевъ. Священники стояли здѣсь же и читали молитвы.... Послѣ крещенія всѣ разошлись по своимъ домамъ. Радъ былъ Владиміръ, что позналъ истиннаго Бога и самъ и народъ его. Поднялъ взоры онъ къ небу и молился: «Боже! сотворивый небо и землю! призри на новыя люди сія, и подаждь имъ, Господи, увѣдѣти Тебя, истиннаго Бога, якоже увѣдѣша страны христіанскія; утверди и вѣру въ нихъ праву и несовратну, и мнѣ помози, Господи, на супротивнаго врага, да надѣяся на тя и на твою державу, побѣжду козни его». Тотчасъ послѣ крещенія Владиміръ велѣлъ строить церкви на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде стояли кумиры. На холмѣ, гдѣ прежде стоялъ кумиръ Перуна, сооружена была церковь во имя св. Василія, тогда же Владиміръ приказалъ брать дѣтей у лучшихъ людей и отдавать ихъ въ книжное ученіе. Матери плакали по нихъ, какъ по мертвыхъ, потому что еще не утвердились въ вѣрѣ.

Сказаніе о Кожемякѣ. Въ лѣто 992. Владиміръ отправился противъ Хорватовъ. Когда онъ пришелъ съ войны, Печенѣги уже пришли изъ-за Сулы и разоряли область Кіевскую. Великій князь встрѣтился съ ними на берегахъ Трубежа, гдѣ нынѣ Переяславль. Русскіе стояли на одной сторонѣ рѣки, печенѣги на другой; ни тѣ, ни другіе не рѣшались перейти рѣку. Подъѣхалъ къ берегу печенѣжскій князь и закричалъ Владиміру: Выставимъ—ты своего воина, а я своего,—пусть сразятся. Если твой одолѣетъ моего, то мы не будемъ воевать три года; если же мой побѣдитъ, то мы вольны три года опустошать твою землю... Послалъ Владиміръ бирючей (вѣстниковъ) по войску кличъ кликать: „нѣтъ ли охотника выйти на поединокъ съ печенѣгомъ?“ Охотника не было. Закручинился Владиміръ. Но вотъ приходитъ къ нему одинъ старый мужъ и говоритъ: „Князь, вышелъ я съ четырьмя сыновьями, а есть у меня меньшой сынъ; онъ остался дома. Съ самаго дѣтства никто не могъ его одолѣть. Разъ я его забранилъ въ то время, какъ онъ мялъ воловью кожу; разсердился онъ на меня и въ досадѣ разорвалъ кожу руками“. Обрадовался князь, услышавъ о такомъ силачѣ, послалъ за нимъ, и разсказалъ ему, въ чемъ дѣло.—„Не знаю, сказалъ тотъ, смогу-ли я. Пусть сперва

испытаютъ мою силу. Нѣтъ ли большого и сильнаго быка?“ Привели огромнаго быка. Разъярили его раскаленнымъ желѣзомъ и пустили. Разсвирѣпѣвшій быкъ помчался въ бѣшенствѣ мимо силача; тотъ ухватилъ быка за бокъ и вырвалъ у него кусокъ мяса съ кожею, сколько захватила рука. „Ты можешь бороться съ печенѣгомъ“, сказалъ Владиміръ. На другой день пришли печенѣги и стали вызывать поединщика. Выступили оба борца другъ противъ друга. Печенѣжскій богатырь былъ громаднаго роста и страшенъ на видъ. Вышелъ и русскій боецъ. Печенѣгъ—великанъ, завидѣвъ его, сталъ смѣяться надъ его небольшимъ ростомъ. Размѣрили мѣсто между обоими войсками. Началась борьба. Крѣпко обхватили они другъ друга; русскій силачъ задавилъ печенѣга руками и ударилъ его мертваго о земь. Радостный крикъ вырвался у русскихъ, а печенѣги бѣжали. Русскіе гнались за ними, рубили ихъ и далеко прогнали ихъ въ степи. Радъ былъ Владиміръ побѣдѣ, тутъ же на берегу Трубежа заложилъ городъ и назвалъ его Переяславль, потому что русскій юноша *переялъ* (отнялъ) *славу* у печенѣжскаго витязя.

Пиры кн. Владиміра. Каждую недѣлю по воскресеньямъ Владиміръ устраивалъ въ княжской гридницѣ пиры: бояре, дворяне, сотскіе, десятскіе и лучшіе люди изъ горожанъ приходили сюда и пировали при князѣ и безъ него; на тѣхъ пирахъ бывало множество мяса: говядины и дичины, было много всего. Вотъ бывало какъ подопьютъ, то и начнутъ роптать на князя, говоря: „Что это наше здѣсь за житье горькое! даетъ намъ ѣсть деревянными ложками, а не серебряными!“ Владиміръ, услыхавъ ропотъ, велѣлъ подавать серебряныя ложки, и сказалъ: «съ серебромъ и золотомъ не найдешь дружины, а съ дружиною найду серебро и золото, какъ дѣдъ мой и отецъ съ дружиною доискались золота и серебра». Владиміръ любилъ свою дружину и думалъ съ нею обо всякихъ дѣлахъ, объ устройствѣ земскомъ, о войнахъ, объ уставахъ земскихъ.

Сказаніе о Бѣлогородскомъ Киселѣ. Въ лѣто 997. Владиміръ пошелъ къ Новгороду за войскомъ на печенѣговъ, потому что войны были безпрестанныя. Въ это время печенѣги, узнавъ, что князя нѣтъ, пришли и стали около Бѣлгорода, не давая никому выхода, отъ чего сдѣлался вдругъ большой голодъ... Въ такой бѣдѣ граждане собрали вѣче и сказали: «Придется помереть съ голода, а отъ князя нѣтъ помощи; сдадимся Печенѣгамъ: кого убьютъ, а кого въ живыхъ оставятъ; намъ все равно помирать же голодною смертью». Такъ и рѣшили. На этомъ вѣчѣ не было одного старика, и когда онъ послѣ спросилъ: «Зачѣмъ это соби-

рали вѣче»? то ему отвѣчали, что завтра хотятъ сдаться Печенѣгамъ. Старикъ послалъ за городскими старшинами и сказалъ имъ: «Что это я слышалъ, будто вы хотите сдаться Печенѣгамъ»? Тѣ отвѣчали: «Да чтожъ будешь дѣлать? люди не хотятъ терпѣть голода.» Тогда старикъ сказалъ имъ: «Послушайте-жъ меня, не сдавайтесь еще денька три, и сдѣлайте такъ, какъ я вамъ скажу.» Когда тѣ обѣщали слушаться его, старикъ продолжалъ: «Сберите хоть по горсти овса или пшеницы, или отрубей. Старшины исполнили его волю. Тогда онъ велѣлъ женщинамъ сдѣлать растворъ, на чемъ кисель варятъ; велѣлъ также выкопать колодезь, вставить въ него кадку и налить ее растворомъ; велѣлъ выкопать и другой колодезь и въ него вставить кадку. Потомъ велѣлъ сыскать гдѣ нибудь меду; ему принесли его цѣлое лукошко: спрятано оно было въ княжескомъ погребѣ. Старикъ приказалъ сдѣлать изъ него сыту преcладкую и вылить въ кадку, которая стояла въ другомъ колодезѣ. На другой день онъ велѣлъ послать за печенѣгами; граждане пошли и сказали имъ: «Возьмите у насъ заложниковъ, а сами пойдите, человѣкъ съ десять, въ городъ, и посмотрите, что у насъ дѣлается.» Печенѣги обрадовались, думая, что хотятъ имъ сдаться: взяли заложниковъ, а сами выбрали лучшихъ мужей и послали въ городъ провѣдать, что тамъ такое дѣлается. Когда Печенѣги пришли въ городъ, то жители сказали имъ: «Зачѣмъ вы себя губите? хоть десять лѣтъ стойте подъ нашимъ городомъ, ничего намъ не сдѣлаете: у насъ сама земля даетъ кормъ; еслижъ не вѣрите, посмотрите своими глазами.» Сказавъ это, привели ихъ къ колодезю, гдѣ былъ растворъ, почерпнули изъ него ведромъ и налили въ котлы; когда сварили кисель, то взяли Печенѣговъ и привели къ другому колодцу, почерпнули сыты и начали ѣсть, сперва сами, а потомъ дали и Печенѣгамъ. Тѣ удивились и сказали: «Ни зачто не повѣрятъ наши князья, если сами не отвѣдаютъ». Тогда граждане налили горшокъ раствора и сыты изъ колодца и дали Печенѣгамъ; тѣ пошли къ своимъ и разсказали имъ все, что съ ними случилосъ. Князья Печенѣжскіе сварили себѣ кисель, поѣли, подивились, потомъ собрались и пошли прочь отъ города.

Убіеніе св. князей Бориса и Глѣба и смерть Святополка По смерти Владиміра въ Кіевѣ сѣлъ сынъ его Святополкъ. Онъ созвалъ Кіевлянъ и началъ давать имъ подарки; кіевляне брали, но сердце ихъ не лежало къ Святополку, потому что братья ихъ были съ Борисомъ. Борисъ уже возвратился съ войскомъ назадъ, не нашедъ Печенѣговъ, какъ вдругъ пришла къ нему вѣсть: «отецъ

у тебя умеръ.»Борисъ гороко плакалъ, потому что онъ былъ у Владиміра сынъ любимый. Онъ остановился на Альтѣ. Отцовская дружина сказала ему: «вотъ у тебя отцовская дружина и войско; пойди, сядь въ Кіевѣ на отцовскомъ столѣ». Борисъ отвѣчалъ: «не подниму руки на брата старшаго; если и отецъ у меня умеръ, то пусть Святополкъ будетъ мнѣ вмѣсто отца.» Услыхавъ такой отвѣтъ, воины разошлись отъ Бориса, который остался на рѣкѣ Альтѣ съ одними своими отроками. Между тѣмъ Святополкъ задумалъ беззаконное дѣло и послалъ сказать Борису: «хочу съ тобой любовь имѣть и придамъ тебѣ еще къ той волости, которую получилъ ты отъ отца»; но все это была лесть:—онъ хотѣлъ погубить его. Ночью пришелъ Святополкъ въ Вышегородъ, тайно призвалъ Путшу, городскихъ старшинъ и сказалъ имъ: «преданы ли вы мнѣ всѣмъ сердцемъ?» Путша и другіе Вышегородцы отвѣчали: «головы свои за тебя сложимъ.» Тогда онъ сказалъ имъ: «не говоря никому ни слова, ступайте и убейте брата моего Бориса»; тѣ обѣщали немедленно исполнить его волю... Ночью пришли они къ рѣкѣ Альтѣ и когда подступили поближе, то услыхали, что Борисъ поетъ заутреню: къ нему уже пришла вѣсть, что сбираются погубить его... Помолившись, онъ легъ на постель,— и вотъ убійцы, какъ дикіе звѣри, напали на шатеръ, просунули въ него копья и прокололи Бориса; вмѣстѣ съ нимъ прокололи и слугу его, который палъ на него, желая тѣломъ своимъ защитить господина. Это былъ любимецъ Бориса, звали его Георгіемъ, родомъ онъ былъ изъ Венгріи; Борисъ его очень любилъ и надѣлъ на него большую золотую цѣпь, въ которой онъ всегда находился при князѣ; тутъ же было побито и много другихъ отроковъ Борисовыхъ. Самъ Борисъ еще дышалъ, когда убійцы завернули его въ шатерное полотно, положили на колесницу и повезли. Святополкъ, узнавъ, что Борисъ еще дышитъ, послалъ двухъ Варяговъ прикончить его; когда посланные пришли и увидали, что князь еще живъ, то одинъ изъ нихъ вынулъ мечъ и пронзилъ его въ сердце. Такъ скончался блаженный Борисъ.... Тѣло его принесли тайно въ Вышегородъ и положили въ церкви св. Василія.... Тогда окаянный Святополкъ началъ думать: «вотъ я убилъ Бориса: какъ бы убить Глѣба?» Для этого онъ послалъ съ лестію къ Глѣбу сказать ему: «пріѣзжай сюда поскорѣе, отецъ тебя зоветъ: онъ очень боленъ.» Глѣбъ немедленно сѣлъ на коня и пошелъ съ малою дружиною, потому что былъ послушливъ отцу... Въ это же время пришла вѣсть въ Новгородъ къ Ярославу, отъ сестры его Предславы, объ отцовской смерти, и Ярославъ послалъ сказать Глѣбу: «не ходи: отецъ у тебя умеръ и братъ

твой убитъ Святополкомъ.» Услыхавъ это, Глѣбъ горько заплакалъ объ отцѣ, но еще больше плакалъ онъ о братѣ... Когда Глѣбъ молился со слезами, внезапно пришли убійцы, посланные Святополкомъ; отроки Глѣбовы обмерли отъ страха; окаянный Горясѣръ, одинъ изъ посланныхъ Святополкомъ, велѣлъ тотчасъ же зарѣзать князя; поваръ Глѣбовъ, именемъ Торчинъ, вынувъ ножъ, зарѣзалъ своего господина; злодѣи возвратились назадъ и сказали Святополку: «мы исполнили твою волю»...

Въ лѣто 1019. Пришелъ Святополкъ съ Печенѣгами въ силѣ тяжкой; Ярославъ, также собравъ множество войска, вышелъ противъ него на рѣку Альту. Ярославъ сталъ на томъ мѣстѣ, гдѣ убили Бориса, и поднявъ руки къ небу сказалъ: «кровь брата моего вопіетъ къ тебѣ, Владыко! отомсти за кровь праведника сего, какъ отомстилъ ты за кровь Авеля, положивъ на Каинѣ стенанье и трясенье; положи такъ и на немъ» (Святополкѣ)... Выступили другъ противъ друга и покрылось Альтское поле толпами воиновъ. Была тогда пятница; только что показалось солнце, враги сошлись; сѣча была злая, какой еще не бывало на Руси; сѣклись, схватывая другъ друга за руки, и схватывались трижды; кровь текла ручьями по удольямъ; къ вечеру одолѣлъ Ярославъ и Святополкъ бѣжалъ. И когда бѣжалъ, онъ впалъ въ тяжкую болѣзнь: онъ такъ ослабѣлъ, что не могъ даже сидѣть, несли его въ носилкахъ. Такъ принесли его въ Брестъ. «Бѣжимъ, бѣжимъ, безпрестанно вскрикивалъ онъ, гонятся за нами!» Отроки его посылали развѣдать, не гонится ли кто, но никого не находили... Не будучи въ силахъ оставаться на одномъ мѣстѣ (укоры совѣсти и страхъ обуяли его), онъ, гонимый гнѣвомъ Божіимъ, пробѣжалъ польскую землю, прибѣжалъ въ пустыню между землею польскою и чешскою и здѣсь умеръ въ тяжкихъ мученіяхъ.

Единоборство кн. Мстислава съ Редедею. Въ 1022 году братъ Ярослава Мстиславъ, который княжилъ въ Тмутаракани, пошелъ на Косоговъ (кавказское воинственное племя). Князь косожскій Редедя вышелъ противъ него съ войскомъ, и когда оба исполчившись стали другъ противъ друга, Редедя сказалъ Мстиславу: «Чѣмъ губить намъ свои дружины, лучше покончимъ дѣло единоборствомъ. Одолѣешь ты,—возьмешь мое имѣніе, жену, дѣтей моихъ и землю; а одолѣю я,—возьму я у тебя все твое.» Мстиславъ согласился. Тогда Редедя сказалъ: «будемъ бороться безъ оружія», и начали бороться крѣпко и уже долго боролись; когда Мстиславъ сталъ изнемогать,—Редедя былъ громаднаго роста и необычайной силы,—то началъ молиться: «Пречистая Богородица, помоги, мнѣ! Если одолѣю, построю церковь во имя твое.» Сказавъ это, онъ

ударилъ Редедю объ землю, вынулъ ножъ и зарѣзалъ его; потомъ пошелъ въ его землю, взялъ все имѣніе, жену, дѣтей, и наложилъ дань на Косоговъ; когда же пришелъ въ Тмутаракань, то заложилъ церковь св. Богородицы и построилъ ее, и стоитъ та церковь донынѣ въ Тмутаракани.

Походъ Игоря Сѣверскаго на Половцевъ (изъ лѣтописи Волынской). Въ лѣто 1185. Игорь Святославичъ, Олеговъ внукъ, поѣхалъ изъ Новгорода (Сѣверскаго), въ 23-й день апрѣля, во вторникъ, взявъ съ собою брата Всеволода изъ Трубчевска, и Святослава Ольговича, племянника своего, изъ Рыльска, и Владиміра, сына своего, изъ Путивля и у Ярослава испросилъ себѣ въ помощь Ольстина Олексича, Прохорова внука, съ черниговскими Коуями; и такъ шли они тихо, собирая свою дружину; кони у нихъ были очень тучны (и потому не могли итти быстро). И въ то время, какъ они шли къ рѣкѣ Донцу, подъ вечеръ, Игорь, взглянувъ на небо и видя солнце, стоящее подобну мѣсяцу, сказалъ боярамъ своимъ и дружинѣ своей: «видите ли вы это знаменье?» Они посмотрѣли и увидѣли всѣ, и поникли головами, и сказали: «князь не на добро намъ это знаменье!» Игорь же сказалъ: «братья и дружина! тайны Божіей никто не знаетъ, а знаменье точно такъ же, какъ и весь міръ, отъ Бога сотворено; что Богъ сотворилъ на добро или на зло намъ, то все увидимъ.» И сказавъ это переправился онъ въ бродъ черезъ Донецъ, и такъ пришелъ къ Оскому и ждалъ два дня брата своего Всеволода, который шелъ инымъ путемъ изъ Курска, и оттуда вмѣстѣ пошли къ Сальницѣ; тутъ къ нимъ и разъѣзды тѣ пріѣхали, которыхъ послали ловить языка, и сказали пріѣхавъ: «видились мы съ ратными людьми (непріятельскими), и нашли ихъ на готовѣ: такъ ужъ вы или поѣзжайте на нихъ поскорѣе, или домой возвратитесь, потому не время намъ теперь (нападать)». Игорь же сталъ говорить со всѣми братьями: «коли мы, не бившись, возвратимся, то срамъ намъ будетъ хуже смерти; пусть будетъ какъ намъ Богъ дастъ»! И такъ подумавши, ѣхали они всю ночь, и на другой день, когда настала пятница, въ обѣденное время, встрѣтили полки половецкіе: тѣ изготовились къ бою противъ нихъ, вежи свои оставили за собою, а сами, собравшись отъ мала до велика, стояли по ту сторону рѣки Сюурлія. Русскіе устроили шесть полковъ: Игоревъ полкъ посрединѣ, а по правую руку полкъ брата его Всеволода; а по лѣвую племянника его Святослава; напереди сынъ его Владиміръ и другой полкъ Ярославовъ, тѣ Коуи, что были съ Ольстиномъ; а третій полкъ, также напереди, стрѣльцы, которые были выбраны изъ отрядовъ всѣхъ князей; такъ-то устроили полки свои. И сказалъ Игорь братьямъ своимъ:

«братья! этого мы искали, ударимъ же дружно»; и такъ пошли на непріятеля, положивъ свое упованіе на Бога. И когда подошли къ рѣкѣ Сюурлію, то выѣхали изъ половецкихъ полковъ стрѣльцы, пустили по стрѣлѣ на Русскихъ и ускакали, тогда какъ Русскимъ еще не удалось и перебраться черезъ рѣку Сюурлій; побѣжали (вслѣдъ за первыми) и тѣ половецкія силы, которыя стояли далеко отъ рѣки. Святославъ же Ольговичъ, Владиміръ Игоревичъ и Ольстинъ съ Коуями, и стрѣльцы погнались за ними, а Игорь и Всеволодъ полегоньку пошли вслѣдъ, не распуская своего полка, между тѣмъ какъ тѣ Русскіе, что впереди были, били Половцевъ и ловили ихъ; Половцы же пробѣжали вежи, и Русскіе, дойдя до вежей, обогатились плѣнниками; иные даже ночью только уже вернулись къ полкамъ своимъ съ плѣнниками.

Когда послѣ того Половцы всѣ вновь собрались, Игорь сказалъ братьямъ своимъ и мужамъ: «вотъ Богъ силою своею возложилъ на враговъ нашихъ побѣду, и на васъ честь и славу; видѣли мы много полковъ половецкихъ, а тутъ уже чуть-ли не всѣ они собрались? Ныньче же ночью поѣдемъ; а кто завтра поѣдетъ, вслѣдъ за нами, то если и всѣ поѣдутъ, однако же одни только лучшіе изъ всадниковъ нашихъ переберутся; а самимъ то намъ какъ Богъ дастъ.» И сказалъ Святославъ Ольговичъ мужамъ своимъ: «Я далеко гонялся за Половцами, кони мои изнемогли; коли я нынче поѣду, то придется мнѣ отстать на дорогѣ,»—и Всеволодъ поддерживалъ его также въ томъ, чтобы тутъ же остановиться. И сказалъ Игорь: «не дивно, братья, и умереть разумѣя»—и остановились тутъ.

На разсвѣтѣ же, въ субботу, начали выступать полки половецкіе, словно лѣса; недоумѣвали князья Русскіе, кому на который изъ нихъ нападать, ибо ихъ было безчисленное множество. И сказалъ Игорь: «мы должны были ожидать, что на насъ соберется вся земля половецкая—Кончакъ и Козубурновичъ и Токсобичъ, и Колобичъ, и Етебичъ, и Терьтробичъ.» Послѣ этого всѣ спѣшились, ибо хотѣли, сражаясь, пробиться къ рѣкѣ Донцу; они говорили между собою: «если поѣдемъ, убѣжимъ сами, а черныхъ людей оставимъ, то передъ Богомъ будетъ намъ грѣшно, что ихъ выдадимъ; нѣтъ! или умремъ, или живы будемъ всѣ вмѣстѣ.» И такъ всѣ сошли съ коней и ударили на врага; Игоря, по Божьему попущенію, ранили въ руку, такъ что онъ не могъ владѣть лѣвою рукою, и весь полкъ его былъ этимъ опечаленъ, и воеводу того полка взяли въ плѣнъ, послѣ того какъ онъ раненъ былъ въ переднихъ рядахъ. Такъ крѣпко бились они весь тотъ день до вечера, и многіе были ранены и убиты въ числѣ Русскихъ; настала ночь субботы, а

битва все продолжалась; на разсвѣтѣ, въ воскресенье, возмутились Коуи и побѣжали. Игорь сидѣлъ въ то время на конѣ, потому что былъ раненъ; видя бѣгство Коуевъ, онъ поскакалъ къ нимъ, думая возвратить ихъ къ остальнымъ полкамъ; но сообразивъ, что отъѣхалъ далеко отъ своихъ, онъ снялъ съ себя шлемъ и погналъ опять къ полкамъ, чтобы узнали князя и возвратились; но никто такъ и не воротился, кромѣ Михаила Юрьевича, который узналъ князя; воины всѣ бились пѣшіе—и посреди ихъ Всеволодъ показалъ не мало мужества. И какъ приблизился Игорь къ полкамъ своимъ, половцы перерѣзали ему дорогу и тутъ онъ былъ взятъ на разстояніи одного перестрѣла отъ полка своего. Будучи схваченъ и увидавъ, что братъ его Всеволодъ крѣпко борется, Игорь просилъ у Бога смерти, лишь бы только не видать паденія брата своего; Всеволодъ же до того бился, что и оружіе не выдержало въ его рукѣ, и воины его бились, идучи вокругъ озера. И такъ, въ день св. Воскресенья, Господь навелъ на насъ гнѣвъ свой, радость смѣнилась плачемъ и веселье печалью, на рѣкѣ на Каялѣ.

(За этимъ слѣдуетъ въ лѣтописи описаніе того впечатлѣнія, какое произвели на Руси слухи о гибели русскаго войска и о плѣненіи князей; послѣ того разсказывается о набѣгѣ половцевъ на русскія княжества и потомъ говорится о пребываніи Игоря въ плѣну у половцевъ).

Игорь же Святославичъ въ то время (т. е. во время половецкаго набѣга) былъ у половцевъ и говорилъ: «я вполнѣ заслуживалъ того пораженія, которое понесъ по повелѣнію твоему, Владыко Господи, и не поганская дерзость надломила силу рабовъ твоихъ; не жалѣю я о томъ, что за все злое, сдѣланное мною, принялъ всю ту нужду, какую пришлось испытать.» Половцы же, какъ бы стыдясь воеводства его, не дѣлали ему ничего дурного, но приставили къ нему 15 сторожей изъ сыновъ своихъ, да господичей 5, а всѣхъ то 20; однако же давали ему волю ѣздить, гдѣ хочетъ, и съ ястребами охотиться. А своихъ слугъ съ нимъ ѣздило 5 или 6; и тѣ сторожа (половцы) слушали Игоря и почетъ ему оказывали, и куда кого онъ посылалъ, безъ возраженія исполняли его приказанія. Игорь привелъ къ себѣ и священника изъ Руси со святою службою: онъ не вѣдалъ Божія промысла, думалъ, что долго еще пробудетъ въ плѣну. Но Господь избавилъ его за молитву христіанъ, такъ какъ многіе о немъ жалѣли и проливали о немъ слезы. Въ то время какъ онъ былъ у половцевъ, тамъ нашелся мужъ, родомъ половчинъ, именемъ Лаворъ; тому пришла въ голову благая мысль, и сталъ говорить Игорю: «пойду съ тобою въ Русь.» Игорь сперва не повѣрилъ ему; онъ помышлялъ о томъ,

чтобы бѣжать въ Русь, захвативъ съ собою мужей своихъ; онъ говорилъ: «Я для славы не бѣжалъ тогда отъ своей дружины, и теперь не пойду безславнымъ путемъ.» Съ Игоремъ жилъ въ плѣну сынъ тысяцкаго да конюшій его; тѣ также понуждали его бѣжать, говоря: «Ступай, князь, въ русскую землю, если Богу угодно будетъ избавить тебя;» но онъ ни какъ не могъ улучить удобнаго времени для бѣгства. Между тѣмъ пришла вѣсть, что половцы возвращаются отъ Переяславля; тогда Игоревы думцы сказали ему: «Ты, князь, носишь въ себѣ мысль высокую и неугодную Богу; ты ищешь случая взять съ собою одного изъ мужей своихъ и съ нимъ бѣжать; а объ томъ не подумаешь, что скоро пріѣдутъ Половцы съ войны и хотятъ, какъ слышно, перебить всѣхъ васъ князей и всю Русь; тогда не будетъ тебѣ ни славы, ни жизни». На этотъ разъ князь Игорь принялъ совѣтъ ихъ и началъ искать случая, какъ бы бѣжать: нельзя было ему убѣжать ни днемъ, ни ночью, потому что сторожа стерегли его; выискалъ онъ только время въ заходъ солнечный. Онъ посовѣтовался съ Лаворомъ и послалъ сказать ему чрезъ конюшаго: «Переѣзжай на ту сторону Тора, съ конемъ въ поводу»—онъ съ нимъ уговорился бѣжать на Русь. Къ вечеру Половцы напились кумыса; пришелъ конюшій и сказалъ князю, что Лаворъ ждетъ его. И вотъ князь всталъ съ ужасомъ и трепетомъ, поклонился образу Божію и кресту честному, говоря: «Господи, сердцевидецъ! спасешь ли меня Ты, Владыко, недостойнаго»—и взявъ съ собою крестъ, икону, и поднявъ стѣну (шатра), вылѣзъ вонъ. Между тѣмъ сторожа его играли и веселились, и считали князя спящимъ. Князь же пришелъ къ рѣкѣ, перешелъ ее въ бродъ и сѣлъ на коня и такъ прошли всѣ вежи. Это избавленіе (отъ плѣна) Господь сотворилъ въ пятокъ вечеромъ. И шелъ князь пѣшкомъ одиннадцать дней до города Донца, оттуда уже отправился въ свой Новгородъ (Сѣверскій)—и всѣ обрадовались ему; изъ Новгорода пошелъ къ брату Ярославу въ Черниговъ, прося, чтобы онъ помогъ ему на Посемьѣ. Ярославъ обрадовался ему и обѣщалъ дать ему помощь; Игорь же оттуда поѣхалъ къ Кіеву, къ великому князю Святославу, и радъ былъ ему Святославъ, а также Рюрикъ, сватъ его.

Хожденіе игумена Даніила во святую землю.

Вступленіе. Я, недостойный игуменъ Русской земли—Даніилъ, худшій изъ всѣхъ иноковъ, смиренный по множеству грѣховъ, не совершившій никакого добраго дѣла, будучи побуждаемъ мыслію

своею, съ нетерпѣніемъ желалъ видѣть св. городъ Іерусалимъ и землю обѣтованную и мѣста святыя... И, благодатію Божіею, достигалъ я св. мѣстъ съ миромъ и своими глазами видѣлъ св. мѣста, обходилъ всю обѣтованную землю, по которой походилъ ногами своими Христосъ Богъ нашъ, и гдѣ совершилъ онъ много чудесъ. Все то видѣлъ я своими грѣшными глазами, и все показалъ мнѣ Господь видѣть въ продолженіе многихъ дней, что желалъ я видѣть. Братіе и отцы и господа мои! Простите мнѣ и не зазрите худоумію моему за то, что я, по грубости моей, написалъ о св. городѣ Іерусалимѣ и о св. землѣ той и о своемъ путешествіи... Я описалъ путь мой и св. мѣста, не возносясь и не величаясь, будто бы я сдѣлалъ что доброе на пути семъ,—да не будетъ: я не сдѣлалъ на пути никакого добра; но изъ любви къ св. мѣстамъ я описалъ все, что видѣлъ своими грѣшными глазами, чтобы не забыть того, что показалъ мнѣ Господь, недостойному, видѣть, и убоялся осужденія того лѣниваго раба, который скрылъ талантъ господина своего и не сдѣлалъ къ нему никакого приращенія. Написалъ я это также и ради вѣрныхъ людей, чтобы, кто услышитъ о сихъ св. мѣстахъ, свою душу и сердце наполнилъ мыслью о нихъ и чрезъ то удостоился бы получить награду, равную съ ходившими къ симъ св. мѣстамъ. Ибо многіе добрые люди, и сидя дома, своими милостынями и добрыми дѣлами достигаютъ св. мѣстъ и большую награду получатъ отъ Бога. А многіе, доходивъ до св. мѣстъ и увидѣвъ св. городъ Іерусалимъ, вознесшись умомъ, какъ будто нѣчто доброе сотворили, погубляютъ награду труда своего, каковъ—первый я. Многіе же, достигнувъ Іерусалима, спѣшатъ назадъ не видѣвъ многаго, тогда какъ путь сей нельзя совершить скоро и нужно не торопиться, чтобы видѣть всѣ св. мѣста.

О Іерусалимѣ. Св. городъ Іерусалимъ стоитъ въ дебряхъ; вокругъ него высокія каменныя горы, такъ что нужно приблизиться къ городу, чтобы его увидѣть. Сначала виденъ домъ Давидовъ, потомъ, пройдя немного, видно гору Елеонскую и церковь—Св. Святыхъ, а потомъ виденъ и весь городъ. Есть тамъ близъ пути ровная гора, на разстояніи одной версты отъ Іерусалима, и на той горѣ путники слѣзаютъ съ своихъ коней и издали поклоняются храму св. Воскресенія. И бываетъ великая радость у каждаго христіанина, когда увидитъ онъ святой городъ Іерусалимъ, и никто не можетъ удержаться отъ слезъ, увидѣвъ землю желанную и святыя мѣста, гдѣ ходилъ Христосъ Богъ, ради нашего спасенія. И отсюда всѣ пѣшкомъ уже идутъ съ великою радостію къ Іерусалиму... и входятъ въ него воротами, что близъ дома

Давидова: это ворота Виѳлеемскія, которыя и зовутся Веніаминовыми; налѣво отъ нихъ путь ко храму Воскресенія, гдѣ гробъ Господень.

О церкви Воскресенія Господня. Церковь Воскресенія Господня имѣетъ круглую форму, одной мѣры въ длину и ширину—по 30 саженъ и обставлена восемнадцатью столбами. Полъ выстланъ плитами изъ мрамора; въ нее ведутъ шесть дверей. Надъ столбами, вокругъ церкви, устроены галлереи изъ шестнадцати другихъ столбовъ, а на верху написаны мусіею (мозаикой) святые пророки, какъ живые стоятъ... Самый же верхъ церковный не сведенъ, а такъ и остается церковь безъ верха, ничемъ не покрытая.

О гробѣ Господнемъ. Подъ этимъ непокрытымъ верхомъ находится Гробъ Господень (часовня гроба Господня). Онъ устроенъ на подобіе небольшой пещерки, высѣченной въ камнѣ. Въ нее ведутъ небольшія двери, въ которыя можетъ пролѣзть одинъ человѣкъ, ставши на колѣни; она одной мѣры въ длину и въ ширину по 4 локтя. Когда войдешь въ эту пещерку чрезъ узкія двери, на правой сторонѣ увидишь мѣсто на подобіе лавки, изсѣченной въ томъ же пещерномъ камнѣ: здѣсь-то лежало тѣло Господа нашего Іисуса Христа. Мѣсто это покрыто мраморными досками; а съ боку ихъ продѣлано три круглыхъ оконца, въ отверстіе которыхъ можно видѣть тотъ святой камень; это мѣсто цѣлуютъ всѣ христіане. И надъ гробомъ Господнимъ висятъ пять большихъ лампадъ съ деревяннымъ масломъ и горятъ тѣ лампады непрестанно, не угасая день и ночь. Самый же камень, на которомъ положено было тѣло Христово, четыре локтя въ длину, два въ ширину и полтора въ вышину. Предъ дверьми же пещерными, на разстояніи трехъ футовъ отъ нихъ, лежитъ камень: на этомъ камнѣ жены мѵроносицы видѣли сидящимъ того ангела, который возвѣстилъ имъ о воскресеніи Христовомъ. Пещера гроба Христова обдѣлана вся на подобіе амвона краснымъ мраморомъ и окружена 12 мраморными столбами; надъ нею устроенъ прекрасный шатеръ; верхъ его сведенъ кругло и окованъ серебряными и вызолочеными чешуйками; на верху поставлено серебряное изображеніе Христа болѣе нежели въ ростъ человѣка: это сдѣлали фряжскіе мастера. Въ шатрѣ устроены три рѣшетчатыя сквозныя двери, и тѣми дверями входятъ ко гробу Господню.

О пупѣ земномъ и о церкви. Церковь Воскресенія Христова имѣетъ круглую форму, одной мѣры въ длину и ширину—по 30 саженъ. Тамъ же на верху находятся обширныя палаты и въ нихъ живетъ патріархъ. Отъ дверей часовни гроба Господня до

стѣны большаго алтаря 12 саженъ; тамъ, внѣ стѣны за алтаремъ, находится пупъ земной. Надъ нимъ устроенъ сводъ, на которомъ мозаическое изображеніе Христа и подпись: «се пядію измѣрихъ небо, а дланію землю». Отъ пупа же земного до мѣста распятія Господня (Голгоѳы) и до Краніева мѣста (гдѣ голова Адама) 12 саженъ. Голгоѳа же, мѣсто распятія Спасителя, находится къ востоку отъ мѣста воскресенія, высоко на камнѣ: вверхъ будетъ мѣрою съ копье. Камень же тотъ, на подобіе небольшой горки, имѣетъ круглую форму; посреди этого камня, на верху высѣчена круглая скважина, въ локоть глубины и въ четверть ширины: тутъ водруженъ былъ крестъ Христовъ. Въ низу же подъ тѣмъ камнемъ лежитъ голова Адама перваго человѣка. Когда Господь нашъ на крестѣ предалъ духъ свой, и когда церковная завѣса раздралась надвое и камни разсѣлись, тогда разсѣлась гора, на которой поставленъ былъ крестъ, надъ головою Адама, и черезъ ту разсѣлину истекла кровь и вода изъ реберъ Господнихъ на голову Адама и омыла грѣхи рода человѣческаго; разсѣлину ту на камнѣ видно и донынѣ. И святая гора та вся одѣта каменной стѣной, а надъ самымъ мѣстомъ распятія построена храмина, прекрасно расписанная мозаикой. На восточной стѣнѣ написанъ Христосъ распятый на крестѣ—дивно, какъ живой, а на южной снятіе со креста, также дивно. Храмина эта имѣетъ двое дверей; въ нее нужно подниматься по семи ступенькамъ, полъ выстланъ красными мраморными досками.

О городѣ Іерусалимѣ и его окрестностяхъ. Городъ Іерусалимъ большой съ твердыми стѣнами; онъ равно простирается во всѣ четыре стороны, и расположенъ крестообразно. Вокругъ него много долинъ и горъ каменныхъ: мѣсто самое безводное, нѣтъ ни рѣки, ни источника, ни колодца, одна только купель силоамская; и люди и скотъ живутъ только дождевою водой, какъ въ Іерусалимѣ, такъ и въ окрестностяхъ. А между тѣмъ всякаго жита родится много; безъ дождя, Божіимъ благословеніемъ, прекрасно родится и пшеница и ячмень: посѣютъ одну кадь, а снимаютъ по 30 и 50. Не благословеніе ли Божіе это надъ святой землей? Также, какое безчисленное множество плодовыхъ деревьевъ растетъ около Іерусалима: маслины, смоквы, пальмы, яблони и множество другихъ.

О пути къ Іордану. Отъ противоположнаго Іерусалиму (восточнаго) склона горы Елеонской идетъ путь къ рѣкѣ Іордану; путь трудный, безводный и весьма опасный, ибо пролегаетъ чрезъ высокія каменистыя горы, въ которыхъ Сарацины иногда нападаютъ на христіанъ. Отъ Іерусалима до Іордана 26 большихъ

верстъ: 15 верстъ до Хозевы, гдѣ постился св. Іоакимъ для прекращенія его безплодія..., а отъ Хозевы до Іерихона 5 верстъ, а отъ Іерихона до Іордана 6 большихъ верстъ. Все это разстояніе нужно итти ровнымъ мѣстомъ по глубокому песку: это путь весьма тяжелый; многіе задыхаются здѣсь отъ зноя и умираютъ отъ жажды.

Объ Іорданской рѣкѣ. Іорданъ рѣка течетъ быстро, и берега имѣетъ по ту (восточную) сторону прекрутые, а отсюда (съ запада) пологіе. Вода въ Іорданѣ мутная, но весьма сладкая, такъ что нельзя насытиться пьющему ту святую воду и не бываетъ отъ нея никакой боли, сколько ни пей. Іорданъ всѣмъ походитъ на Соснову рѣку, и въ ширину и въ глубину, течетъ излучисто и быстро, какъ есть Соснова; самая большая глубина его четыре сажени. Я самъ осмотрѣлъ Іорданъ, вымѣрялъ его, переходилъ на другую его сторону и много съ любовію походилъ по берегу его. А по берегу растетъ много деревьевъ, похожихъ на вербу, но не то, что наша верба: они скорѣе похожи на кизиль; растетъ также много тростнику, и въ немъ живутъ разные звѣри: дикихъ свиней безъ числа много, не мало также леопардовъ. Есть и львы на той сторонѣ Іордана въ каменныхъ горахъ; ихъ водится тамъ много... Сподобилъ меня Богъ три раза быть на Іорданѣ. Былъ я тамъ и въ самый праздникъ водокрещенія (освященія воды) со всею дружиною моею я видѣлъ благодать Божію, сходившую на воду іорданскую. Безчисленное множество народа приходитъ тогда къ водѣ со свѣчами и цѣлую ночь (наканунѣ Богоявленія) продолжается изрядное пѣніе, при безчисленномъ множествѣ свѣчъ. Въ полночь совершается освященіе воды. Тогда Духъ Святый сходитъ на воды Іорданскія. Достойные люди хорошо видятъ, какъ сходитъ Духъ святой, а весь народъ не видитъ, но только каждому человѣку бываетъ тогда на сердцѣ радость и веселіе. Когда же погрузятъ въ воду честный крестъ и запоютъ: Во Іорданѣ крещающуся Тебѣ, Господи,» —тогда весь народъ бросается въ воду, какъ бы крещаясь въ Іорданской рѣкѣ, какъ Христосъ въ полночь крестился отъ Іоанна.

Объ Іерихонѣ. Городъ Іерихонъ былъ прежде большой городъ и весьма крѣпкій; тотъ Іерихонъ взялъ Іисусъ Навинъ и разорилъ до конца; нынѣ же на томъ мѣстѣ только село сарацинское. Тутъ былъ домъ Закхея и пень того дерева, на которое влѣзъ Закхей, чтобы лучше видѣть проходившаго Іисуса; здѣсь и домъ той соманитянки, у которой пророкъ Елисей воскресилъ отрока. Земля около Іерихона хорошая, плодородная; поле ровное, прекрасное; на немъ растутъ высокія и красивыя деревья—финико-

выя и всякія другія, обильно покрытыя плодами. И воды на томъ мѣстѣ много, течетъ подъ землею: это воды Елисеевы; Елисей пророкъ усладилъ ихъ, а прежде того были горькія.

О лаврѣ св. Саввы.... Отъ монастыря св. Ѳеодосія (въ 6 верстахъ отъ Іерусалима) до лавры св. Саввы 6 верстъ. Лавра же св. Саввы стоитъ въ долинѣ Іосафатовой, которая идетъ отъ Іерусалима и Геѳсиманіи и проходитъ далѣе къ Мертвому морю.

Она устроена отъ Бога чудно и дивно, такъ что и сказать нельзя! Есть тамъ одинъ потокъ страшный и весьма глубокій, совершенно безъ воды; по краямъ его идутъ высокія каменныя стѣны, и на тѣхъ стѣнахъ на самой высотѣ какъ-то прикрѣплены кельи—дивно и страшно! утверждены Богомъ; стоятъ на отвѣсныхъ скалахъ, какъ звѣзды на небѣ. Среди этихъ келій стоятъ три церкви. И есть тамъ на западной сторонѣ высѣченная въ скалѣ большая пещера и въ ней церковь св. Богородицы; эту пещеру самъ Богъ въ столпѣ огненномъ указалъ св. Саввѣ, когда тотъ жилъ еще одинъ въ томъ потокѣ. Въ разстояніи полуверсты отъ нынѣшней лавры есть келія св. Саввы, въ которой первоначально онъ спасался одинъ; отсюда Богъ столпомъ огненнымъ указалъ ему то святое мѣсто, гдѣ теперь находится лавра... Мѣсто (гдѣ лавра) безводное, нѣтъ ни рѣки, ни источника, ни колодца; есть только одинъ колодецъ св. Саввы... недалеко отъ лавры, на югъ отъ нея, близъ самаго Содомскаго моря, есть мѣсто, называемое Рува; тамъ высокія каменистыя скалы, въ которыхъ много пещеръ; въ нихъ живутъ святые отцы пустынники, въ этой страшной и безводной пустынѣ, и тамъ же живутъ леопарды и множество дикихъ ословъ. А море Содомское есть мертвое море: не имѣя въ себѣ ничего живого; нѣтъ въ немъ ни рыбы, ни раковъ; а если изъ Іордана быстротою воды занесетъ въ него рыбу, не можетъ жить въ немъ и тотчасъ умираетъ. Со дна моря поднимается черная смола и плаваетъ на поверхности воды; много лежитъ ея и на берегу моря.

О Виѳлеемѣ, гдѣ Христосъ родился. Святой Виѳлеемъ находится на южной сторонѣ отъ Іерусалима болѣе чѣмъ въ 6 верстахъ, а 2 версты нужно итти полемъ до того мѣста, гдѣ сошелъ Авраамъ, гдѣ онъ оставилъ слугу своего и ослятъ и взялъ сына своего Исаака на жертву, приказалъ ему нести дрова и огонь... А оттуда одна только верста до того мѣста, гдѣ св. Богородица видѣла двухъ человѣкъ, одного смѣющагося, другого плачущаго; на томъ мѣстѣ была устроена большая церковь во имя св. Богородицы, теперь же то мѣсто разорено отъ поганыхъ. Отсюда 2 версты до гроба Рахили, матери Іосифа, а отсюда одна верста до

мѣста, гдѣ сошла съ осла св. Богородица, когда она почувствовала приближеніе родовъ; тутъ же и камень большой, на которомъ отдыхала Пресвятая Дѣва, прежде нежели вошла въ пещеру; отсюда она шла пѣшкомъ до того вертепа, въ которомъ родила Христа Бога нашего. Мѣсто это находится отъ того камня на разстояніи, какое можетъ пролетѣть камень, брошенный сильнымъ человѣкомъ. Надъ святымъ вертепомъ, въ которомъ родился Христосъ, устроена большая церковь (Рождества Христова) на манеръ палаты; она вся покрыта оловомъ и расписана мозаикой; въ ней 8 круглыхъ столбовъ мраморныхъ; полъ вымощенъ мраморными плитами; имѣетъ трое дверей; длина ея до великаго алтаря 8 саженъ, а ширина 20. Самый вертепъ, гдѣ родился Христосъ, находится подъ великимъ алтаремъ и устроенъ на подобіе пещеры, прекрасно сдѣланной; въ него спускаются съ двухъ сторонъ по 7 ступенямъ съ каждой. Когда войдешь въ этотъ святой вертепъ восточными дверями, то налѣво будетъ то мѣсто, на которомъ родился Христосъ Богъ нашъ (здѣсь устроенъ престолъ для совершенія литургіи), а направо мѣсто, гдѣ находятся ясли, въ которыхъ положенъ былъ Іисусъ, повитый пеленами; и оба тѣ мѣста въ одной пещерѣ, между ними сажени три разстоянія. И вся пещера расписана мозаикой и вымощена мраморными плитами; тутъ лежатъ мощи многихъ святыхъ. А когда пойдешь изъ церкви, то направо, подъ церковью въ южной сторонѣ, будетъ другая пещера, очень глубокая: въ ней лежатъ кости святыхъ младенцевъ, избитыхъ по приказанію Ирода; половина ихъ взяты оттуда и перенесены въ Царьградъ.

О дубѣ Мамврійскомъ. Отъ колодца (Авраамова) до дуба Мамврійскаго 6 верстъ. Дубъ тотъ святой находится близъ дороги, съ правой стороны; стоитъ на горѣ весьма красиво. Вокругъ него вымощено камнемъ ровно, какъ помостъ церковный; посреди этого каменнаго помоста растетъ дивно тотъ святой дубъ... Здѣсь стоялъ шатеръ Авраама, близъ самаго дуба, къ востоку. А этотъ дубъ не очень высокъ, но развѣсистый, вѣтви на немъ густыя и спускаются низко, такъ что, стоя на землѣ, можно достать рукой. Толщина его двѣ сажени, я самъ мѣрялъ своими руками, а стволъ до вѣтвей полторы сажени. И то дивно и чудно: столько лѣтъ этому дубу, и стоитъ онъ на горѣ, а не повредился; нѣтъ въ немъ никакой гнилости, но растетъ утвержденный Богомъ, какъ будто теперь посаженъ! Подъ этотъ дубъ приходила св. Троица къ патріарху Аврааму.

О пути въ Галилею.... Отъ Іерусалима до города Тиверіады пѣшему человѣку нужно итти четыре дня. Путь лежитъ на лѣтній

востокъ (сѣверо-востокъ), путь страшный, въ каменныхъ прекрутыхъ горахъ: три дня нужно итти среди горъ, а четвертый по полю, все подлѣ Іордана, до самаго верховья этой рѣки. Вотъ какъ судилъ мнѣ Богъ совершить этотъ путь. Узналъ я, что князь Іерусалимскій Балдуинъ отправляется въ походъ къ Дамаску тѣмъ путемъ мимо Тиверіадскаго моря. И пошелъ я къ князю, поклонился ему и сказалъ: Господинъ мой, князь! возьми меня съ собой до Тиверіадскаго моря, чтобы могъ я посмотрѣть тамъ на святыя мѣста. Князь радъ былъ и велѣлъ мнѣ итти съ собой; вотъ и пошелъ я съ нимъ и съ его войсками, и прошли мы тѣ опасныя мѣста безъ страха, а безъ войска тѣмъ путемъ никто не можетъ пройти съ малой дружиной; только одна святая Елена царица проходила тѣмъ путемъ, а другой никто.

О горѣ Ѳаворской. Ѳаворская гора и Назаретъ находятся на западъ отъ Тиверіадскаго моря; 50 большихъ верстъ до Ѳаворской горы. Ѳаворская гора стоитъ на равнинѣ отдѣльно отъ всѣхъ горъ, ее окружающихъ, и выше ихъ всѣхъ; подлѣ нея, на равнинѣ, течетъ рѣка; а по всей горѣ растетъ множество разныхъ деревьевъ: смоковничныхъ, финиковыхъ, масличныхъ. Гора походитъ на стогъ, вся круглая, и въ окружности весьма велика; высота же ея такова, что хорошему стрѣльцу нужно сдѣлать восемь выстрѣловъ, чтобы дострѣлить до ея вершины. Всходить на нее очень трудно и утомительно, ибо нужно итти все по камнямъ держась руками: путь тяжелый, едва мы влѣзли на гору. Пошли въ три часа дня, и шли скоро, а только въ девятомъ часу взошли на вершину. На верху горы (широкомъ и плоскомъ), съ восточной стороны, находится небольшая каменная горка, съ острымъ верхомъ: на этомъ мѣстѣ и преобразился Христосъ. И тутъ построена большая церковь, во имя Преображенія Христова; есть и другая церковь на горѣ во имя Пророка Моѵсея и неподалеку отъ нея третья, во имя пророка Иліи. Самое мѣсто Преображенія Господня обнесено каменною оградой съ желѣзными дверями: нынѣ находится тутъ монастырь латинскій. И воды много на горѣ той: дивно устроилъ Богъ, что на такой высотѣ есть вода! и полей, засѣянныхъ хлѣбомъ, также виноградниковъ и плодовыхъ деревьевъ много на Ѳаворѣ; а видно съ него весьма далеко. И есть на этой горѣ пещера... въ ней жилъ святый Мелхиседекъ... Онъ первый началъ служить литургію хлѣбомъ и виномъ, а не опрѣснокомъ.. и мы съ любовью сошли въ ту святую пещеру и поклонились той святой трапезѣ, которую создалъ Мелхиседекъ съ Авраамомъ. До настоящаго дня стоитъ эта святая трапеза въ той

пещерѣ, и нынѣ приходитъ туда святый Мелхиседекъ и служитъ литургію на этой трапезѣ...

О свѣтѣ святомъ, какъ онъ сходитъ съ неба на гробъ Господень. Видѣлъ я своими грѣшными очами по истинѣ, какъ сходитъ свѣтъ святый къ животворящему гробу Господа нашего Іисуса Христа. Многіе странники несправедливо разсказываютъ исхожденіе святого свѣта. Одни говорятъ, будто Духъ Святый въ видѣ голубя сходитъ на гробъ Господень, а другіе будто молнія сходитъ съ неба зажигать лампады на гробѣ. Все это неправда: не бываетъ ни голубя, ни молніи; а такъ невидимо сходитъ съ неба благодать Божія и зажигаются лампады на гробѣ Господнемъ. Я разскажу объ этомъ всю правду, какъ видѣлъ.

Въ великую пятницу, послѣ вечерни обтираютъ гробъ Господень и вымываютъ лампады, что надъ гробомъ; наливаютъ въ нихъ чистаго деревяннаго масла, безъ воды, одного только масла, и не зажигаютъ свѣтиленъ, а такъ и оставляютъ незажженными; а во второмъ часу ночи (по нашему въ 8 пополудни) запечатываютъ гробъ Господень (т. е. пещеру гроба), и тогда гасятъ всѣ лампады не только въ храмѣ воскресенія, но и во всѣхъ церквахъ, какія есть въ Іерусалимѣ. Когда наступила великая пятница, въ первомъ часу дня (въ 7 утра), пошелъ я къ князю Балдуину и поклонился ему до земли. Увидѣвъ меня, онъ подозвалъ меня къ себѣ съ любовію и спросилъ: «чего ты хочешь игуменъ русскій?» — онъ зналъ меня хорошо и очень любилъ: потому что онъ былъ человѣкъ добрый и смиренный и ни мало не гордился. Я отвѣчалъ ему: «Князь мой и господинъ! молю тебя ради Бога и ради князей русскихъ, я хотѣлъ бы поставить лампаду свою на св. гробѣ Господнемъ отъ всей земли Русской, и за всѣхъ князей нашихъ и за всѣхъ хрістіанъ Русской Земли». Князь съ радостью велѣлъ мнѣ поставить лампаду, и послалъ со мной лучшаго слугу своего къ эконому храма св. Воскресенія и къ ключарю, который завѣдывалъ пещерою гроба. Они велѣли мнѣ принести лампаду съ масломъ; и поклонившись имъ, съ великою радостью пошелъ я на торгъ, купилъ я большую стеклянную лампаду, налилъ въ нее чистаго деревяннаго масла, безъ воды, и уже вечеромъ принесъ ее ко гробу Господню, гдѣ засталъ одного только ключаря. Онъ отворилъ двери въ пещеру, велѣлъ мнѣ разуться, и такъ босого ввелъ меня одного ко гробу Господню съ лампадой, которую несъ я, и велѣлъ мнѣ самому, своими грѣшными руками, поставить ее на святой гробъ. Въ головахъ стояла греческая лампада, на персяхъ лампада отъ всѣхъ монастырей, а въ срединѣ я, грѣшный, поставилъ русскую лампаду. Благода-

тію Божіею, тѣ три лампады внизу зажглись, а лампады фряжскія, которыя, повѣшены вверху, не зажглись—ни одна. Поставивъ свою лампаду, я поклонился честному гробу Господню и облобызалъ съ любовію и слезами то святое мѣсто, гдѣ лежало пречистое тѣло Господа нашего Іисуса Христа; потомъ мы вышли, и я пошелъ съ радостію въ свою келію.

На слѣдующій день, въ великую субботу, часу въ шестомъ дня (въ 12 часу пополуночи) собирается предъ церковію воскресенія безчисленное множество пришельцевъ отъ всѣхъ странъ; въ церкви и около церкви дѣлается такъ тѣсно отъ народа, что нѣкоторые даже задыхаются отъ тѣсноты. Весь народъ стоитъ вокругъ церкви съ свѣчами незажженными и ожидаютъ когда отворятъ церковныя двери. Въ самой же церкви находится только духовенство, и когда приходитъ князь Балдуинъ съ дружиной, тогда отворяютъ церковныя двери, и всѣ входятъ въ церковь, угнетая другъ друга... Весь народъ громко и не ослабно взывалъ: Господи помилуй!.. многіе проливали слезы; да еслибы у кого и каменное было сердце, и тотъ не можетъ не вспомнить о грѣхахъ своихъ и не подумать: что если по моимъ грѣхамъ не сойдетъ святой свѣтъ? И такъ стояли всѣ съ сердечнымъ сокрушеніемъ и слезами. Самъ князь Балдуинъ стоялъ со страхомъ и смиреніемъ великимъ и изъ очей его текли слезы ручьями... Въ осьмомъ часу дня (во 2-мъ по полудни) православные священники начали службу... а латинскіе священники въ великомъ алтарѣ начали свою службу; я же, стоя на своемъ мѣстѣ, пристально смотрѣлъ на двери гроба Господня. И какъ стали читать пареміи великой субботы, то на первой пареміи вышелъ изъ алтаря епископъ съ діакономъ, подошелъ къ дверямъ гроба и посмотрѣлъ въ дверную рѣшетку; но не увидѣлъ свѣта въ пещерѣ гроба и возвратился въ алтарь. Какъ начали читать шестую паремію опять тотъ же епископъ съ діакономъ припалъ къ гробовымъ дверямъ, и опять ничего не увидѣлъ. Тогда же весь народъ со слезами началъ взывать, *киріе елейсонъ*, то есть, Господи помилуй, и какъ минулъ девятый часъ (третій по полудни) и стали пѣть стихъ *поимъ Господеви*, вдругъ нашла съ востока туча, стала надъ открытымъ верхомъ церкви, и пошелъ дождь надъ гробомъ Господнимъ и насъ помочило не мало: тогда же внезапно возсіялъ блистательный свѣтъ въ пещерѣ гроба. Пришелъ епископъ съ четырьмя діаконами, и взявши свѣчу у князя Балдуина, пошелъ въ пещеру и зажегъ ее отъ того святого свѣта; потомъ вручилъ ее князю.. и отъ той свѣчи мы зажгли свои свѣчи, а отъ нашихъ зажгли и всѣ. Святой свѣтъ не походитъ на обыкновенный огонь, но пламя его красное, какъ ки-

новарь... кто самъ не видѣлъ этого радостнаго явленія, тотъ пожалуй и не повѣритъ мнѣ... Но что я сказалъ правду, въ томъ свидѣтель мнѣ, грѣшному, Богъ и святый гробъ Господень, и всѣ наши Русскіе люди, которыхъ тамъ было много, Новгородцы и Кіевляне: Сѣдеславъ Иванковичъ, Гориславъ Михалковичъ, и два Камкича и многіе другіе.., И какъ только возсіялъ свѣтъ на святомъ гробѣ, тогда же прекратилось пѣніе и всѣ воскликнули *киріе елейсонъ*! Потомъ съ великою радостію и веселіемъ всѣ пошли изъ церкви домой съ горящими свѣчами. Отъ этихъ свѣчъ возжигаютъ огонь во всѣхъ церквахъ и домахъ. Въ храмѣ же воскресенія остаются только священники, чтобъ кончить службу. Тогда же и мы съ игуменомъ (лавры св. Саввы) и съ братіею пошли въ свой монастырь, неся горящія свѣчи, и докончивъ тамъ вечерню, разошлись по своимъ келіямъ, славя Бога, давшаго намъ увидѣть ту благодать Въ самый же день Пасхи, совершивши утреню, какъ слѣдуетъ, въ часъ дня, игуменъ съ братіею и я отправились ко гробу Господню, при пѣніи кондака: «Аще и во гробъ снизшелъ еси, безсмертне»,—и войдя въ пещеру, съ любовію и теплыми слезами облобызали мы святой гробъ; лампады, что на гробѣ, еще горѣли свѣтло и чудно. И тогда экономъ и ключарь повѣдали намъ, что отъ святого огня зажглись только три лампады, которыя были на гробѣ, а прочія не зажглись. И мы видѣли, что пять лампадъ, висѣвшихъ надъ гробомъ, горѣли другимъ свѣтомъ, не такъ свѣтло и чудно, какъ тѣ... А на третій день Пасхи, послѣ обѣдни, пошелъ я къ ключарю гробовой часовни и сказалъ ему: хотѣлось бы мнѣ взять свою лампаду. Онъ очень любезно взялъ меня одного и ввелъ въ пещеру гроба Господня. Здѣсь я нашелъ свою лампаду, еще горѣвшую тѣмъ чуднымъ свѣтомъ, и еще разъ поклонился святому гробу и облобызалъ то мѣсто, на которомъ лежало пречистое тѣло Господа нашего Іисуса Христа. Тогда-то успѣлъ я измѣрить гробъ и въ длину, и въ ширину, и въ высоту; ибо при людяхъ никому не возможно этого сдѣлать. И положилъ я, сколько могъ, вкладу къ гробу Господню; да и ключарю далъ нѣчто, не много. Онъ же, видя мою любовь къ гробу святому, сдвинулъ нѣсколько мраморную доску, которая лежала въ головахъ, и отломилъ мнѣ малую часть гробового камня, и взялъ съ меня клятву, чтобъ я никому ни сказывалъ о томъ въ Іерусалимѣ.

Заключеніе. Я ходилъ туда (въ Іерусалимъ) въ княженіе русскаго великаго князя Святополка Изяславовича, внука Ярослава Владиміровича Кіевскаго. Богъ свидѣтель и святой гробъ Господень, что во всѣхъ тѣхъ св. мѣстахъ я не забылъ князей рус-

скихъ и княгинь ихъ, и дѣтей ихъ, не забылъ ни епископовъ, ни игуменовъ, ни бояръ, ни дѣтей моихъ духовныхъ, ни всѣхъ христіанъ, но вездѣ поминалъ ихъ. Благодарю благого Бога за то, что Онъ сподобилъ меня, грѣшнаго, записать имена князей русскихъ въ лаврѣ св. Саввы, гдѣ они и нынѣ поминаются на эктеніи. Эти имена Михаилъ—Святополкъ, Василій—Владиміръ. Давыдъ Святославичъ, Михаилъ—Олегъ, Панкратій—Ярославъ Святославичъ, Андрей—Мстиславъ Всеволодовичъ, Өедоръ—Мстиславъ Владиміровичъ, Борисъ Всеславичъ, Глѣбъ Минскій, Давыдъ Всеславичъ. Только я припомнилъ именъ и все то вписалъ у гроба Господня, кромѣ вообще князей и бояръ русскихъ. Во всѣхъ св. мѣстахъ я отслужилъ 90 литургій за князей, и за бояръ, и за дѣтей моихъ духовныхъ, и за всѣхъ христіанъ за живыхъ 50 и за умершихъ 40. Да будетъ же всякому, кто прочтетъ это писаніе мое съ вѣрою и любовію, благословеніе отъ Бога, и отъ св. гроба и отъ всѣхъ св. мѣстъ, и да получитъ таковой награду отъ Бога наравнѣ съ ходившими до св. города Іерусалима и видѣвшими св. мѣста сіи: блаженны невидѣвшіе и вѣровавшіе; вѣрою вошелъ Авраамъ въ землю обѣтованную: поистинѣ вѣра равна добрымъ дѣламъ. Но Бога ради, отцы и братья и господа мои! не осудите меня за то, что такъ просто, такъ нехитро написалъ я о святыхъ мѣстахъ, и о градѣ Іерусалимѣ, и да не будетъ въ похуленіи писаніе сіе не ради меня грубаго, но ради св. мѣстъ. Читайте его съ любовію, да получите награду отъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, и Богъ мира да будетъ со всѣми вами.

Поученіе Владиміра Мономаха.

Приближаясь ко гробу, благодарю Бога за долгіе дни мои: рука Его довела меня до глубокой старости. А вы, дѣти мои, или кто иной прочитавъ эту грамотку, не посмѣйтесь, но примите ее въ сердце свое. Прежде всего ради Бога и души своей страхъ Божій имѣйте въ сердцѣ своемъ и милостыню давайте не-оскудную. Это—начало всякому добру.—Встрѣтили разъ меня на Волгѣ послы братьевъ моихъ и передали мнѣ ихъ слова: «Соединись съ нами, выгонимъ Ростиславичей (Володаря и Василько) и волость ихъ отнимемъ. Если не пойдешь съ нами, то мы будемъ сами по себѣ, а ты самъ по себѣ.» И сказалъ я имъ: «Хоть вы и гнѣваться станете, не могу итти съ вами и нарушить клятву.» Отпустивъ пословъ, взялъ я въ печали псалтырь, раскрылъ ее и вотъ какое мѣсто попалось мнѣ: «Вскую печалуеши, душе? вскую смущаеши мя? и проч. (т. е. чего печалишься,—душа, чего смущаешься?). Не ревнуй лукавствующимъ, не завидуй творя-

щимъ беззаконіе, лукавые погибнутъ, повинующіеся Господу, тѣ получатъ власть надъ землею...По истинѣ, дѣти мои, подумайте, какъ человѣколюбивъ Богъ и милостивъ. Мы люди грѣшные и смертные, если намъ кто зло сотворитъ, хотимъ уничтожить врага нашего и кровь его пролить, а Господь нашъ, въ рукахъ котораго и жизнь и смерть людей, терпитъ грѣхи наши «выше главы нашей» (выше всякой мѣры), Онъ какъ отецъ, любя свое дитя, хоть и наказываетъ, но затѣмъ и ласкаетъ. Тремя добрыми дѣлами можно отъ грѣха избавиться и царствія Божія не лишиться: покаяньемъ, слезами и милостынею. Не тяжкая эта заповѣдь, дѣти мои, Бога ради, не лѣнитесь, молю васъ, не забывайте этихъ трехъ дѣлъ; вѣдь они не тяжелы: это не одиночество (отшельничество), не монашество, не голодъ (постъ), чему подвергаютъ себя нѣкоторые благочестивые люди, такимъ малымъ дѣломъ можете вы получить милость Божію. Послушайте меня, дѣти мои. Если не все наставленіе мое примите, то примите хоть половину, пусть Богъ смягчитъ ваше сердце; проливайте слезы о грѣхахъ вашихъ, говоря: «какъ разбойника и мытаря помиловалъ ты, Господи, такъ и насъ грѣшныхъ помилуй». И въ церкви это дѣлайте, спать ложась; не забывайте ни одну ночь класть поклоновъ, потому что ночнымъ поклономъ и пѣніемъ человѣкъ побѣждаетъ дьявола и замаливаетъ денные грѣхи. Когда и на конѣ ѣдете и если другихъ молитвъ не знаете кромѣ «Господи помилуй», то непрестанно повторяйте ее въ тайнѣ: эта молитва лучше всѣхъ. Всего же болѣе убогихъ не забывайте, но по мѣрѣ силъ кормите ихъ, сиротѣ подавайте больше другихъ, вдовъ сами на судѣ по правдѣ судите; не дайте ихъ сильнымъ въ обиду. Ни праваго, ни виноватаго не убивайте, и не позволяйте убивать, хотя бы и заслуживалъ смерти; не губите никакой христіанской души. Когда рѣчь ведете о чемъ, не клянитесь Богомъ, не креститесь; нѣтъ въ этомъ никакой нужды. Если же придется вамъ крестъ цѣловать (давать клятву на крестѣ), то подумайте сначала хорошенько, можете ли сдержать клятву; а разъ поклявшись, держитесь клятвы, чтобы, нарушивъ ее, не погубить души своей. Епископовъ, поповъ и игуменовъ почитайте, съ любовію принимайте отъ нихъ благословеніе, не устраняйтесь отъ нихъ. Любите ихъ и по мѣрѣ силы заботьтесь о нихъ, чтобы они молились за васъ Богу. Болѣе всего не имѣйте гордости ни въ сердцѣ вашемъ, ни въ умѣ, но говорите: мы всѣ смертны,—сегодня живы, а завтра въ гробу; все, что ты, Господи, далъ намъ, не наше, а твое, и ты поручилъ намъ только на короткое время. Въ землю сокровищъ не зарывайте: то великій грѣхъ. Старика почитайте,

какъ отца, молодыхъ, какъ братьевъ. Въ дому своемъ не лѣнитесь, но за всѣмъ присматривайте сами; не полагайтесь на тіуна вашего и отрока, чтобы приходящіе къ вамъ не посмѣялись надъ домомъ вашимъ и надъ обѣдомъ. На войнѣ не лѣнитесь, не надѣйтесь на воеводъ вашихъ, не предавайтесь ни питью, ни ѣдѣ, ни спанью. Сами стражу разставляйте. Устроивъ все, ложитесь спать около воиновъ, вставайте рано. Оружія съ себя не снимайте, не разглядѣвъ есть ли опасность, или нѣтъ: отъ безпечности человѣкъ можетъ внезапно погибнуть. Остерегайтесь лжи, пьянства и блуда: въ этихъ порокахъ и душа, и тѣло погибаютъ. Когда проѣзжаете по своимъ землямъ, не давайте слугамъ безчинствовать и причинять вредъ ни своимъ, ни чужимъ, ни въ селахъ, ни въ нивахъ, чтобы послѣ васъ не проклинали. Куда пріѣдете, гдѣ остановитесь, напойте, накормите бѣднаго. Болѣе всего чтите, гостя, откуда ни пришелъ бы онъ къ вамъ, простой ли человѣкъ, или знатный, или посолъ. Если не можете почтить подаркомъ, то угостите кушаньемъ и питьемъ. Гости эти мимоходомъ по всѣмъ странамъ разнесутъ молву о человѣкѣ, какъ о добромъ, или какъ о зломъ. Больного посѣтите; покойниковъ провожайте, потому что мы всѣ смертны, и ни минуйте никого безъ привѣта, скажите всякому доброе слово. Жену свою любите, но не давайте ей власти надъ собою. Выше же всего цѣните страхъ Божій. Чтобы не забыть всего, что я пишу, чаще прочитывайте: и мнѣ будетъ не стыдно, и вамъ будетъ хорошо. Что знаете полезнаго, того не забывайте, а чего не знаете, тому учитесь. Мой отецъ, дома сидя, зналъ пять языковъ. За это большая честь отъ другихъ земель. Лѣность всему худому мать: что знаешь, то забудешь, чего не знаешь, тому не выучишься. Творите добро, не лѣнитесь ни на что хорошее, прежде всего не лѣнитесь ходить въ церковь; пусть не застанетъ васъ солнце на постели. Такъ дѣлалъ мой отецъ блаженный и всѣ лучшіе люди. Сотворивъ утреннюю молитву и воздавъ хвалу Богу за дневной свѣтъ, по восхожденіи солнца, слѣдуетъ съ дружиною совѣтоваться о дѣлахъ или производить судъ людямъ, или ѣхать на охоту (если нѣтъ никакихъ важныхъ дѣлъ), а потомъ лечь спать. Въ полдень самимъ Богомъ присуждено спать и человѣку, и звѣрю, и птицѣ.

А вотъ повѣдаю вамъ, дѣти мои, о своихъ трудахъ и ловахъ (здѣсь Владиміръ подробно перечисляетъ свои походы). А изъ Чернигова до Кіева ѣздилъ къ отцу въ теченіе дня до вечеренъ. Всѣхъ моихъ походовъ было 83 большихъ, а прочихъ меньшихъ я не упомню. Девятнадцать разъ заключалъ я миръ съ половцами при его отцѣ и послѣ смерти его, взялъ въ плѣнъ и выпус-

тилъ изъ неволи болѣе ста лучшихъ князей ихъ, а около двухсотъ казнилъ въ разное время и топилъ въ рѣкахъ. А вотъ какъ трудился я на охотахъ и ловахъ... Дѣло было въ Черниговѣ: коней дикихъ по 10, по 20 вязалъ я своими руками; два тура (дикіе быки) метали меня на рогахъ съ конемъ вмѣстѣ; олень меня бодалъ; два лося--одинъ ногами топталъ, другой рогами бодалъ; вепрь оторвалъ у меня мечъ съ боку; медвѣдь у колѣна прокусилъ подсѣдельный войлокъ; лютый звѣрь (волкъ) вскочилъ ко мнѣ на колѣни и повалилъ коня со мною,—а Богъ сохранилъ меня цѣлымъ и невредимымъ. Съ коня много разъ я падалъ, голову разбивалъ два раза, и руки, и ноги вредилъ себѣ въ юности моей, жизни своей не жалѣлъ, головы своей не щадилъ. Что можно было дѣлать и отроку моему, то самъ я дѣлалъ—на войнѣ и на охотѣ, ночью и днемъ, въ лѣтній зной и въ зимнюю стужу. Не давалъ я себѣ покою, не полагался ни на посадниковъ, ни на биричей, - самъ все дѣлалъ, что надо; самъ смотрѣлъ за порядкомъ въ домѣ, охотничье дѣло самъ правилъ, о конюшняхъ, о соколахъ, о ястребахъ самъ заботился. Простого человѣка, убогой вдовицы не давалъ въ обиду сильнымъ; за церковнымъ порядкомъ и службой самъ присматривалъ.

Не осудите меня, дѣти мои, или иной, кто прочтетъ эти слова. Не себя я хвалю, а хвалю Бога и прославляю милость Его за то, что онъ меня, грѣшнаго и худого, сохранялъ отъ смерти столько лѣтъ и сотворилъ меня не лѣнивымъ и способнымъ на всѣ человѣческія дѣла.

Прочитавъ эту грамотку, постарайтесь творить всякія добрыя дѣла, славя Бога со святыми его. Смерти, дѣти мои, не бойтесь ни отъ войны, ни отъ звѣря, но творите свое дѣло, какъ дастъ вамъ Богъ. Не будетъ вамъ, какъ и мнѣ, вреда ни отъ войны, ни отъ звѣря, ни отъ воды, ни отъ коня, если не будетъ на то воли Божіей, а если отъ Бога смерть, то ни отецъ, ни мать, ни братья не могутъ спасти. Божья охрана лучше человѣческой.

Слова Кирила, епископа Туровскаго.

1. Изъ слова въ новую недѣлю по Пасхѣ. Для украшенія праздника Церковь требуетъ великаго учителя и мудраго проповѣдника, а мы бѣдны словомъ и мутны умомъ, и не имѣемъ огня Св. Духа на сложеніе душеполезныхъ словъ. Впрочемъ, любви ради сущихъ со мною братій, мало нѣчто скажемъ о поновленіи воскресенія Христова. Въ минувшую недѣлю Св. Пасхи было удивленіе небу и устрашеніе міру, разрушеніе ада и уничтоже-

ніе смерти, воскресеніе мертвыхъ и погубленіе прелестной власти діавола, спасеніе же человѣческому роду черезъ Христово воскресеніе; обнищаніе ветхому закону и порабощеніе субботы, обогащеніе Христовой церкви и воцареніе недѣли. Въ минувшую недѣлю все испытало перемѣну: земля, очищенная отъ бѣсовскихъ сквернъ, стала небомъ, и ангелы съ женами раболѣпно служили воскресенію. Обновилась тварь, потому что уже не называются Богомъ стихіи, ни солнце, ни огонь, ни источники, ни деревья: съ этого времени адъ не принимаетъ въ жертву закалаемыхъ отцами младенцевъ, смерть почестей, ибо кончилось идолослуженіе, бѣсовское насиліе погублено крестнымъ таинствомъ и родъ человѣческій не только спасся, но и освятился вѣрою Христовою. Ветхій Законъ съ сего времени навседа обнищалъ, отверженемъ тельчей крови и козліихъ жертвъ, потому что одинъ Христосъ самъ собою принесъ Отцу жертву за всѣхъ; съ тѣмъ вмѣстѣ кончился и праздникъ субботѣ, и теперь царицею дней уже не суббота, а недѣля, въ которую воскресъ Христосъ... Нынѣ небеса просвѣтились, совлекшись какъ бы грубой одежды, темныхъ облаковъ, и свѣтлымъ воздухомъ исповѣдаютъ славу Господню: не видимыя небеса разумѣю, но разумныя, т. е. Апостоловъ, которые, познавъ нынѣ на Сіонѣ являвшагося имъ Господа и забывъ всю печаль и скорбь, и осѣнившись духомъ святымъ, ясно проповѣдуютъ воскресеніе Христово. Нынѣ солнце красуясь къ высотѣ восходитъ и радуясь землю огрѣваетъ: ибо взошло для насъ изъ гроба праведное солнце Христосъ и всѣхъ вѣрующихъ въ него спасаетъ. Нынѣ луна, сошедши съ высшей ступени, большему свѣтилу честь отдаетъ: уже ветхій законъ съ субботами окончился и пророки отдаютъ честь закону Христову съ недѣлею. Нынѣ зима грѣховная покаяніемъ окончилась и ледъ невѣрія богоразуміемъ растаялъ: зима—языческое кумирослуженіе Апостольскимъ ученіемъ и вѣрою Христовою окончилось, ледъ же—Ѳомино невѣріе показаніемъ Христовыхъ ребръ растаялъ. Нынѣ красуется весна, оживляя все существующее на землѣ; бурные вѣтры, тихо повѣвая, благопріятствуютъ плодамъ, и земля, питая сѣмена, рождаетъ зеленую траву: весна красная—это вѣра Христова, которая въ крещеніи возраждаетъ человѣческое естество; бурные вѣтры—грѣховные помыслы, которые черезъ покаяніе превратившись въ добрые, приносятъ душеполезные плоды; земля же естества нашего, принявъ, какъ сѣмя, слово Божіе, и боля постоянно страхомъ Божіимъ, духъ спасенія рождаетъ. Нынѣ новорожденные агнцы и юнцы скачутъ быстро и весело возвращаются къ матерямъ своимъ, а пастухи на свирѣляхъ съ веселіемъ

хвалятъ Христа: агнцы — это кроткіе люди изъ язычниковъ, а юнцы—кумирослужители невѣрныхъ странъ, которые Христовымъ вочеловѣченіемъ и Апостольскимъ ученіемъ и чудесами къ святой церкви возвратившись, сосутъ молоко ученія; а учители Христова стада, о всѣхъ молясь, славятъ Христа Бога, всѣхъ волковъ и агнцевъ въ одно стадо собравшаго. Нынѣ деревья отпрыски пускаютъ, а цвѣты испускаютъ благоуханіе, и вотъ уже въ садахъ слышится сладкій запахъ и дѣлатели, съ надеждою трудясь, плододавца Христа призываютъ: мы прежде были какъ деревья дубравныя, не приносящія плодовъ, а теперь привилась Христова вѣра къ нашему невѣрію, и держась корня Іесеева (т. е. древа родства І. Хр.), испуская добродѣтели какъ цвѣты, райскаго обновленія о Христѣ ожидаемъ, и святители, заботясь о церкви, отъ Христа награды ожидаютъ. Нынѣ проповѣдники, сопрягая свои назиданія (какъ запрягаютъ быковъ въ ярмо) и ученіе о крестѣ погружая въ мысляхъ (какъ соху погружаютъ въ бороздахъ), и проводя черту покаянія (какъ проводятъ борозду), и всыпая туда сѣмя духовное (Слово Божіе) веселятся въ надеждахъ на будущія блага. Нынѣ ветхое кончилось и все стало новымъ по причинѣ воскресенія. Нынѣ, рѣки Апостольскія наводняются и язычныя рыбы (язычники) плодъ приносятъ (образъ распространившагося повсюду ученія Христова) и рыбари (просвѣтители человѣчества), видя всю глубину Божія вочеловѣченія, полную сѣть лова вынимаютъ... Нынѣ монашескаго образа трудолюбивая пчела своею мудростью всѣхъ удивляетъ; ибо какъ они (монахи), живя въ пустыняхъ и прокармливая себя собственными средствами, ангеловъ и людей удивляютъ, такъ эти (пчелы), летая на цвѣты, собираютъ медовые соты, для сладости человѣка и для церковныхъ потребностей. Нынѣ всѣ доброгласныя птицы, лики церковныхъ пѣснопѣвцевъ, веселятся,... и каждая воспѣвая свою пѣснь, славитъ Бога непрестанно.

2. **Изъ слова въ недѣлю о разслабленномъ.** Неизмѣрима небесная высота, не испытана преисподняя глубина, не извѣдано таинство Божія смотрѣнія; велика и неизреченна милость Его на родѣ человѣческомъ, помиловавшая насъ. Ради этого мы, братіе, должны хвалить и пѣть и прославлять Господа и Спаса нашего Іисуса Христа, исповѣдуя великія чудеса Его, которыя Онъ сотворилъ: ибо они не исповѣдимы, ни для ангеловъ, ни для людей. Сегодня же побесѣдуемъ о разслабленномъ, котораго самъ Богъ вспомянулъ (въ Евангеліи) и призрѣлъ, и помиловалъ; его и врачи оставили, его презрѣли и тѣ, которые выносятъ больныхъ въ купель. Когда возмутилась вода, всѣ, заботясь о богатыхъ, покину-

ли его, но самъ Христосъ человѣколюбецъ и врачъ души и тѣла нашего, словомъ исцѣлилъ его и слово Его стало дѣломъ. Евангеліе разсказываетъ объ этомъ такъ: Въ преполовеніе еврейскаго праздника пошелъ Іисусъ въ Іерусалимъ; тогда же собралось тамъ множество народа изъ всѣхъ городовъ. По истинѣ Онъ пришелъ искать заблудшихъ и спасти погибшихъ. Много Онъ творилъ въ Палестинѣ чудесъ, но не вѣровали въ Него, въ отвѣтъ за благодать взводили на Него хулу, считая Его льстецомъ соблазнителемъ. Въ присутствіи многочисленнаго собранія пришелъ Онъ къ купели Соломоновой, называемой *виѳезди*, т. е. овчая купель, потому что въ ней полоскали внутренности овецъ, приносимыхъ въ жертву. Надъ ней былъ храмъ, имѣвшій пять притворовъ, и въ нихъ лежало множество больныхъ, хромыхъ, слѣпыхъ и одержимыхъ другими недугами, ожидавшихъ возмущенія воды; ибо Ангелъ Господень, сходя въ эту купель, возмущалъ воду, и кто первымъ влѣзалъ туда, тотъ выздоравливалъ. И это служило прообразомъ св. крещенія; ибо та вода не всѣхъ исцѣляла, а только когда Ангелъ возмущалъ ее; теперь же въ крещеніи самъ владыка ангеловъ, Духъ Святый, сходя на воду, освящаетъ ее и подаетъ здравіе душѣ и тѣлу и очищеніе отъ грѣховъ: слѣпъ ли кто разумомъ, или хромаетъ невѣріемъ, или изсушенъ отчаяніемъ по причинѣ множества грѣховъ, или разслабленъ еретическимъ ученіемъ,—всѣхъ вода крещенія дѣлаетъ здоровыми. Но та купель, принимая многихъ, исцѣляла только одного, и то не всегда, а только однажды въ годъ; а купель крещенія всякій день оживляетъ множество людей; если бы къ крещенію сошлись люди со всей земли, то и тогда благодать Божія не уменьшится, но всѣмъ подастъ исцѣленіе отъ грѣховныхъ недуговъ. Скажемъ же и мы о благодати Господней, какъ она пришла къ овчей купели и, видя разслабленнаго человѣка, долгое время лежавшаго на одрѣ болѣзни, спросила: «Хочешь ли быть здоровымъ?»—Ей Господи, отвѣчалъ разслабленный: хотѣлъ бы, но не имѣю такого человѣка, который бы по возмущеніи воды опустилъ меня въ купель. Но если Ты, Владыко, вопросилъ меня о здравіи, то выслушай кротко мой отвѣтъ, чтобы я могъ повѣдать Тебѣ болѣзнь мою. Тридцать восемь лѣтъ я лежу на этомъ одрѣ, пригвожденный къ нему недугомъ; грѣхи разслабили всѣ члены моего тѣла, а душа моя уязвлена страстями. Молюсь Богу, но не внимаетъ мнѣ, потому что беззаконія мои превзошли главу мою. Все свое имѣніе я роздалъ врачамъ, но не могъ получить отъ нихъ помощи, ибо нѣтъ зелія, могущаго отмѣнить казнь Божію. Знающіе меня гнушаются мною, смрадъ мой лишилъ меня всякой утѣхи,—

ближніе мои стыдятся меня, всѣ люди *клянутся* мной (приводятъ въ примѣръ), а утѣшающаго не нахожу. Назову ли себя мертвымъ? но чрево мое требуетъ пищи, а языкъ изсыхаетъ отъ жажды. Живымъ ли себя представлю (помыслю)? но не только вставать съ одра, но даже двинуться не могу. Ноги мои не ходятъ, а руки не только не дѣлаютъ, но даже осязать себя ими я не могу. Я непогребенный мертвецъ, и этотъ одръ—гробъ мой; я мертвый между живыми и живой между мертвыми; ибо какъ живой я питаюсь, а какъ мертвый ничего не дѣлаю. Я мучусь какъ въ аду, отъ оскорбленій поносящихъ меня; предметомъ смѣха я служу для юношей, и притчою наказанія для старцевъ; всѣ надо мною глумятся, а я вдвойнѣ страдаю: внутри терзаетъ меня болѣзнь, а внѣ я стражду отъ досажденія поносящихъ меня; слюни плюющихъ на меня покрываютъ тѣло мое. Голодъ пуще болѣзни удручаетъ меня, ибо, если я и найду себѣ пищу, то не могу руками положить ее въ ротъ; всѣхъ умоляю, чтобъ накормили меня, и дѣлю мой бѣдный кусокъ съ питающими меня; стонаю со слезами, томимый мучительною болѣзнію, и никто не придетъ посѣтить меня... У меня нѣтъ имѣнія, чтобы наградить человѣка, пекущагося обо мнѣ; я *злѣ* расточилъ данное мнѣ въ раю богатство; змій эдемскій похитилъ одежду чистоты, и я лежу здѣсь, лишенный Божія покрова; не имѣю человѣка, который не гнушаясь, послужилъ бы мнѣ... Слыша все сіе изъ устъ разслабленнаго, благой нашъ врачъ, Господь Іисусъ Христосъ, отвѣчалъ ему: «что говоришь ты: не имѣю человѣка? Ради тебя я сдѣлался человѣкомъ, щедрый и милостивый не нарушилъ своего обѣта о вочеловѣченіи. Ты слышалъ пророка, глаголющаго: отроча родися Сынъ Вышняго и дадеся намъ, и Онъ болѣзни и недуги наши понесетъ. Ради тебя, я, оставивъ скипертъ горняго царства, служу низшимъ; ибо я пришелъ не для того, чтобы мнѣ служили, но чтобы послужить другимъ. Будучи безплотнымъ, ради тебя, Я облекся плотію, чтобы исцѣлитъ душевные и тѣлесные недуги всѣхъ. Будучи невидимъ для ангельскихъ силъ, я явился всѣмъ людямъ, ибо не хочу оставить образъ мой въ тлѣніи, но хочу спасти и въ разумъ истинный привести; а ты говоришь: не имѣю человѣка: Я сдѣлался человѣкомъ, да человѣка сотворю Богомъ, потому что сказалъ: боги будутъ и сына вышняго всѣ, и кто другой вѣрнѣе меня служитъ тебѣ? Тебѣ я всю тварь на работу создалъ: небо и земля тебѣ служатъ—небо влагою, земля плодомъ; солнце служитъ свѣтомъ и теплотою, луна звѣздами ночь обѣляетъ; для тебя облака дождемъ землю напояютъ, и земля всякую траву сѣмянистую и деревья плодовитыя на твою службу

возращаетъ; тебя ради рѣки рыбъ носятъ и пустыни звѣрей питаютъ, а ты говоришь не имѣю человѣка... Встань, возьми одръ свой и иди въ домъ свой».

3. Изъ поученія въ недѣлю 5-ю по Пасхѣ. Я, други мои и братья, надѣялся каждую недѣлю больше собирать въ церковь людей, для слушанія божественныхъ словъ; нынѣ же приходитъ менѣе. Но если бы я свое говорилъ, то, пожалуй, и хорошо поступали бы, не приходя слушать меня; теперь же я божественное возвѣщаю вамъ, грамоту Христову читаю вамъ. Ибо когда кто приноситъ въ городъ грамоту царскую или княжескую подчиненнымъ, то не спрашиваютъ о жизни принесшаго: богатъ ли онъ или бѣденъ, грѣшенъ или праведенъ, но слушаютъ только то что читаютъ, и стараются о томъ, чтобы ничего не забыть; если же чего не разслышатъ, то спрашиваютъ у того, кто хорошо слышалъ. Но если къ земному князю такое вниманіе бываетъ, то тѣмъ больше нужно быть внимательнымъ здѣсь, гдѣ владыка бесѣдуетъ съ ангелами... Вы же, приходящіе сюда въ церковь, побуждайте ходить и тѣхъ, которые не хотѣли бы, и никто пусть не говоритъ, что онъ занятъ другими дѣлами; пусть каждый вспомнитъ о тѣхъ званныхъ на царскую вечерю, которые множество извиненій выставляли: одинъ говорилъ: я хочу испробовать пару воловъ; другой говорилъ: мнѣ нужно поглядѣть купленное село, иной женился, и потому не могъ прійти; и на всѣхъ на нихъ разгнѣвался царь. Неужели вы и одного часа не можете удѣлить для Бога? Спрашиваю васъ и отвѣчайте мнѣ: если бы я раздавалъ вамъ каждый день золото и серебро, или медъ или пиво, не приходили ли бы вы сами и не званые, и не старались бы о томъ, чтобы предварять другъ друга? Теперь же я раздаю вамъ Слово Божіе, которое лучше всякаго золота и камней драгоцѣнныхъ и слаще меда и сота, и вы лишаетесь его, не приходя въ церковь. За это я тѣхъ злословлю и укоряю, а васъ приходящихъ, хвалю и благословляю. Каждаго же изъ васъ, приходящихъ сюда и вкушающихъ духовнаго сего меду, молю: если имѣете сосѣда, или родственнника, или жену, или дѣтей, зовите ихъ всѣхъ въ церковь поучаться душеполезнымъ словамъ, чтобы и здѣсь богоугодно пожить, и быть наслѣдниками вѣчныхъ благъ о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ.

4. Изъ слова на Вознесеніе Господне. Вознесемся нынѣ, братіе, умомъ на гору Елеонскую, чтобы мысленно узнать всѣ преславныя дѣла на ней совершившіяся. На ту гору пришелъ нынѣ самъ Христосъ Богъ нашъ и собрались чины всѣхъ Святыхъ: соборы праотцовъ, множество патріарховъ, полки пророческіе, лики апо-

стольскіе и толпы вѣрныхъ, съ семидесятью учениками Христовыми... Тамъ же нынѣ ангельскія силы и архангельскія воинства: одни на крыльяхъ вѣтряныхъ приносятъ облака для взятія отъ земли Христа Бога нашего, другія готовятъ престолъ херувимскій. Богъ Отецъ ждетъ Того, Кого отъ вѣка имѣлъ въ лонѣ съ Собою, а Духъ Святый повелѣваетъ всѣмъ ангеламъ Его: возьмите врата небесныя, да внидетъ царь славы. Небеса веселятся, украшая свои свѣтила, да благословятся отъ своего Творца, возносящагося съ плотію на облакахъ (сквозь тѣ врата); земля радуется, видя на себѣ Бога, явственно ходящаго, вся тварь красуется, будучи просвѣщаема отъ горы Елеонской, на которой, по повѣленію Отца, ангелы соединились со святыми апостолами, ожидая пришествія Сына. Потому сей праздникъ для насъ честнѣе всѣхъ, а эта гора даже болѣе священна, чѣмъ гора Синайская, ибо на ту гору невидимый сошелъ, а на этой явственно показалъ себя. Сошедши на Синайскую гору, Богъ устрашалъ всѣхъ: гора огнемъ горѣла, а молнія и громъ убивали приступающихъ къ ней и только съ однимъ Моисеемъ Богъ бесѣдовалъ; на Елеонскую же гору Христосъ взошелъ съ тьмами святыхъ, все освящаетъ и всѣхъ утѣшаетъ. Елеонъ свѣтится какъ солнце, имѣя на себѣ чины святыхъ вмѣстѣ со Христомъ, и вмѣсто грома и молніи слышатся пророческіе голоса, которые весело восклицаютъ: вознесись силою твоею, Боже, поемъ, и воспоемъ силы твоя. Ангелы призываютъ всѣхъ, говоря: воскликните Богу вся земля, пойте же имени Его (Псал. 68,2). Патріархи начинаютъ пѣснь: вотъ Богъ нашъ возносится, совокупивъ обоя во едино, земныхъ съ небесными. Преподобные возглашаютъ: вознесемся на небеса, Боже, и по всей земли слава Твоя (Псал. 56.6). Праведники громко вопіютъ: вознесися судяй земли, да и мы во свѣтѣ лица Твоего, Господи, пойдемъ. Давидъ какъ старѣйшина ликовъ, уясняя пѣсненные голоса, взываетъ: вси языцы восплещите руками, воскликните Богу гласомъ радости, да взыдетъ Богъ въ воскликновеніи и Господь во гласѣ трубнѣ (Псал. 46,2.6). Голосъ же всѣхъ оканчиваетъ Павелъ, говоря, кто взыдетъ на небеса Христа свести? или кто снидетъ въ бездну Христа возвести (Рим. 10,6.7). Но той есть сшедый и паки возшедый превыше всѣхъ небесъ (Еф. 4,10). Здѣсь же была и языческая церковь, уневѣщенная Христу; видя Его, возносящагося на небеса, она скорбитъ и стоная сердцемъ, съ Соломономъ вопіетъ: уязвена есмь азъ любовію Твоею, женише небесный, и какъ бы провожая возлюбленнаго, говоритъ: да цѣлуетъ мя отъ лобзанія устъ его. Съ нею и апостольскій ликъ, взирая на своего учителя и Господа, какъ

чада церковныя, жалостно взывали: Владыко! не оставь сирыми насъ, коихъ Ты благоволилъ возлюбить, какъ милосердый, но пошли, какъ обѣщалъ намъ, пресвятого Твоего Духа. Утѣшая ихъ, Іисусъ отвѣчалъ имъ: сѣдите въ Іерусалимѣ. Азъ бо восхожу ко Отцу моему и Богу вашему, и послю, яко обѣщахъ вамъ, иного Утѣшителя, Духа моего, Отча. И поднявъ руки благословилъ учениковъ и началъ возноситься на небо... свѣтлое облако подняло Его отъ очей ихъ; Онъ возсѣлъ на херувимовъ и полетѣлъ на крыльяхъ вѣтряныхъ, имѣя съ собою души человѣческія, которыя Онъ вознесъ на небеса въ даръ своему Отцу и поселилъ въ горнемъ градѣ. Впереди Христа текли ангельскія силы, со страхомъ и радостію, желая отворить небесныя ворота; но небесные привратники возбраняли, говоря: это врата Господни; чрезъ нихъ никто изъ земныхъ не проходитъ. Мы дивимся, видя нынѣ человѣка, сидящаго на херувимскомъ престолѣ и прежде серафимовъ хотящаго пройти чрезъ сіи врата. Ангелы повѣдали силу и власть Сына Божія .. Тогда самъ Христосъ возгласилъ: отворите мнѣ врата правды, и войдя въ нихъ, возвѣщу Отцу моему, что сдѣлалъ Я на землѣ и какъ пострадалъ. Узнавши голосъ Господа, всѣ силы небесныя пали ницъ и поклонились, говоря: если мы не видѣли Тебя, Владыко, сходящаго (на землю), то поклоняемся восходящему въ славѣ. Духъ Св. выходитъ на встрѣчу, вводя равнаго Себѣ Сына Божія и воздавая Ему почесть, говоритъ: да поклонятся Ему вси ангели Божіи. Самъ Богъ Отецъ возгласилъ къ грядущему во плоти: Сынъ мой еси Ты, сѣди одесную мене; се престолъ Твой, Боже, въ вѣкъ вѣка! Твоя суть небеса и Твоя есть земля.. И отецъ, посадивъ сына на престолѣ, вѣнчалъ Его своею десницею, а серафимы при этомъ воспѣвали: положилъ еси на главѣ Его вѣнецъ отъ камени драгаго, славою и честію вѣнчалъ еси Его, славу и велелѣпоту возложилъ еси на Него. Потомъ совершаетъ помазаніе существа Божія, какъ говоритъ Давидъ: сего ради помаза Тя, Боже, Богъ твой елеемъ радости паче причастникъ Твоихъ. Да, по истинѣ сей праздникъ полонъ радости и веселія: радость на небесахъ, потому что Христосъ вознесся къ Отцу, и веселіе на землѣ для всей твари, потому что она обновилась отъ тлѣнія. Потому и мы, братіе, придите, возрадуемся Господу, вознесшемуся на небо; поклонимся сидящему одесную Отца; помолимся принявшему всякую власть на небѣ и на землѣ; принесемъ въ даръ вѣру царствующему съ Отцомъ. Не явимся предъ Нимъ тощими въ день праздника, да получимъ Божію благодать. Ибо сегодня Христосъ всѣмъ раздаетъ дары: Отцу даетъ принесенную имъ въ жертву плоть,

апостоламъ посылаетъ Св. Духа, души св. пророковъ вводитъ въ небесное царство, угодникамъ своимъ раздѣляетъ обители вышняго города, праведникамъ открываетъ рай, страдавшихъ за Него мучениковъ вѣнчаетъ, Святителямъ даетъ душеполезныя прошенія, благовѣрнымъ князьямъ нашимъ посылаетъ здоровье тѣлесное и душевное и побѣду надъ врагами, утверждаетъ церкви, обогащаетъ служителей ея, оказываетъ честь служащимъ ему священникамъ и діаконамъ, освящаетъ монастыри, прославляетъ игуменовъ, укрѣпляетъ на терпѣніе монаховъ, благословляетъ всѣхъ христіанъ: малыхъ и великихъ, нищихъ и богатыхъ, рабовъ и свободныхъ, старцевъ и юношей, замужнихъ и дѣвицъ, матерей и младенцевъ, сиротъ и вдовъ. Придемъ и мы, братіе, во св. церковь; возвеличимъ Христа Бога нашего, давшаго намъ жизнь; прославимъ и послѣ обѣщавшаго небесное царство; вознесемъ имя Его вмѣстѣ, да ниспошлетъ и намъ своего Пресв. Духа; ибо мы рабы его, и Ему славу, честь и поклоненіе возсылаемъ, съ Отцемъ и Пресвятымъ, благимъ и животворящимъ Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ.

Слово о полку Игоревѣ.

Вотъ, на что бы лучше, братья, начать намъ на старинный ладъ важное сказанье о походѣ Игоря—Игоря Святославича? Начаться же той пѣснѣ по современнымъ событіямъ, а не по сочиненію Бояна. А когда Боянъ вѣщій хотѣлъ кому пѣснь сложить,—онъ расточался соловьемъ по дереву, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаками.

Помните-ль—бывало скажетъ—первыхъ временъ усобицы? И какъ напуститъ десять соколовъ на стадо лебедокъ... которую настигнетъ, та и запѣвала напередъ—старому Ярославу, храброму Мстиславу, что̀ зарѣзалъ Редедю передъ полками Косожскими,—прекрасному Роману Святославичу. Боянъ же, братья, не десять соколовъ пускалъ на стадо лебединое, а пальцы вдохновенные свои положитъ только на живыя струны—и онѣ ужъ сами играли славу князьямъ.

Начнемъ же, братья, эту повѣсть отъ стараго Владиміра до нынѣшняго Игоря, который изощрилъ умъ свой крѣпостію, закалилъ сердце мужествомъ, исполнился воинственнаго духа и навелъ свои храбрые полки на землю половецкую за землю русскую.

Тогда Игорь взглянулъ на свѣтлое солнце и увидѣлъ, что тьмою отъ него прикрыто все его войско. И сказалъ Игорь сво-

ей дружинѣ: «Братья и дружина! лучше-жъ намъ быть изрубленными, нежели взятыми въ плѣнъ: сядемъ же, братья, на своихъ борзыхъ коней, да поглядимъ синяго Дону!»—Слава князю умъ плѣнила; желанье попытать Дону великаго ему и знаменіе заслонило. «Хочу, говоритъ, переломить копье о край поля половецкаго, съ вами, други; хочу свою голову сложить, или напиться шлемомъ изъ Дона». О Боянъ, соловей стараго времени! если бы ты воспѣлъ полки эти, скача, соловей, по мысленному дереву, летая умомъ подъ облаками, соединяя, соловей, обѣ половины нашего времени!.. Рыская вслѣдъ за Бояномъ чрезъ поля на горы, такъ бы слѣдовало запѣть пѣснь Игорю, Боянову внуку: «не буря понесла соколовъ черезъ поля широкія: то галчье стадо несется къ великому Дону». Или еще вотъ бы какъ: О вѣщій Боянъ, внукъ Велесовъ! Кони ржутъ за Сулою, звенитъ слава въ Кіевѣ, трубы трубятъ въ Новгородѣ, стоятъ знамена въ Путивлѣ: Игорь ждетъ милаго брата Всеволода... И молвитъ ему отважный Всеволодъ: «одинъ у меня братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый—ты, Игорь; оба мы съ тобой Святославичи. Сѣдлай же, братъ, своихъ борзыхъ коней, а мои ужъ готовы, осѣдланы впереди, у Курска. А мои-то куряне народъ бывалый: подъ трубами (военными) повиты, подъ шлемами взлелѣяны, концомъ копья вскормлены. Пути имъ извѣстны, овраги имъ знакомы; луки у нихъ натянуты, колчаны вскрыты, сабли отточены; сами скачутъ, какъ сѣрые волки въ полѣ, ища себѣ чести, а князю славы».

Тогда вступилъ Игорь князь въ золотое стремя, и поѣхалъ по чистому полю. Солнце ему тьмою путь застилало. Ночь, застонавъ грозой, разбудила птицъ; свитъ звѣрей въ дебряхъ; злой вѣщунъ кричитъ вверху дерева,—велитъ послушать незнакомую землю: Волгу, и поморье, и Посулье, и Суражъ и Корсунь, и тебя идолище тмуторокanское! А половцы дорогами непроторенными бѣгутъ къ великому Дону; скрыпятъ—кричатъ телѣги ихъ въ полуночи, словно распуганные лебеди. Игорь къ Дону войско ведетъ. Уже птицы стерегутъ бѣду; волки, по оврагамъ, зачуяли грозу; орлы клёктомъ на кости звѣрей зовутъ; лисицы такъ и брешутъ на красные щиты. О русская земля! ты уже за рубежемъ.

Долго ночь меркнетъ; заря—свѣтъ запропала, туманъ покрылъ поля; уснулъ соловьиный щебетъ, проснулся галочій говоръ. Русскіе загородили обширныя поля красными щитами, ища себѣ чести, а князю славы.

Спозаранокъ въ пятницу, они смяли поганые полки половецкіе, и, разсѣявшись стрѣлами по полю, помчали красивыхъ

дѣвокъ половецкихъ, а съ ними золото, и ткани, и драгоцѣнную парчу. Армяками, плащами, кожухами и всякими половецкими украшеніями начали мосты мостить по грязямъ да по болотамъ. Красное знамя, бѣлую хоругвь, красную чолку и серебряное копье сложили храброму Святославичу.

Дремлетъ въ полѣ Олегово храброе гнѣздо... далеко залетѣло! Породили его не затѣмъ чтобъ въ обиду дать: ни соколу, ни кречету, ни тебѣ черный воронъ, поганый половчанинъ.

Ханъ Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ волкомъ; Кончакъ ему слѣдъ правитъ къ великому Дону.

На другой день, ранымъ-рано, кровавыя зори возвѣщаютъ разсвѣтъ. Черныя тучи идутъ съ моря,—хотятъ прикрыть четыре солнца (четырехъ князей русскихъ предводителей); а въ тѣхъ тучахъ трепещутъ синія молніи. Быть грому великому, итти дождю стрѣлами съ великаго Дону! Здѣсь-то копьямъ поломаться, здѣсь то саблямъ притупиться о шлемы половецкіе — на рѣкѣ Каялѣ у великаго Дону! О русская земля! ты уже за рубежемъ.

Вотъ вѣтры, Стрибожьи внуки, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрые полки Игоревы. Земля стонетъ, рѣки мутно текутъ, пыль покрываетъ поля, знамена шумятъ: это половцы идутъ отъ Дона и отъ моря; со всѣхъ сторонъ они русскіе полки обступили. Бѣсовы дѣти крикомъ поля огласили, а храбрые русскіе загородили ихъ красными щитами.

О, удалой Всеволодъ! стоишь ты на оборонѣ, мечешь стрѣлы на войско, гремишь о шлемы мечами булатными. Куда обернешь коня, золотымъ шлемомъ посвѣчивая,—тамъ и валятся поганыя головы половецкія. Исщеплены твоими саблями калеными шлемы аварскіе, ярый туръ Всеволодъ... Какія раны страшны, братья, тому, кто забылъ и почесть и жизнь, и города Чернигова отцовскій престолъ золотой, и своей милой—желанной, прекрасной Глѣбовны (Ольги) свычаи и обычаи?

Были времена стародавнія, миновали лѣта Ярославовы, были походы Олеговы—Олега Святославича. Этотъ Олегъ мечемъ (ковалъ) производилъ возмущенія, и стрѣлами сѣялъ ихъ по землѣ.

Вступаетъ, бывало, въ золотое стремя еще въ городѣ Тмуторокани, а ужъ звонъ слышалъ издали великій Ярославовъ сынъ Всеволодъ. А Владиміръ—тотъ всякое утро себѣ уши затыкалъ въ Черниговѣ (оставался глухъ къ воинскому грому и славѣ). Бориса же Вячеславича слава привела на смерть и положила его, храбраго и молодого князя, на зеленую скатерть рѣки Каялы, за обиду Олегову. И съ той же Каялы повезъ Святополкъ, послѣ битвы, тѣло отца своего къ святой Софіи, въ Кіевѣ, на венгер-

скихъ двухъ иноходцахъ. Тогда при Олегѣ Гориславичѣ (Святославичѣ) сѣялись и росли междоусобія; въ княжескихъ раздорахъ гибло имущество Дажьбожьяго внука, человѣческій вѣкъ сокращался. И въ русской землѣ тогда рѣдко кричали пахари, но часто каркали вброны, раздѣляя между собою бездушные трупы; а галки вели свою рѣчь, собираясь полетѣть на покормъ (на поле битвы, усѣянное трупами). Это бывало во время тѣхъ битвъ и походовъ, а о такой войнѣ, какова эта, и не слыхано.

Съ ранняго утра до вечера, съ вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленыя, гремятъ сабли о шлемы, трещатъ копья булатныя—среди незнакомой степи, въ землѣ половецкой. Черна земля подъ копытами лошадей, костями она была засѣяна, а кровью полита: горемъ взошли эти кости по русской землѣ.

Но что-за шумъ, что-за звонъ слышался мнѣ давеча по утру, передъ зарею? То Игорь полки поворачиваетъ: ему стало жаль милаго брата, Всеволода. Бились день, бились другой—на третій день, къ полудню пали знамена Игоревы. Здѣсь-то на берегу быстрой Каялы, разстались братья; тутъ кроваваго вина не достало; тутъ храбрые русскіе кончили пиръ свой: сватовъ напоили, а сами на вѣкъ улеглися за русскую землю. Никнетъ трава отъ жалости, а деревья съ горя къ землѣ приклонились.

Уже настало, братья, невеселое время; уже степь прикрыла силу ратную. Возстала обида кровная въ русской землѣ, вступила дѣвою на землю Троянову, заплескала лебедиными крыльями на синемъ морѣ, у Дона—пробудила время тяжкое. Не стало въ князьяхъ единомыслія на поганыхъ. Ибо стали говорить братъ брату: «это мое и то мое же», и стали князья спорить за малое, какъ за великое, и сами на себя крамолу ковать. А поганые со всѣхъ сторонъ приходили съ побѣдами на землю русскую.

О! далеко залетѣлъ соколъ, сгоняя птицъ къ морю. А храбраго полка Игорева не воскресить уже! За нимъ Карна и Жля съ криками поскакали по русской землѣ, разнося огонь въ пламенномъ рогѣ. Жены русскія заплакали, говоря: Уже намъ своихъ милыхъ мужей ни въ мысляхъ не представить, ни думою не вздумать, ни глазами на нихъ не глядѣть; а серебромъ и золотомъ и подавно не бренчать! Застоналъ, братья, Кіевъ отъ горести, а Черниговъ подъ напастями; тоска разлилась по русской землѣ, печаль широко потекла по Руси. Князья русскіе между собою только ссорились, а поганые, набѣгая съ побѣдами на русскую землю, собирали дань по бѣлкѣ со двора. Эти же два храбрые Святославичи, Игорь и Всеволодъ, снова пробудили ту вражду, которую усыпилъ отецъ ихъ, Святославъ грозный, великій

князь Кіевскій. Грозою былъ онъ, трепетъ наводилъ своими сильными полками и мечами булатными. Какъ наступилъ на землю половецкую, протопталъ холмы и овраги, возмутилъ рѣки и озера, изсушилъ потоки и болота; а поганаго Кобяка, словно вихрь, вырвалъ изъ лукоморья, изъ желѣзныхъ великихъ полковъ половецкихъ: и очутился Кобякъ въ городѣ Кіевѣ, въ гридницѣ Святославовой. Тамъ нѣмцы и венеціане, греки и моравцы поютъ славу Святославову, поносятъ князя Игоря за то, что силу русскую потопилъ на днѣ Каялы и рѣку половецкую засыпалъ русскимъ золотомъ. А самъ Игорь князь пересѣлъ изъ золотого сѣдла въ сѣдло невольника. Понасупились городскія стѣны и веселье призатихнуло.

А Святославъ видѣлъ смутный сонъ. «Въ Кіевѣ, на горахъ, прошлую ночь, съ вечера»,—разсказывалъ онъ—«вы одѣвали меня чернымъ покрываломъ на кровати тесовой; подносили мнѣ зеленое вино, смѣшанное съ отравой; сыпали мнѣ на постель, будто изъ пустыхъ колчановъ, изъ грязныхъ раковинъ крупныя жемчужины, и нѣжили меня. И потолочины уже безъ перекладинъ въ моемъ теремѣ златоверхомъ; всю ночь, съ вечера, каркали вражьи вброны. У Плѣнска, на окраинѣ города, была дебрь Кисанова, и, будто, несли ее къ синему морю». И сказали на то бояре князю: «Уже, князь, тоска овладѣла (твоимъ) умомъ: оба сокола слетѣли съ отцовскаго золотого трона—поискать города Тмуторокани, либо напиться шлемомъ изъ Дона. Уже крылья этихъ соколовъ подсѣкли саблями поганыхъ и самихъ ихъ оковали желѣзными путами... Темно стало въ третій день: два солнца померкли, оба столпа багряные (красные) погасли, а съ ними и оба молодые мѣсяца— Олегъ и Святославъ, покрылись тьмою. На рѣкѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла; по русской землѣ разсыпались половцы, словно стая съ гнѣзда леопардова—и моремъ разлилося буйство ханское.

Уже на хвалу хула поднялася, уже насиліе нагрянуло на волю, уже дивъ бросился на землю. Вотъ и Готскія красныя дѣвицы, звёня рускимъ золотомъ, запѣли на берегу синяго моря: поютъ время Бусово, лелѣютъ месть Шароканову,—а мы, дружина, лишены веселія».

Тогда великій Святославъ изронилъ слово золотое, со слезами смѣшанное, и сказалъ: «О мои племянники, Игорь и Всеволодъ! рано вы начали половецкую землю мечами посѣкать, а себѣ славы искать. Вы безславно одолѣли, безславно кровь поганую пролили. Ваши храбрыя сердца скованы изъ крѣпкой стали и закалены въ смѣлости. Что вы сдѣлали съ моей сѣдиной серебряной! Я уже не вижу власти сильнаго и богатаго, и многочисленныхъ

I O И-И O И-И O

воиновъ моего брата, Ярослава, съ Черниговскими былями, съ Могутами, Татранами, съ Шельбирами, съ Топчаками, съ Ревугами, съ Ольберами. Они, безъ щитовъ, съ засапожными ножами однимъ крикомъ побѣждаютъ полки, гремя славою моего прадѣда. Но вы молвили:— сами помужаемся, сами славой предстоящей раздобудемся,—сами же подѣлимся и прошедшею. Развѣ диво, братья, старику помолодѣть? Когда у сокола есть гнѣздо съ самкою и птенцами, тогда онъ высоко птицъ взбиваетъ, а гнѣзда своего въ обиду не дастъ. Да вотъ бѣда: князья не въ помочь мнѣ—знать пришло на насъ безвременье! И вотъ Ромны кричатъ подъ саблей половецкою, а Владиміръ князь—стонетъ подъ ранами. Печаль и тоска сыну Глѣбову (Владиміру)!..»

Великій князь Всеволодъ! у тебя и въ мысляхъ нѣтъ прилетѣть издалеча поберечь отцовскій золотой престолъ. Вѣдь ты же можешь Волгу разбрызгать веслами, а Донъ вылить шлемами... Если бы ты былъ здѣсь, то плѣнница половецкая пошла бы по грошу, а плѣнникъ по полушкѣ... Ибо ты можешь посуху стрѣлять живыми стрѣлами—удалыми сыновьями Глѣбовыми.

Ты, отважный Рюрикъ, и Давидъ! не ваши ли золоченые шлемы по крови плавали? Не ваши ли дружины храбрыя, словно быки, пораженные саблями калеными, рыщутъ на полѣ невѣдомомъ? Вступите, князья, въ золотое стремя за обиду нынѣшнюю, за землю русскую, за раны Игоря, удалого Святославича!..

Галицкій Осмомыслъ—Ярославъ! Высоко сидишь ты на своемъ престолѣ златокованномъ, подперъ ты горы Карпатскія своими дружинами желѣзными, загородилъ ты путь королю венгерскому, затворилъ входъ въ Дунай рѣку, грозой мечешь черезъ горы и облака и судишь—рядишь по всей землѣ до самаго Дуная. Грозная слава твоя по всѣмъ землямъ распространяется. Ты отворяешь ворота въ Кіевѣ, и стрѣляешь съ отцовскаго золотого престола султановъ за землями дальними: разгроми же государь, Кончака, раба поганаго, за землю русскую, за раны Игоря, удалого Святославича!..

А вы, отважный Романъ и Мстиславъ! смѣлая мысль манитъ вашъ умъ на подвигъ. Въ своей смѣлости высоко ты (Романъ) заносишься въ этихъ подвигахъ, словно соколъ ширяясь по воздуху, желая быстротой превзойти птицу. У обоихъ васъ нагрудники желѣзные подъ шлемами латинскими: отъ нихъ потряслась земля и многія ханскія страны, а Литва, Ятвяги съ Деремелою и Половцы побросали свои копья и склонили свои головы подъ ваши мечи булатные. Но, князь, для Игоря уже померкнулъ свѣтъ солнечный, а деревья не къ добру сронили листья:

враги подѣлили города по Роси и по Сулѣ, а Игорева полку воскресить нельзя! Донъ тебя, князь, кличетъ, всѣхъ князей зоветъ на побѣду. Но лишь храбрые князья Ольговичи явились на войну.

Ингварь и Всеволодъ, и всѣ трое Мстиславичи, птенцы шестокрылатые, не плохого рода—племени! вы безъ побѣдъ пріобрѣли себѣ области. Для чего же вамъ шлемы золотые, и щиты, и копья польскія? Преградите доступъ къ роднымъ полямъ своими острыми стрѣлами, за землю русскую, за раны Игоря, храбраго Святославича.

Уже Сула не течетъ струями серебристыми къ городу Переславлю, и Двина мутно течетъ къ этимъ грознымъ полочанамъ, подъ крикомъ поганыхъ (литовцевъ). Одинъ только Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвонилъ своими острыми мечами о литовскіе шлемы, полелѣялъ славу дѣда своего, Всеслава,—а самъ подъ красными щитами, на кровавой травѣ, побитъ мечами литовскими. И взялъ онъ эту славу съ собою на смертное ложе, и сказалъ: «Твою дружину, князь, птицы пріодѣли крыльями, а звѣри полизами ея кровь.“ Не было тамъ его брата, Брячеслава, ни другого брата, Всеволода: одинъ онъ выронилъ жемчужную душу изъ храбраго тѣла сквозь золотое ожерелье. Голоса уныли; смолкнуло веселье; трубятъ трубы городенскія... Ярославъ и всѣ внуки Всеславовы! опустите свои знамена, вложите въ ножны свои ржавые мечи: не добыть вамъ славы дѣдовой. Вы своими крамолами начали наводить поганыхъ (литовцевъ) на русскую землю, на жизнь Всеслава. И какое же тогда было насиліе отъ земли половецкой!

На седьмомъ вѣку Трояновомъ, Всеславъ кинулъ жеребій о милой дѣвицѣ... Упершись ходулями въ коней, онъ прыгнулъ къ городу Кіеву и коснулся копьемъ золотого престола Кіевскаго. Въ полночь, окутавшись синимъ туманомъ, лютымъ звѣремъ бѣжалъ отъ нихъ (т. е. отъ кіевлянъ), изъ Бѣлгорода, а поутру таранами отворилъ ворота въ Новгородѣ, расшибъ славу Ярослава, проскакалъ, какъ волкъ, съ Дудутокъ до Немиги. На Немигѣ снопами стелютъ головы, молотятъ ихъ цѣпами булатными, кладутъ животъ на току, вывѣваютъ душу изъ тѣла. Кровавые берега Немиги не житомъ были засѣяны, — засѣяны костями русскихъ сыновъ.

Князь Всеславъ людей судилъ, назначалъ князьямъ города, а самъ въ ночь рыскалъ волкомъ. Изъ Кіева добѣгалъ, до пѣтуховъ, въ Тмуторокань; волкомъ перебѣгалъ путь великому Хорсу (солнцу). Для него, въ Полоцкѣ, рано позвонили къ заутренѣ, у св. Софьи, въ колокола,—а онъ принялъ этотъ звонъ

за Кіевскій. Хоть въ иномъ тѣлѣ душа и вѣщая, но часто страдаетъ отъ бѣдъ. Для того вѣщій, разумный Боянъ впервые и сложилъ припѣвку: „Ни хитрому, ни гораздому, ни птицѣ гораздой Суда Божьяго не миновать.“ О, стонать русской землѣ, поминая прежнее время и прежнихъ князей! Того стараго Владиміра нельзя было навсегда пригвоздить къ кіевскимъ горамъ. Его знамена стали теперь, одни—Рюриковы, а другія—Давидовы; но у нихъ эти знамена хвостами порознь развѣваются. Поютъ копья на Дунаѣ.

Ярославны голосъ слышится... Какъ неизвѣстная ласточка, она рано щебечетъ: „Полечу я ласточкою по Дунаю; омочу бобровый рукавъ въ рѣкѣ Каялѣ; оботру князю (Игорю) кровавыя его раны на могучемъ его тѣлѣ.“

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ, на городской стѣнѣ, причитаючи: „О вѣтеръ, вѣтеръ! Зачѣмъ, господинъ, насильно вѣешь? Зачѣмъ на своихъ легкихъ крыльяхъ мчишь ханскія стрѣлы на воиновъ моего милаго? Мало тебѣ развѣ вѣять на высотѣ подъ облаками, лелѣя корабли на синемъ морѣ? Зачѣмъ же ты мое счастіе развѣялъ по ковылю?“

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ, на городской стѣнѣ, причитаючи: „О Днѣпръ Словутичъ (славный)! ты пробилъ каменныя горы сквозь землю половецкую, ты лелѣялъ на себѣ суда Святослава до полка Кобякова: прилелѣй же, господинъ, моего милаго, чтобы мнѣ не слать моихъ слезъ на море рано.“

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ, на городской стѣнѣ, причитаючи: „Свѣтлое, пресвѣтлое солнце! для всѣхъ ты тепло и ясно: зачѣмъ же ты простерло свои горячіе лучи на воиновъ моего милаго? въ полѣ безводномъ засухою имъ луки согнуло, отъ скорби колчаны сомкнуло?“

Плещетъ море о полуночи, идутъ облака туманами. Князю Игорю Богъ указываетъ путь изъ земли половецкой въ землю русскую, къ отцовскому золотому престолу. Погасла вечерняя заря. Игорь спитъ... Игорь пробудился... Мысленно онъ поле измѣряетъ отъ Дону великаго до малаго Донца. Готовъ конь въ полуночи. Овлуръ (Лаверъ, сообщникъ Игоря) свистнулъ за рѣкою, велитъ князю разумѣть. Ужъ князя Игоря нѣтъ... Крикнулъ онъ, дрогнула земля, зашумѣла трава: всполошился станъ половецкій... А князь Игорь уже скачетъ горностаемъ въ тростники и бѣлымъ гоголемъ по водѣ плыветъ... Вскочилъ на лихого коня своего, долетѣлъ до берега: прыгнулъ съ него голоднымъ волкомъ и поплылъ къ лугамъ Донца—и опять полетѣлъ соколомъ подъ тучами, избивая гусей и лебедей на завтракъ, на обѣдъ и на ужинъ.

Когда Игорь соколомъ полетѣлъ, тогда Овлуръ волкомъ побѣжалъ, отряхая за собою росу студеную... А борзыхъ коней своихъ уже надорвали...

И говоритъ Донецъ: „Князь Игорь! немало тебѣ величія, а Кончаку досады, а русской землѣ веселія!“ Игорь отвѣчаетъ: «О Донецъ! и тебѣ не мало вѣдь величія: ты волнами князя убаюкивалъ, стлалъ ему траву зеленую на своихъ серебряныхъ берегахъ, одѣвалъ его теплыми туманами подъ тѣнью дерева зеленаго, стерегъ его гоголемъ на водѣ, чайками на струяхъ, чернедьми (диками. утками) на воздухѣ...» Не такъ, говоритъ Игорь, поступила рѣка Стугна. При своемъ маловодномъ теченіи, она, поглотивши чужіе ручьи, и струями расширенная къ устью, заградила юношѣ князю Ростиславу темные берега Днѣпра. Плачетъ мать Ростиславова по юношѣ князѣ Ростиславѣ. Прилегли цвѣты отъ жалости, а деревья съ тоски къ землѣ пригнулись.

То не сороки застрекотали: по слѣдамъ Игоревымъ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда вороны не каркали, галки смолкли; сороки не стрекочутъ; по гибкимъ сучьямъ прыгаютъ только дятлы, да стукомъ по дереву путь къ рѣкѣ указываютъ, а соловьи пѣснями веселыми разсвѣтъ возвѣщаютъ. И молвитъ Гзакъ Кончаку: «коли соколъ ко гнѣзду улетѣлъ—разстрѣляемъ соколенка стрѣлами золочеными». Отвѣчаетъ Кончакъ Гзаку: «коли соколъ ко гнѣзду улетѣлъ—опутаемъ соколенка красною дѣвицею». А Гзакъ говоритъ на то Кончаку: «если опутаемъ его красною дѣвицею—не будетъ намъ ни соколика, ни красной дѣвицы: почнутъ они нашихъ птицъ бить въ полѣ половецкомъ».

Сказалъ Боянъ заключеніе и для Святославова пѣвца стараго времени Ярослава, Олегова, Коганова: «Тяжело тебѣ головѣ безъ плечъ, худо тебѣ тѣлу безъ головы,» такъ тяжело землѣ русской безъ Игоря. Что солнце сіяетъ на небѣ, такъ Игорь князь въ русской землѣ. Дѣвицы поютъ на Дунаѣ, несутся голоса по морю до Кіева. Игорь ѣдетъ по Боричеву (взвозу) къ Святой Богородицѣ Пирогощей (церковь въ Кіевѣ). Страны рады, веселы. Поютъ пѣснь старымъ князьямъ, а потомъ и молодымъ: Слава Игорю Святославичу, буй-туру Всеволоду, Владиміру Игоревичу! Да здравствуютъ князья и дружина, поборающіе за христіанъ на полки поганые! Князьямъ слава, а дружинѣ—Аминь!

Посланіе Симона, епископа Владимірскаго, къ Кіевопечерскому иноку Поликарпу.

Братъ, сядь въ безмолвіи, собери умъ свой и скажи въ себѣ: О человѣкъ! не оставилъ ли ты міра и по плоти родителей ради

Господа? Если же, и пришедши сюда для спасенія, ты не духовное творишь: то для чего облекся въ иночество? Не избавятъ тебя отъ муки черныя ризы, если живешь не по чернечески. Знаешь ты, какъ величаютъ тебя здѣсь князья, бояре и всѣ друзья твои, говоря: «блаженъ онъ, возненавидѣлъ міръ и славу его, уже не заботится ни о чемъ земномъ, желая небеснаго.» А живешь ты не по монашески. Великій стыдъ объемлетъ меня за тебя. Что, если считающіе насъ блаженными раньше насъ достигнутъ царства небеснаго и будутъ въ покоѣ, а мы, мучимые горько, будемъ вопіять? Кто помилуетъ тебя, когда самъ ты себя погубилъ? Воспряни, братъ, и попекись мысленно о душѣ своей; работай Господу со страхомъ и со всякимъ смиренномудріемъ. Не будь— сегодня кротокъ, а завтра яръ и золъ; не надолго молчаливъ, а потомъ опять склоненъ къ роптанію на игумена и его служителей. Не будь лживъ и, подъ предлогомъ болѣзни, не отлучайся отъ собранія церковнаго. Ибо, какъ дождь раститъ сѣмя, такъ и церковь влечетъ душу на добрыя дѣла. Что ни дѣлаешь въ келліи, не имѣетъ такой силы, какъ совершаемое въ церкви. Читаешь ли Псалтирь, или поешь 12 псалмовъ,—это не сравнится съ однимъ соборнымъ пѣніемъ: Господи помилуй. Вспомни, братъ, что и верховный апостолъ Петръ, самъ церковь Бога живого, когда былъ взятъ Иродомъ и посаженъ въ темницу, не молитвами ли церковными избавленъ отъ руки Ирода? И Давидъ молитвенно говоритъ: едино просихъ отъ Господа, то взыщу, еже жити ми въ дому Господни вся дни живота моего и зрѣти ми красоту Господню и посѣщати храмъ святый его (Пс. 26, 4). Да и самъ Господь сказалъ: храмъ мой храмъ молитвы наречется (Мѳ. 21, 31); идѣже боя ста два или тріе собрани во имя мое, ту есмь посредѣ ихъ (18, 20). А когда собирается такой соборъ —болѣе ста человѣкъ братіи: тѣмъ болѣе вѣруй, что посреди ихъ Господь Богъ нашъ. Отъ церковнаго огня приготовляется и обѣдъ ихъ, котораго одна крупица для меня лучше всего, что предо мною. Свидѣтель мнѣ Господь, что не желалъ бы я вкушать иного брашна, кромѣ куска хлѣба и гороху, приготовляемаго для святой братіи. А ты, братъ, не дѣлай такъ, что сегодня хвалишь соучастниковъ трапезы, а завтра ропщешь на повара и служащаго брата и тѣмъ оскорбляешь начальствующаго. Терпи, братъ, и досажденіе: претерпѣвый бо до конца, той спасется (Мѳ. 24, 13). Если и случится тебѣ быть оскорбленнымъ, и кто нибудь придетъ и скажетъ тебѣ: такой-то очень не хорошо говорилъ о тебѣ; скажи вѣстнику: хотя онъ и укорилъ меня, но онъ мой братъ, я достоинъ этого, и онъ не самъ собою дѣлаетъ, но врагъ его подъучилъ,

чтобы рассорить насъ между собою. Господь да поразитъ лукаваго, а брата да помилуетъ. Скажешь: онъ въ лице оскорбилъ меня предъ всѣми. Не смущайся, чадо, и не предавайся скоро гнѣву, но, падши до земли, поклонись брату и скажи ему: прости меня. Исправь въ себѣ прегрѣшеніе и побѣдишь всю силу вражію. Если на поношеніе будешь отвѣчать грубостію: то вдвойнѣ досадишь себѣ. Развѣ ты болѣе царя Давида, котораго Семей поносилъ въ лице? А онъ намѣревавшемуся отмстить за него слугѣ своему сказалъ: не дѣлай этого, пусть видитъ Господь мое смиреніе и воздастъ мнѣ доброе за его клятву. Вспомни, чадо, и большее, какъ Господь смирилъ себя, бывъ послушенъ Отцу своему *стражда не прещаше* (1 Петр. 2, 23); слыша хулы: *бѣса имаши*, по лицу біемый, заушаемый, оплеваемый, не гнѣвался, но за распинающихъ молился и тебя научилъ молиться за враговъ: *любите*, сказалъ, *враги ваша*, добро творите ненавидящимъ васъ, благословите клянущія вы, молитеся за творящія вамъ напасть (Мѳ. 5, 44). Довольно, братъ, и того, что ты сдѣлалъ по своей гордости: теперь тебѣ слѣдуетъ оплакивать то, что, оставивъ святый монастырь и св. отцевъ Антонія и Ѳеодосія и св. черноризцевъ, которые съ ними, взялся быть игуменомъ въ монастырѣ св. безсребренниковъ (Косьмы и Даміана). Хорошо ты поступилъ, когда вскорѣ оставилъ это начинаніе и дался врагу твоему, который хотѣлъ погубить тебя. Развѣ ты не знаешь, что дерево не поливаемое, но часто пересаживаемое, скоро засыхаетъ? И ты, отказавшись отъ послушанія отцу и братіи своей, скоро погибъ бы: овца въ стадѣ безопасна, а отдѣлившись отъ стада, скоро погибаетъ отъ волковъ. Тебѣ бы прежде надлежало размыслить, для чего ты хотѣлъ выйти изъ святой, блаженной и честной обители печерской, гдѣ такъ удобно всякому желающему спастись. Я думаю, братъ, что самъ Богъ попустилъ этому быть въ наказаніе твоей гордости,—за то, что ты не захотѣлъ служить мужу святому, своему господину, а нашему брату, архимандриту Акиндину, игумену печерскому. Печерскій монастырь, какъ море, не содержитъ въ себѣ ничего гнилого, но извергаетъ вонъ. А что писалъ ты ко мнѣ о своей досадѣ,—горе тебѣ: ибо ты погубилъ свою душу. Спрашиваю тебя: чѣмъ ты хочешь спастись? Будь ты постникъ, всегда трезвенъ и нищъ, проводи ночи безъ сна; но если не переносишь оскорбленій, не спасешься. Порадовались было о тебѣ игуменъ и вся братія, и мы утѣшились вѣстію о твоемъ обрѣтеніи. Но ты и еще попустилъ быть твоей волѣ, а не волѣ игумена, захотѣлъ еще разъ быть игуменомъ у святого Димитрія, хотя никто тебя не принуждалъ: ни игуменъ, ни князь,

ни я. И вотъ теперь ты уже испыталъ... Пойми же, братъ, что Богу не угодно твое старѣйшинство, и потому онъ послалъ тебѣ слабость зрѣнія. Но и этимъ ты не вразумился, чтобы сказать: *благо мнѣ, яко смирилъ мя еси, да научуся оправданіемъ твоимъ.* Я вижу, что ты любишь санъ и ищешь славы отъ людей, а не отъ Бога... Развѣ я недостоинъ, говоришь ты, такого сана? Чѣмъ я хуже, напримѣръ, эконома или кого другого?... Пишетъ ко мнѣ супруга князя Ростислава Верхуслава, желая видѣть тебя епископомъ въ Новгородѣ на мѣсто Антонія, или въ Смоленскѣ на мѣсто Лазаря, или въ Юрьевѣ на мѣсто Алексія, и говоритъ: я готова ради тебя и Поликарпа истратить хотя бы до тысячи серебра. Но я отвѣчалъ ей: дочь моя Анастасія! Дѣло не богоугодное хочешь ты сдѣлать. Если бы Поликарпъ остался въ монастырѣ и съ чистою совѣстію, въ послушаніи игумену и всей братіи, въ совершенномъ воздержаніи проводилъ жизнь: то не только во святительскую одежду былъ бы облеченъ, но удостоился бы и небеснаго царства. А ты, братъ, епископствова ли пожелалъ? Добраго дѣла желаешь, но прочитай, что говоритъ апостолъ Павелъ къ Тимоѳею, и прочитавъ пойми, все ли ты исполнилъ, чтобы быть такимъ, какимъ долженъ быть епископъ. Если бы ты былъ достоинъ такого сана, я не пустилъ бы тебя отъ себя, но своими руками поставилъ бы тебя намѣстникомъ въ обѣ епископіи: во Владиміръ и въ Суздаль, какъ хотѣлъ князь Георгій: но я не согласился, видя твою заносчивость...

Братъ, не въ томъ совершенство, чтобы быть славимымъ отъ всѣхъ, но въ томъ, чтобы исправить свою жизнь и показать себя чистымъ. Изъ печерскаго монастыря многіе поставлены во епископовъ. Какъ отъ самого Христа Бога нашего Апостолы посланы были во всю вселенную: такъ отъ Его Матери Госпожи нашей Богородицы, изъ монастыря Ея, многіе поставлены были во епископовъ по всей землѣ русской. Первый—Ростовскій Леонтій, великій святитель, котораго Богъ прославилъ нетлѣніемъ. Это былъ первый престольникъ, котораго невѣрные много мучили и били, и онъ сталъ третьимъ гражданиномъ русскаго міра: получивъ вмѣстѣ съ двумя варягами вѣнецъ отъ Христа, ради котораго пострадалъ. Объ Иларіонѣ митрополитѣ ты самъ читалъ въ житіи св. Антонія, что имъ онъ постриженъ и послѣ того сподобился священства. Послѣ нихъ поставлены были епископами: Николай и Ефремъ въ Переяславль, Исаія въ Ростовъ, Германъ въ Новгородъ, Стефанъ во Владиміръ, Нифонтъ въ Новгородъ, Маринъ въ Юрьевъ, Мина въ Полоцкъ, Николай въ Тмуторокань, Ѳеоктистъ въ Черниговъ, Лаврентій въ Туровъ, Лука въ Бѣл-

городъ, Ефремъ въ Суздаль. Если хочешь знать обо всѣхъ, прочти старую лѣтопись Ростовскую и найдешь, что всѣхъ было болѣе 30, а если считать далѣе и до насъ грѣшныхъ, то, думаю, будетъ около 50. Пойми же, братъ, какова слава того монастыря, и утвердившись, покайся и полюби тихую и безмятежную жизнь, къ которой Господь привелъ тебя: я бы радъ оставить епископство и служить игумену въ томъ святомъ печерскомъ монастырѣ, но знаешь, что удерживаетъ меня... Кто не знаетъ, что у меня, грѣшнаго епископа Симона, соборная церковь во Владимірѣ, красота города, а другая въ Суздалѣ, которую я самъ создалъ? Сколько онѣ имѣютъ городовъ и селъ! И десятину собираютъ по всей землѣ той, и всѣмъ этимъ владѣетъ наша худость. Но предъ Богомъ скажу тебѣ: всю эту славу и власть за уметы вмѣнилъ бы, если бы мнѣ хоть хворостиною торчать за воротами и сором валяться въ Печерскомъ монастырѣ и быть попираему людьми. Одинъ день въ дому Божіей Матери лучше тысячи лѣтъ временной чести; въ немъ хотѣлъ бы я жить лучше, нежели въ селеніяхъ грѣшниковъ.

Слово нѣкоего христолюбца и ревнителя по правой вѣрѣ.

Какъ Илія Өесвитянинъ ревновалъ по Господѣ Вседержителѣ и закололъ жрецевъ Вааловыхъ, такъ и сей христолюбецъ не можетъ терпѣть христіанъ, живущихъ въ двувѣріи. Вѣруютъ въ Перуна, въ Хорса, въ Мокошь, въ Регла, въ Вилъ; кладутъ имъ жертвы, рѣжутъ куръ. Молятся огню, называя его Сварожичемъ, даже чеснокъ считаютъ за божество, на пирахъ кладутъ его въ ведра и въ чаши и пьютъ, веселясь о идолахъ своихъ. И это дѣлаютъ не только невѣжи, но и вѣжи, священники и люди книжные. А если и не дѣлаютъ того, то пьютъ питье и вкушаютъ ту жертвенную пищу. Если же не пьютъ и не ѣдятъ, то, слыша и видя ихъ злыя дѣла, не хотятъ вразумлять тѣхъ... Священники и люди книжные! уподобляйтесь Павлу, великому учителю. Учите людей добру, чтобы они въ истинной вѣрѣ служили истинному Богу. Пусть и вы скажете предъ Богомъ съ пророкомъ: «се азъ и дѣти мои, ихъ же далъ мнѣ еси,»—я родилъ ихъ ученіемъ. За это вы пользуетесь отъ нихъ пищею, питьемъ и дарами... Не слѣдуетъ христіанамъ совершать бѣсовскихъ игръ, каковы: пляска, гудьба, пѣсни мірскія (народныя) и жертвы идольскія, приносимыя подъ овиномъ огню и Виламъ, и Мокоши, и Симу, и Реглу, и Перуну, и Волосу, скотьему богу, Роду и Рожаницамъ и имъ подобнымъ... Пусть не напрасно говорили мы, отрицаясь отъ сатаны и отъ всѣхъ дѣлъ его при крещеніи... Господь сказалъ: не

можетъ слуга услуживать двумъ господамъ: одного полюбитъ, а другого возненавидитъ. Мы во Христа крестились, въ Него облеклись. Его ѣдимъ хлѣбъ, Его чашу пьемъ и бываемъ здоровы... Надѣюсь на умъ вашъ, что не напрасно говорю... Совѣтую изучить сію бесѣду, чтобы и для другихъ быть полезными. Приступимъ къ чистому свѣту Господа нашего Іисуса Христа. Беззаконники, непокорные, противящіеся ученію благодати, порицающіе отца и мать, не наслѣдуютъ славы Божіей.

Слова Серапіона, епископа Владимірскаго.

1. Вы слышали, братія, слова самого Господа въ Евангеліи: и въ послѣднія лѣта будутъ знаменія въ солнцѣ и лунѣ и звѣздахъ, и труси по мѣстомъ и глади (Лук. 21, 25; Мѳ. 24, 7). Это предсказаніе Господа не сбылось ли явно предъ нами. Сколько разъ мы видѣли солнце затмившимся, луну померкшею, а недавно даже собственными глазами видѣли землетрясеніе. Земля, отъ начала утвержденная и неподвижная, движется по повелѣнію Божію, ради грѣховъ нашихъ, не можетъ выносить нашихъ беззаконій. Мы не послушали Евангелія, не послушали Апостоловъ, не послушали пророковъ, не послушали великихъ свѣтилъ—Василія и Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго и другихъ святителей, которыми вѣра утвердилась, еретики побѣждены, чрезъ которыхъ всѣ народы познали Бога... Всячески наказавъ насъ, Богъ не отучилъ насъ отъ злыхъ привычекъ, и потому нынѣ потрясаетъ и колеблетъ землю, хочетъ стрясти съ земли беззаконія, какъ листья съ дерева... Но кто нибудь скажетъ, что и прежде бывали землетрясенія. Бывали землетрясенія, это правда. Но что потомъ было у насъ? Не голодъ ли? Не моръ ли неоднократный? Не частыя ли войны? Однакожъ мы не покаялись, пока пришелъ на насъ народъ немилостивый, *) опустошилъ нашу землю, плѣнилъ города наши, разорилъ святыя церкви, избилъ отцовъ и братій нашихъ, поругался надъ нашими матерями и сестрами... Убоимся нынѣ сего страшнаго прещенія и припадемъ съ исповѣданіемъ къ Господу Богу своему, чтобы не подпасть намъ большему гнѣву Господню... Ежели отстанемъ отъ дѣлъ сатанинскихъ, то вѣрно должны знать, что мы удостоимся благъ не только въ этомъ вѣкѣ, но и въ будущемъ... Въ какое время мы видѣли столько примѣровъ внезапной смерти? Одни не успѣли распорядиться о своемъ домѣ и погибли; другіе съ вечера легли здоровыми, а утромъ не

*) Разумѣется нашествіе Монголовъ.

встали. Убойтесь, умоляю васъ, этой внезапной разлуки съ жизнію... Я, грѣшный пастырь вашъ, исполнилъ заповѣданное Господомъ, передаю Его слово. Вы сами знаете, какимъ образомъ увеличить стяжаніе Господне. Когда придетъ Онъ судить вселенную и воздать каждому по дѣламъ его, тогда востребуетъ отъ васъ хотя одного таланта,—и прославитъ васъ въ славѣ Отца Своего съ Пресвятымъ Духомъ, нынѣ, и всегда и во вѣки.

2. Дѣти! я чувствую въ сердцѣ своемъ великую скорбь о васъ, ибо вовсе не вижу вашего обращенія отъ дѣлъ беззаконныхъ. Не такъ скорбитъ мать, видя дѣтей своихъ больными, какъ скорблю я, грѣшный отецъ вашъ, видя васъ болящихъ дѣлами беззаконными. Многократно бесѣдовалъ я съ вами, но не вижу въ васъ никакой перемѣны... Всегда сѣю я на нивѣ сердецъ вашихъ сѣмя божественное, но никогда не вижу, чтобы оно прозябло и принесло плодъ... Чего мы не навлекли на себя? Какихъ не понесли мы наказаній отъ Бога? Не была ли плѣнена земля наша? Не были ли взяты города наши? Не въ короткое ли время отцы и братья наши пали мертвыми на землѣ? Не отведены ли въ плѣнъ жены и дѣти наши? А мы, оставшіеся, не порабощены ли были горькимъ рабствомъ отъ иноплеменниковъ? Вотъ уже сорокъ почти лѣтъ продолжается томленіе и мука, и тяжкіе налоги не прекращаются, также голодъ и моръ скота нашего. Мы и хлѣба не можемъ ѣсть въ сладость. Отъ воздыханій и печали сохнутъ кости наши. Что же довело насъ до этого? Наши беззаконія и наши грѣхи, наше непослушаніе, наша нераскаянность... Прибѣгните къ покаянію: гнѣвъ Божій прекратится, и милость Господня изольется на насъ. Мы въ радости будемъ жить на землѣ нашей, а по отшествіи изъ сего міра придемъ съ радостію къ Богу своему, какъ дѣти къ отцу, и наслѣдуемъ царство небесное, для котораго мы созданы Господомъ... Богъ послалъ милость свою бѣднымъ (Ниневитянамъ), увидѣвъ въ сердцахъ ихъ, что они истинно покаялись... Какимъ наказаніямъ не подвергнемся въ этой жизни! А въ будущей—огонь неугасимый!.. Многіе изъ васъ истинно трудятся для Бога; но въ этой жизни наравнѣ съ грѣшниками наказываются Богомъ, чтобы сподобиться свѣтлѣйшаго вѣнца отъ Господа; а для грѣшниковъ будетъ за это большое мученіе, потому что праведные были наказаны за ихъ беззаконія .. Слыша это, убойтесь, вострепещите, отстаньте отъ зла, начните дѣлать добро. Господь ожидаетъ нашего покаянія, желаетъ миловать насъ, хочетъ избавить насъ отъ бѣдствій, хочетъ, чтобы мы спаслись отъ зла.

3. Подивимся, братіе, человѣколюбію Бога нашего. Какъ Онъ приводитъ насъ къ Себѣ? Какими словами не вразумляетъ насъ? А мы нисколько не обратились къ Нему,... мы ни въ чемъ не оказывались лучшими. Тогда Господь навелъ на насъ народъ немилостивый, народъ лютый, народъ, не щадящій ни юной красоты, ни немощи старцевъ, ни младости дѣтей. Мы подвинули на себя гнѣвъ Бога нашего. По Давиду вскорѣ возгорѣлась ярость Его на насъ. Разрушены божіи церкви, осквернены священные сосуды, попрана святыня, святители сдѣлались добычею меча; тѣла преподобныхъ иноковъ брошены въ пищу птицамъ; кровь отцовъ и братьевъ нашихъ, какъ обильная вода, напоила землю Исчезла крѣпость нашихъ князей, военачальниковъ; храбрые наши бѣжали, исполненные страха; а еще болѣе братьевъ и дѣтей нашихъ отведено въ плѣнъ. Поля наши поросли травою, и величіе наше смирилось, красота наша погибла, богатство наше досталось въ удѣлъ другимъ, труды наши достались невѣрнымъ. Земля наша сдѣлалась достояніемъ иноплеменниковъ, мы сдѣлались предметомъ поношенія для сосѣдей нашихъ, посмѣшищемъ для враговъ нашихъ. Ибо свели мы на себя гнѣвъ Господа, какъ дождь съ неба, подвигли на себя ярость Его, отвратили отъ себя до того, что на насъ смотрятъ съ сожалѣніемъ. Нѣтъ наказанія, которое бы не постигло насъ... Но мы не обратились къ Господу, не отступили отъ худыхъ обычаевъ, не очистились отъ скверны грѣховной. Мы забыли страшныя наказанія, постигшія всю землю нашу... Какъ звѣри алчутъ насытиться плотію, такъ и мы алчемъ, и не перестаемъ желать, какъ бы всѣхъ погубить, а горькое и кровью облитое ихъ имущество захватить. Звѣри ѣдятъ и насыщаются, а мы не можемъ насытиться... Что сказалъ Богъ Моисею? Аще злобою озлобите вдову и сироту и возопіютъ ко Мнѣ, слухомъ услышу гласъ ихъ, прогнѣваюся яростію и побію вы мечемъ (Исх. 22, 23—24). И сказанное теперь исполнилось надъ нами. Не падали ли мы отъ меча и не однажды и не дважды?..

4. Немного времени порадовался я о васъ, дѣти, видя вашу любовь и послушаніе къ нашей худости, и думалъ, что вы уже утвердились и съ радостью принимаете божественное писаніе; на совѣтъ нечестивыхъ не ходите и на сѣдалищѣ губителей не сидите... Между тѣмъ вы еще держитесь языческихъ обычаевъ, вѣрите волхвованію и сожигаете невинныхъ людей, и дѣлаете виновными въ убійствѣ все общество и весь городъ... Изъ какихъ книгъ или какого писанія узнали вы, что отъ волхвованія бываетъ голодъ на землѣ, и опять—волхвованіемъ умножается хлѣбъ? Если сему вѣрите, то почему сожигаете волхвовъ? Вы молитесь и почитайте ихъ, приносите имъ дары, если они благоустрояютъ

міръ, пускаютъ дождь, наводятъ теплую погоду, повелѣваютъ землѣ приносить плоды. Вотъ нынѣ по три года не родится хлѣбъ, не только на Руси, но и въ землѣ латинской: волхвы ли это сдѣлали? Не Богъ ли распоряжается своею тварью, какъ хочетъ, наказывая насъ за грѣхи? Я знаю изъ божественнаго Писанія, что чародѣи и чародѣйцы дѣйствуютъ чрезъ бѣсовъ на людей... Но только на тѣхъ, которые имъ вѣруютъ: потому что бѣсы дѣйствуютъ только по попущенію Божію, а Богъ попущаетъ имъ дѣйствовать только на тѣхъ, которые боятся ихъ. Но кто твердо вѣруетъ въ Бога, надъ тѣмъ чародѣи не имѣютъ силы. Скорблю я о вашемъ безуміи. Умоляю васъ, оставьте дѣла языческія... Божественныя правила повелѣваютъ осуждать человѣка по свидѣтельству многихъ. А вы поставляете во свидѣтельство воду и говорите: ежели станетъ тонуть, то невинна; а если поплыветъ, то волшебница. Не можетъ ли діаволъ, видя ваше маловѣріе, поддержать человѣка на водѣ, чтобы онъ не потонулъ, и тѣмъ вовлечь васъ въ душегубство? Потому что вы, оставивъ свидѣтельство богоподобнаго человѣка, обратились къ бездушному веществу – къ водѣ, и, принявъ такое свидѣтельство, прогнѣваете Бога... Нынѣ же умоляю васъ, покайтесь въ прежнемъ безуміи и съ сего времени не будьте, какъ трость, колеблемая вѣтромъ... Поминая вашу ревность о вашемъ спасеніи, постарайтесь угодить сотворившему насъ Богу, которому подобаетъ всякая слава и честь.

5. Дѣти! я чувствую въ сердцѣ своемъ великую скорбь о васъ, ибо вы не измѣняете вашего злого обычая, дѣлаете злое, неугодное Богу... Вы держитесь языческаго обычая, вѣрите волхванію и сожигаете людей невинныхъ. Гдѣ написано, что люди могутъ производить плодородіе или голодъ, подавать дождь и теплоту? О, неразумные! Все это Богъ производитъ; Онъ, когда хочетъ, посылаетъ бѣдствія и голодъ за грѣхи наши, чтобы наказаніемъ привести насъ къ покаянію... О, безуміе! О, маловѣріе! Потопъ при Ноѣ и другія безчисленныя казни были не ради утопленниковъ или удавленниковъ, но за людскія неправды... О люди! Это ли ваше покаяніе? Этимъ ли вы Бога умилостивите, что выгребете утопленика или удавленника? Тѣмъ ли Божію казнь хотите отвратить? Лучше, братія, перестанемъ отъ зла; отступимъ отъ всѣхъ злыхъ дѣлъ: разбоя, грабительства, пьянства, прелюбодѣйства, скупости, лихвы, обиды, воровства... лжи, клеветы, рѣзоиманія. Я, грѣшный, всегда учу васъ, дѣти, велю вамъ каяться, вы же не отстаете отъ злыхъ дѣлъ. А если какая на насъ казнь отъ Бога придетъ, то мы еще болѣе Его про-

гнѣвляемъ, говоря: ради этого было ведро, ради этого дождь, ради этого жито не родится,—распоряжаетесь твореніемъ Божіимъ, а не скорбите о своемъ безумномъ поведеніи!.. Язычники, не знающіе закона Божія, не убиваютъ своихъ единовѣрцевъ, не грабятъ, не обижаютъ, не берутъ чужого; язычникъ брата своего не продастъ, но если его постигнетъ бѣда, то выкупитъ его... А мы, считающіе себя вѣрными, крещенные во имя Божіе, слышащіе всегда заповѣди Его, полны неправды, зависти и немилосердія... Всякій желаетъ прибытка, старается какъ бы обидѣть кого. Окаянный! Кого ты снѣдаешь? Не такого же ли человѣка, какъ и ты... Или безсмертенъ ты? Не ждешь суда Божія, гдѣ каждому будетъ воздано по дѣламъ его... Умоляю васъ, принесемъ искреннее покаяніе, чтобы Богъ оставилъ гнѣвъ свой; обратимся отъ злыхъ дѣлъ, чтобы Богъ обратился къ намъ... принесемъ же вмѣстѣ покаяніе, чтобъ умолить Бога, зная, что если покаемся, то будемъ помилованы; если же не оставимъ безумія и неправды, то наконецъ увидимъ и худшее.

Даніила Заточника моленіе къ своему князю Ярославу Всеволодовичу.

Вострубимъ, братіе, въ разумъ своего ума, какъ бы въ златокованныя трубы, и начнемъ бить въ серебряные органы, и возвѣемъ мудрость свою, и ударимъ въ мысли ума своего, играя на богодухновенной свирѣли, и пусть восплачутся въ насъ душеполезные помыслы. Возстани слава моя, возстани, псалтирю и гусли, да разверзу въ притчахъ гаданія моя и провѣщаю въ языцѣхъ славу мою (Пс. 65, 9—10; 48, 4—5)... Зная, господинъ мой, твое благоразуміе, прибѣгаю къ обычной твоей любви. Ибо святое писаніе говоритъ: просите и получите (Мѳ.7, 7—8), и Давидъ сказалъ: не суть рѣчи, ни словеса, ихже не слышатся гласи ихъ (Пс. 18, 4). Посему не будетъ молчать, но скажемъ къ господину своему всемилостивому Ярославу Всеволодовичу.

Господинъ мой, князь! Вспомни обо мнѣ, какъ я, рабъ твой, сынъ рабыни твоей, вижу всѣхъ людей какъ солнцемъ согрѣваемыхъ милостію твоею: только я одинъ хожу во тьмѣ, будучи отлученъ отъ свѣта твоихъ очей, какъ трава, растущая въ тѣни, на которую ни солнце не свѣтитъ, ни дождь не падаетъ. Господинъ мой, приклони ухо твое въ глаголы устъ моихъ, и отъ всѣхъ скорбей моихъ избави мя (слич. Пс. 85, 1; 101, 2 и слѣд.).

Господинъ мой, князь! Всѣ утоляютъ себѣ жажду отъ обилія дома твоего: только я одинъ томлюсь жаждой милости твоей, какъ олень—жаждой источника воднаго. Я какъ дерево, растущее

при дорогѣ, которое всѣ мимоходящіе посѣкаютъ: для всѣхъ служу предметомъ оскорбленій, потому что не огражденъ страхомъ твоимъ, какъ бы твердою оградою.

Господинъ мой, князь! Богатый человѣкъ повсюду извѣстенъ и въ чужой землѣ имѣетъ друзей, а бѣдный и между своими невидимо ходитъ. Заговоритъ богатый, всѣ замолчатъ и слова его превознесутъ до облаковъ; заговоритъ бѣдный, всѣ на него закричатъ: чье платье богато, у того и рѣчь хороша. Ты же, господинъ мой, не смотри на внѣшность мою, но на внутреннія качества: ибо хотя я бѣденъ одеждой и юнъ возрастомъ, зато старъ смысломъ и парилъ мыслію своею, какъ орелъ по воздуху...

Господинъ мой князь! Не смотри на меня, какъ волкъ на ягненка; но посмотри на меня, какъ мать на младенца. Посмотри, господинъ, на птицъ небесныхъ: они ни сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницу, но уповаютъ на милость Божію (Мѳ. 6, 26). Да не будетъ рука твоя согнута на подаяніе убогимъ. Ибо писано: просящему у тебя дай, стучащему отвори, чтобы тебѣ не быть лишеннымъ царства небеснаго. И еще писано: Возверзи на Господа печаль твою, и Той тя пропитаетъ. Не лишай хлѣба твоего нищаго мудреца, но вознеси его до облаковъ, какъ чистое золото въ грязномъ сосудѣ. Несмысленный богачъ какъ сшитая изъ ткани (наволоки) подушка, набитая соломой...

Господинъ мой, князь! Какъ дубъ крѣпокъ множествомъ корней, такъ городъ нашъ твоимъ могуществомъ. Голова кораблю—кормчій, а ты, князь, своему народу. Видѣлъ я полкъ безъ князя, и сказалъ: великъ звѣрь безъ головы. Мужья—глава женамъ, а мужьямъ глава — князь, а князю — Богъ. Какъ ткань, испещренная многими шелками, украшаетъ лице, такъ и ты, князь нашъ, честенъ и славенъ по всѣмъ странамъ многими людьми. Какъ неводъ не удерживаетъ воды, но оставляетъ въ себѣ множество рыбъ; такъ и ты, князь нашъ, не удерживай богатства, но раздавай людямъ храбрымъ, ибо съ ними добудешь и золота, и городовъ. Езекія, царь израильскій, похвалился посламъ царя вавилонскаго и показалъ имъ множество золота своего, а они сказали ему: наши цари богаче тебя не множествомъ золота, но множествомъ воиновъ—храбрыхъ и мудрыхъ (мужи золото добудутъ, а золотомъ мужей не добыть). Вода—мать рыбамъ, а ты, князь, людямъ своимъ. Весна украшаетъ землю цвѣтами, а ты, князь, насъ украшаешь милостью своею. Солнце одно согрѣваетъ весь міръ лучами своими, а ты, князь, насъ украшаешь и оживляешь милостью своею.

Господинъ мой, князь! Былъ я въ великой нуждѣ; подъ работнымъ ярмомъ пострадалъ, испыталъ все это зло. Лучше было-бы мнѣ видѣть свои ноги въ лыкахъ, да въ дому твоемъ, чѣмъ въ красныхъ сапогахъ, да на боярскомъ дворѣ; лучше было бы мнѣ въ дерюгѣ служить тебѣ, нежели въ порфирѣ на боярскомъ дворѣ. Ибо нелѣпо прицѣпить золотую серьгу въ ноздри свиньѣ, или хорошую одежду надѣть на холопа. Хотя бы придѣть къ котлу золотыя уши,—на днѣ его все-таки будетъ черно. Тоже съ холопомъ. Хотя бы онъ чрезъ мѣру сталъ гордъ и буенъ, а все ему не отдѣлаться отъ укора холопьяго имени. Лучше было бы мнѣ пить воду въ дому твоемъ, нежели пить медъ на боярскомъ дворѣ; лучше было бы мнѣ печенаго воробья принимать изъ твоихъ рукъ, нежели баранье плечо изъ рукъ злыхъ бояръ. Часто работный хлѣбъ у меня, какъ полынь во рту, а питье свое растворяю плачемъ. Доброму господину служа, дослужишься свободы, а злому мужу служа, дослужишься большаго рабства. Соломонъ сказалъ: одинъ мудрый лучше десяти безумныхъ. Одинъ умный и разсудительный лучше десяти владѣющихъ городами. И я говорю: храбраго, княже, скоро добудешь, а умный дорогъ, потому что совѣтъ умныхъ добръ; и полки умныхъ крѣпки, и города ихъ тверды. У иныхъ же полки и сильны, но безъ думы, а потому и бываютъ побѣждаемы. И многіе, ополчающіеся на большіе города, сходятъ съ своихъ меньшихъ, которыми правили, какъ сказалъ Святославъ, сынъ Ольгинъ, когда шелъ на Царьградъ съ малою дружиною: «братіе, мы идемъ, но не знаемъ, городъ ли будетъ нами плѣненъ, или же мы въ этомъ городѣ погибнемъ; если Богъ за насъ, то кто противъ насъ?...» Не море топитъ корабли, а вѣтры: такъ и ты, князь, не самъ впадаешь во многія вещи злыя, но совѣтники (думцы) вводятъ. Не огонь разжигаетъ желѣзо, но надыманіе мѣховъ. Умный мужъ не очень въ сраженіи храбръ бываетъ, но крѣпокъ въ своихъ намѣреніяхъ, а потому хорошо собирать мудрыхъ. Хорошо пасти коней за урожайнымъ полемъ (а съ добрымъ княземъ воевать). Очень часто отъ запущенія полки погибаютъ. Если полки сплотятся крѣпко, то хотя имъ и придется бѣжать, но и тотъ, кто крѣпко бился, тоже побѣжитъ. Святополкъ, хотя и виноватъ былъ за то, что избилъ много войска, но такъ былъ крѣпокъ, что едва былъ побѣжденъ Ярославомъ. Бонякъ шелудивый также хитростью побѣдилъ Угровъ (Венгровъ) у Галича: Угры раздѣлились на уступы (эшелонами), а тѣ, какъ ловцы, разсыпались по землѣ, и такъ въ конецъ разбили Угровъ.

Я, господинъ мой, князь, не въ Аѳинахъ выросъ и не отъ философовъ научился, но какъ пчела, припадающая по разнымъ

цвѣтамъ, по многимъ книгамъ собиралъ сладость словесную, совокупляя мудрость, какъ въ мѣхъ воду морскую.

Господинъ мой, князь! Не оставь меня, какъ отецъ мой и мать моя оставили меня; смилуйся надо мною, господинъ мой. Кому Переяславль, а мнѣ Гореславль; ибо нѣтъ мнѣ части въ немъ. Друзья мои и ближніе мои отказались отъ меня; ибо я не поставлю предъ ними столъ, уставленный яствами. Многіе дружатся со мною за столомъ (опуская руку въ солило), услаждая языкъ свой сотомъ, а во время напасти дѣлаются злыми врагами. Въ глаза плачутъ по мнѣ, а въ сердцѣ смѣются надо мной. Потому-то не вѣрю я другу моему, не надѣюсь на брата моего. Если я что имѣю, то живутъ со мной, если же не имѣю чего, то всѣ скоро перестаютъ льстить мнѣ. Посему, господинъ мой, князь, въ нищетѣ моей взываю къ тебѣ. Не солгалъ Ростиславъ князь, когда сказалъ: «лучше бы мнѣ смерть, а не Курское княженіе»: такъ и мужу—лучше смерть, нежели долгая жизнь въ убожествѣ. Поэтому и Соломонъ сказалъ: «Ни богатства, ни убожества не дай мнѣ, Господи: разбогатѣвъ, я возгоржусь, а въ бѣдности буду замышлять воровство и разбой»... Посему, господинъ мой, князь, я прибѣгъ къ обычной твоей милости, бѣжа убожества, какъ злого ратника, какъ змѣя... Я взываю голосомъ блуднаго сына: «помилуй меня!» Ей, вспомни обо мнѣ, сынъ великаго царя Всеволода, чтобы я не восплакалъ, будучи лишенъ твоей милости, какъ Адамъ рая. Обрати тучу милости твоей на землю художества моего, чтобы я возвеселился о царѣ своемъ, какъ получившій добычу—много золота, чтобы я воспѣлъ, какъ напоенный виномъ, и возвеселился, *яко исполинъ тещи путь*. Земля даетъ обильные плоды, дерева производятъ плоды, а ты, князь нашъ, богатство и славу. Всѣ прибѣгаютъ къ тебѣ, получаютъ отъ бѣдъ избавленіе и сироты и бѣдные, потопляемые богатыми... птенцы радуются подъ крыльями матери своей, а мы веселимся подъ властію твоею. Избавь меня, господинъ мой, отъ нищеты моей, какъ серну отъ тенетъ, какъ птицу отъ силокъ; исторгни меня изъ убожества моего, какъ утенка изъ когтей ястреба, какъ овцу отъ волка; ибо кто взыщетъ мужа въ горести, все равно какъ холодной водой напоитъ въ день знойный.

Господинъ мой, князь! Ржа ѣстъ желѣзо, а горесть у человѣка умъ отнимаетъ. Моль портитъ одежды, а горесть умъ человѣка. Какъ олово, долго развариваемое, гибнетъ, такъ и человѣкъ, испытавшій много бѣдъ, худѣетъ: въ печали у человѣка кости сохнутъ. Всякій человѣкъ у другого видитъ сучекъ въ глазу, а въ своемъ глазу бревна не видитъ. Всякій человѣкъ хи-

тритъ и мудритъ о чужой бѣдѣ, а къ своей ума приложить не можетъ. Какъ никто не можетъ ѣсть соль, такъ никто въ горести не можетъ владѣть разсудкомъ. Господинъ мой, князь! Какъ море не наполнится никогда, принимая въ себя множество рѣкъ, такъ и домъ твой не наполнится, принимая множество богатства; потому что руки твои, какъ большое облако, насыщаемое морскими водами, раздаютъ богатство дома твоего неимущимъ. Потому-то и я возжаждалъ милосердія твоего...

Станешь посылать умнаго, немного говори ему; а пошлешь глупаго, и самъ не лѣнись итти вслѣдъ за нимъ. Лучше слушать укоризны умныхъ, нежели поученія глупыхъ. Накажи мудраго, и онъ будетъ мудрѣе, а безумнаго если и кнутомъ бить, привязавъ на саняхъ, останется таковъ же. Поучая безумнаго, получишь себѣ досажденіе: въ собраніи онъ срамитъ тебя. Не сѣй на мокрыхъ бороздахъ жита, а мудрости на сердцѣ безумныхъ. Не стоитъ вода на горахъ, а мудрость въ сердцѣ безумныхъ.

Господинъ мой, князь! Не отринь раба скорбящаго, не лиши меня жизни моей. Какъ глаза рабыни смотрятъ въ руки госпожѣ своей, такъ глаза мои смотрятъ тебѣ въ руки. И насыщаясь многими брашнами, вспомни, что я ѣмъ сухой хлѣбъ; когда пьешь сладкое вино, вспомни, что я пью теплую воду; одѣваясь въ красивыя одежды, вспомни, что я хожу въ немытомъ вретищѣ; покоясь, господинъ мой, на мягкой постели, вспомни, что я лежу подъ одною рубашкою, умираю отъ холода, и капли дождевыя, какъ стрѣлы, меня пронизываютъ.

Господинъ мой, князь! Орелъ—царь надъ птицами, а осетръ—надъ рыбами, а левъ—надъ звѣрями, а ты, князь,—надъ Переяславцемъ. Левъ рыкнетъ, кто не устрашится? А ты, князь, скажешь слово — кто не убоится? Какъ змѣй страшенъ свистаніемъ своимъ, такъ и ты, князь нашъ, грозенъ множествомъ сильныхъ воиновъ. Золото—красота женщинамъ, а ты, князь, людямъ твоимъ. Тѣло крѣпко жилами, а мы, князь, твоею державою. Птенцы рады веснѣ, а младенцы матери, а мы, князь, тебѣ. Гусли настраиваются перстами, а городъ нашъ твоею крѣпостію. Какъ рябъ собираетъ не только своихъ птенцовъ, но и изъ чужихъ гнѣздъ приноситъ яйца... такъ и ты, князь, собралъ многихъ, не только своихъ домочадцевъ, но соединилъ и пришедшихъ къ тебѣ изъ иныхъ странъ, знающихъ твою обычную милость. Милостивый князь какъ тихій источникъ: напояетъ не только скотовъ, но и людей.

Господинъ мой, князь! Чашею нельзя же вычерпать моря, такъ и тѣмъ, что мы будемъ брать у тебя, не истощить же тво-

его дома. Хотя я и не мудръ, но нѣсколько познакомился съ мудростію—нося, такъ сказать, сапоги въ воротахъ разумныхъ мужей и въ платье умныхъ одѣваясь. Скажешь ли, князь: «отъ безумія сказалъ ты эти слова»; но я не видалъ неба полстянаго, ни звѣздъ деревянныхъ, ни безумнаго, говорящаго мудрыя слова... Псамъ и свиньямъ добро не надобно, а безумнымъ мудрое слово. Мертваго не разсмѣшить, а безумнаго не научи́ть. Когда синица съѣстъ орла, тогда безумный уму научится. Все равно, что въ дырявую тыкву дуть, то безумнаго учить, или что сосудъ разбитый слѣплять, то безумнаго поучать. Безумныхъ ни орютъ, ни сѣютъ, ни ткутъ, ни прядутъ, а сами родятся.

Господинъ мой, князь! Всякій, кто при дворѣ княжескомъ пользуется честью и милостію у князя; что за туромъ гнаться съ топоромъ, что за бѣсомъ съ клобукомъ: тоже ему все равно. Никто не можетъ, не оперивъ стрѣлы, вѣрно стрѣлять, никто не можетъ и лѣностію заслужить честь. Не видавши зла, не постигнуть добра. Не дравшись съ псомъ за одну кость, не видать добра. Не терпѣвши дымной горечи, тепла не видать.

Золото познается въ огнѣ, а человѣкъ въ напастяхъ. Пшеница обдѣланная даетъ чистый плодъ, а человѣкъ, испытавшій бѣды, разумнымъ становится. Кто не бывалъ въ бѣдахъ, какъ у бѣса на вспари, въ томъ нѣтъ благоразумія...

Или скажешь мнѣ, князь: «ты солгалъ мнѣ, какъ воръ»; но если бы я умѣлъ красть, то такъ не обращался бы къ тебѣ съ просьбою...

Или скажешь мнѣ: «женись у богатаго тестя; тамъ пей, тамъ и ѣшь;» но лучше мнѣ лихорадкою (трясцею) болѣть, нежели со злою, съ нелюбимою женою жить. Лихорадка потрясетъ, да и броситъ, а злая жена до смерти сушитъ. Говорится въ мірскихъ притчахъ не птица въ птицахъ (летучая) мышь, не звѣрь между звѣрями ежъ, не рыба между рыбами ракъ, не скотъ между скотомъ коза, не холопъ въ холопахъ, кто у холопа работаетъ, не мужъ въ мужьяхъ, кто жены слушаетъ... Кто возьметъ злую жену изъ-за приданаго или ради богатаго тестя, то лучше было бы мнѣ бураго вола видѣть въ дому своемъ, чѣмъ злую жену. Видѣлъ я золото на злой женѣ, и сказалъ: больно этому золоту. Лучше варить желѣзо, нежели съ злою женою жить. Злая жена подобна чесоткѣ: и здѣсь свербитъ, и тамъ болитъ. Видѣлъ я старую жену злую, кривую, зороокую (съ какимъ либо недостаткомъ въ глазахъ) и, подобно черту, съ большимъ ртомъ, злоязычную, смотрящуюся въ зеркало, и сказалъ ей: «не любуйся въ зеркало, а смотри въ гробъ»; злой женѣ не слѣдуетъ смотрѣться въ зер-

кало, чтобы она не впала въ большую печаль, увидя некрасивый образъ свой.

Или скажешь мнѣ: «иди въ монахи». Не видалъ я мертвеца на свиньѣ ѣдущаго, ни черта на бабѣ; не ѣлъ отъ ивы смоквы, ни отъ липы изюму. Лучше такъ окончить жизнь, нежели, воспринявъ ангельскій образъ, солгать Богу. Лги міру, а не Богу: Богу нельзя лгать, нельзя вышнимъ играть. Многіе, ушедшіе изъ міра сего, снова возвращаются на мірское житье—бытье, обходятъ села и дома славныхъ міра сего, какъ псы сластолюбивые.

Господинъ мой, князь!.. Наѣздники, мастера, вожди — эти потѣшные люди въ чести и въ милости у поганыхъ султановъ и у королей: одинъ, вскочивъ на коня, летитъ чрезъ ристалище, рискуя жизнію; другой бросается съ церкви или съ другого высокаго зданія на крыльяхъ изъ ткани, а иной нагимъ бросается въ огонь, показывая твердость сердца своего царямъ своимъ; иной, прорѣзавъ голени, обнаживъ кости голеней своихъ, показываетъ царю своему, являетъ ему храбрость свою; другой съ разбѣгу бросается въ море съ высокаго берега съ конемъ своимъ... А иной, привязавъ одинъ конецъ веревки къ уху церковному, а другой прикрѣпивъ къ землѣ далеко отъ церкви, бѣгаетъ по ней внизъ, взявшись одной рукой за конецъ веревки, а въ другой держа обнаженный мечъ. Иной же, обвязавшись мокрымъ полотномъ, борется въ рукопашную съ дикимъ звѣремъ.

Перестану уже много говорить, чтобы многоглаголаніемъ не разсѣять умъ свой. Буду, какъ мѣхъ дырявый, трусить богатство въ руки другимъ, и уподоблюсь жерновамъ, которые людей насыщаютъ, а сами не могутъ наполниться житомъ. И пусть не возненавидятъ меня за длинную бесѣду мною, какъ птицу, которая своимъ безпрестаннымъ пѣніемъ надоѣдаетъ...

Началъ я говорить, хвалясь мудростію, но не отъ безумія. Не ѣлъ я изъ песка масла, ни отъ козла молока, не видѣлъ я и безумнаго, говорящаго мудрыя слова. Какъ онъ можетъ заговорить, имѣя лубяный умъ, полстяной языкъ, мысли что отрепья?.. Иное дѣло лодка, а иное корабль; иное конь, а иное лошакъ; иное дѣло умный человѣкъ, а иное безумный. Безумныхъ ни куютъ, ни льютъ, но сами родятся.

Или скажешь мнѣ князь: «ты солгалъ мнѣ, какъ песъ»; но добраго пса князья и бояре любятъ.

Но покончимъ уже рѣчь и скажемъ такъ: воскресни, Боже! Суди землѣ, воздвигни князей, разбуди бояръ, умножь силу князя нашего; укрѣпи насъ и утверди лѣнивыхъ, вложи силу робкимъ въ сердце. Не дай же, Господи, земли нашей въ полонъ

язычникамъ, незнающимъ Бога, и да не скажутъ иноплеменники: гдѣ Богъ ихъ? Богъ же нашъ на небѣ и на землѣ. Подай же имъ, Господи, побѣду на всѣхъ, возстающихъ противъ насъ.

Подай же имъ, Господи, Самсонову силу, Александрову храбрость, Іосифовъ умъ, Соломонову мудрость, Давыдову кротость. Умножь людей во вѣки державою твоею, чтобы тебя славили всѣ страны и всякое дыханіе человѣческое. Слава Богу во вѣки. Аминь.

Апокрифическія сказанія о царѣ Соломонѣ.

1. **Повѣсть о Китоврасѣ.** Нужно было Соломону спросить о Китоврасѣ. Узнавъ, что онъ живетъ въ дальней пустынѣ, Соломонъ послалъ за нимъ своего лучшаго боярина съ отроками; при этомъ онъ далъ боярину желѣзныя узы и обручъ, на которомъ—какъ заклятіе—было написано имя Божіе, и приказалъ взять съ собою руно овечье, а также вина и меду. Пришедши въ пустыню, посланные Соломона увидѣли три колодезя съ водою, а самого Китовраса не было тамъ. По приказанію Соломона они вылили воду изъ трехъ колодезей и заткнули отверстія ихъ овечьею шерстью: два колодезя они наполнили виномъ, а третій медомъ; сами же спрятались въ сторонѣ: они знали, что Китоврасъ придетъ къ колодезямъ пить воду... Китоврасъ выпилъ всѣ три колодезя и захотѣлъ немного уснуть, ибо онъ опьянѣлъ. Въ это время бояринъ Соломона надѣлъ на него узы желѣзныя и обручъ. Очнувшись, Китоврасъ хотѣлъ было разорвать ихъ, но увидѣвъ имя Божіе, написанное на обручѣ, смирился и пошелъ за бояриномъ.

У Китовраса былъ обычай ходить всегда прямо, не поворачивая ни направо, ни налѣво. Когда онъ пришелъ въ Іерусалимъ, предъ нимъ очищали дорогу и разрушали палаты, ибо онъ не умѣлъ поварачиваться въ сторону. На дорогѣ, по которой онъ шелъ, стоялъ домъ одной вдовы. Вдова начала просить его своротить въ сторону и не разрушать ея дома; но Китоврасъ не своротилъ въ сторону, а проходя подлѣ угла дома, изломалъ себѣ ребро, сказавъ; *мягко слово кость ломитъ, а жестоко слово гнѣвъ подвизаетъ* (Притч. 25, 15). Далѣе, идя на торгъ, Китоврасъ увидѣлъ человѣка, который покупалъ башмаки на семь лѣтъ и посмѣялся надъ нимъ; увидѣвъ другого человѣка, который ворожилъ, и также посмѣялся надъ нимъ: встрѣтилъ свадьбу и заплакалъ ..

Когда Соломонъ спросилъ Китовраса, что значитъ все это, онъ сказалъ: надъ покупавшимъ башмаки на 7 лѣтъ я разсмѣялся потому, что онъ чрезъ 7 дней умретъ; надъ человѣкомъ, ко-

торый ворожилъ о судьбѣ другихъ, посмѣялся потому, что онъ не видитъ своей судьбы, не зная, что подъ нимъ самимъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ сидитъ, сокрыто золото; надъ свадьбою заплакалъ потому, что женившійся не проживетъ и тридцати дней. Соломонъ повѣрилъ это и оказалась правда.

2. **О Царицѣ Южской** (Савской). Царица Южская иноплеменница, по имени Малькатка, пришла испытать премудрость Соломона загадками. Она была весьма мудрая и принесла Соломону подарковъ: 20 талантовъ золота и множество ароматовъ и деревъ негніющихъ. Соломонъ, услышавъ, что пришла царица, сѣлъ въ палатѣ своей и вышелъ ей на встрѣчу....

Вотъ какія загадки она предлагала Соломону: она привела къ нему мальчиковъ и дѣвочекъ, одѣтыхъ въ одинаковое платье, и сказала царю: «по мудрости своей различи, которые мальчики и которыя дѣвочки»? Соломонъ приказалъ принести орѣховъ и разсыпать предъ ними: мальчики начали собирать орѣхи въ полы, а дѣвочки — въ рукава. И сказалъ ей Соломонъ: «вотъ мальчики, а вотъ дѣвочки». Царица много дивилась мудрости Соломона...

Мудрецы царицы Савской загадали мудрецамъ Соломона: „У насъ есть колодезь далеко отъ города; если вы мудростію своею угоните его, чѣмъ мы можемъ привести его въ городъ?“ Мудрецы Соломона, понявъ ихъ, отвѣчали: „Свейте веревку изъ отрубей, и мы приведемъ колодезь вашъ къ городу.“ И еще загадали мудрецы Савской: „Если на нивѣ выростутъ ножи, чѣмъ можно сжать ниву?“—„Рогомъ ослинымъ,“ отвѣчали мудрецы Соломона. „А гдѣ у осла рога?“ возражали тѣ. „А гдѣ нива родитъ ножи?“ отвѣчали мудрецы Соломона.

3. **Суды Соломона.** Во времена Соломона жилъ одинъ человѣкъ, имѣвшій трехъ сыновей. Умирая, онъ призвалъ ихъ къ себѣ и сказалъ: „Въ землѣ въ такомъ-то мѣстѣ (и назвалъ это мѣсто) у меня зарытъ кладъ въ трехъ боченкахъ, одинъ надъ другимъ; по смерти моей старшій долженъ взять верхній, средній—средній, а младшій—нижній.“ Когда послѣ смерти отца открыли сокровища, на верху оказалось золото, въ срединѣ—кости, а внизу — земля. Братья начали спорить, пошли судиться къ Соломону и разсказали ему о завѣщаніи отца. „Отецъ вашъ, сказалъ Соломонъ, былъ мудръ и правильно раздѣлилъ вамъ имѣніе: золото должно принадлежать старшему; среднему, которому назначены кости, богатство, состоящее въ скотѣ и рабахъ; а младшему, – которому досталась земля,—поля, виноградники и прочее имѣніе.“

Посланіе архіепископа Новгородскаго Василія къ епископу Тверскому Θеодору.

Василій, милостію Божіею архіепископъ Новгорода, священному епископу Θеодору Тверскому, брату о Господѣ: благодать и миръ отъ Бога Отца Вседержителя твоему священству и всему священному собору, игуменамъ и священникамъ и духовнымъ дѣтямъ твоимъ. Узналъ я и священный соборъ, игумены и іереи, что случилось у васъ въ Твери: по навѣту діавола и злыхъ людей между духовенствомъ возникъ споръ по поводу мнѣній о земномъ раѣ. Много времени провелъ я въ изслѣдованіи правды или истины, и вотъ что̀ нашелъ, о томъ и пишу тебѣ... Какъ святые апостолы постоянно переписывались другъ съ другомъ посланіями, такъ и намъ слѣдуетъ поступать; ибо вмѣсто нихъ мы поставлены. Кто къ чему призванъ; тотъ въ томъ пусть и пребываетъ.

Слышалъ я, братъ, что ты говоришь: „Рай, въ которомъ жилъ Адамъ, погибъ"; но объ этомъ мы ничего не слыхали и въ писаніи ничего не нашли; напротивъ, знаемъ изъ священнаго писанія, что насадилъ Богъ рай на востокѣ въ Едемѣ и ввелъ въ него человѣка и заповѣдалъ ему, говоря: „Если исполнишь заповѣдь, живъ будешь; если же нѣтъ, смертію умрешь и возвратишься въ ту землю, изъ которой ты взятъ." Адамъ преступилъ заповѣдь Божію и изгнанъ былъ изъ рая, и плакалъ горько, говоря: „О рай пресвятой, ради меня насажденный и за вину Евы затворенный! умоли тебя насадившаго и меня создавшаго, чтобы я насытился твоими цвѣтами". .

Въ Пареміи называются 4 рѣки, вытекающія изъ рая: Тигръ, Нилъ, Фисонъ, Ефратъ съ восточной стороны; Нилъ же подъ Египтомъ,... течетъ съ высокихъ горъ, а высотою онѣ отъ земли до неба, и мѣсто то непроходимо для людей, а вверху живутъ Рахмане (брамины).

А вотъ, братъ, въ Прологѣ ясно сказано въ разсказѣ о чудесахъ архангела Михаила, что праведный Енохъ, послѣ того какъ взятъ былъ на небо, былъ принесенъ въ рай честной; а св. Илія пророкъ также въ раю живетъ: его находилъ тамъ св. Агапій и часть хлѣба взялъ. Св. Макарій жилъ за 20 поприщъ (верстъ) отъ святого рая, а св. Евфросинъ даже былъ въ раю и принесъ оттуди три яблока, которыя и отдалъ игумену своему Власію: отъ тѣхъ яблокъ было много исцѣленій.

И послѣ всего этого ты, братъ, думаешь, что существуетъ рай мысленный (духовный)? Но все мысленное существуетъ толь-

ко въ видѣніи. А что сказалъ Христосъ въ Евангеліи о второмъ пришествіи, неужели и то назовешь мысленнымъ? Находящимся по правую сторону Его скажетъ: „придите, благословенные Отца Моего, наслѣдуйте царство приготовленное для васъ прежде сотворенія,“ и находящимся по лѣвую сторону Его скажетъ: „Идите отъ Меня, проклятые, въ огонь вѣчный, приготовленный діаволу и ангеламъ его„... Объ этихъ двухъ мѣстахъ Іоаннъ Златоустъ сказалъ: „Насадилъ Богъ рай на востокѣ, а на западѣ приготовилъ муки...“ А вотъ и священномученикъ Патрикій сказалъ: „два мѣста приготовлено: одно полно благъ, а другое полно тьмы и огня.“

Людямъ видѣть святой рай нельзя, самимъ Богомъ не позволено, а муки и до сихъ поръ есть на *западѣ*. Много дѣтей моихъ духовныхъ—Новгородцевъ—тому свидѣтели: на дышущемъ морѣ червь неусыпающій, скрежетъ зубовъ и рѣка смоляная Моргъ: вода изъ нея входитъ въ преисподнюю и три раза въ день опять вытекаетъ оттуда.

Если всѣ тѣ мѣста мученій не погибли, то какъ же погибъ рай, скажи мнѣ, братъ,—рай, въ которомъ пречистая Богородица и множество святыхъ, которые по воскресеніи Господа явились многимъ въ Іерусалимѣ и снова вошли въ рай? Ибо имъ сказано было: уже пламенное оружіе не охраняетъ воротъ Едема, ибо пришелъ Спаситель, взывая вѣрнымъ: войдите опять въ рай... Когда же приблизилось успеніе Владычицы нашей Богородицы, ангелъ... принесъ вѣтвь изъ рая, показывая тѣмъ, гдѣ она будетъ; а если же рай—мысленный только, то зачѣмъ же ангелъ такую вѣтвь принесъ, а не мысленную? Вѣтвь ту видѣли апостолы и множество увѣровавшихъ іудеевъ.

Братъ! ни одно дѣло Божіе не подлежитъ тлѣнію, но всѣ дѣла Его нетлѣнны. Я самъ тому очевидецъ. Я видѣлъ городскія ворота, которыя Христосъ затворилъ своими руками, когда шелъ въ Іерусалимъ на распятіе: ихъ и доселѣ никто не можетъ отворить. Видѣлъ я своими глазами и то мѣсто, гдѣ Спаситель постился на берегу Іордана; сто финиковыхъ деревьевъ Христосъ посадилъ тамъ, и до нынѣ они не погибли и не погнили, стоятъ неподвижно.

Или можетъ быть ты, братъ, начнешь разсуждать такъ: если Богъ насадилъ рай на востокѣ, то какъ же тѣло Адама нашлось въ Іерусалимѣ? Но развѣ ты не знаешь о службѣ ангеловъ, какъ скоро они ее совершаютъ, безъ словъ служатъ Богу, во мгновеніе ока обходятъ землю и преходятъ небеса? А для Бога возможно по одному слову перенести Адама изъ рая въ

Іерусалимъ. Херувиму приказалъ Богъ охранять ворота въ Едемъ, а по воскресеніи своемъ повелѣлъ Адаму войти въ рай; съ нимъ вошло и множество святыхъ. Слово и дѣло скоры у Бога.

А то мѣсто святого рая находилъ Моиславъ Новгородецъ и сынъ его Яковъ. Всего было у нихъ три лодки, но одна изъ нихъ, долго блуждая, погибла, а двѣ другія потомъ долго вѣтеръ носилъ по морю и наконецъ принесло ихъ къ высокимъ горамъ. И увидѣли они, что на одной изъ горъ тѣхъ чудною лазоревою краскою написанъ Деисусъ (икона Спасителя съ Богоматерью и Іоанномъ Предтечею по сторонамъ), дивно выше мѣры, какъ бы не человѣческими руками, но Божіею благодатію. И свѣтъ былъ на мѣстѣ томъ самосіянный, такъ что человѣкъ и сказать о немъ не можетъ. Они пробыли тамъ долгое время, но солнца не видѣли, а свѣтъ былъ самый разнообразный, лучше солнечнаго; а на горахъ они слышали ликованіе и веселіе. Они приказали одному изъ бывшихъ съ ними взойти на ту гору по сходнямъ — посмотрѣть свѣтъ и послушать ликовавшіе голоса. Когда онъ взошелъ туда, то вдругъ, всплеснувъ руками и засмѣявшись, побѣжалъ отъ своихъ къ тѣмъ голосамъ. Они удивились и послали другого, наказавъ ему, чтобы онъ, вернувшись, разсказалъ имъ, что дѣлается на горѣ; но и другой тоже сдѣлалъ и не вернулся къ своимъ, а съ великою радостью побѣжалъ отъ нихъ. Они испугались и стали разсуждать между собою такъ: „хотя бы и смерть случилась, но мы должны видѣть свѣтлость мѣста сего“ — и послали третьяго на гору, привязавъ его веревкою за ногу. И этотъ захотѣлъ такъ же сдѣлать: забывъ, что на ногахъ его веревка, онъ радостно всплеснулъ и побѣжалъ; когда они сдернули его за веревку, онъ тотчасъ же умеръ. Всѣ побѣжали назадъ; не дано было имъ послѣ того видѣть ту неизреченную свѣтлость и и веселіе слышать ликованіе, доносившееся оттуда. Дѣти и внуки тѣхъ людей и понынѣ, братъ, живутъ въ добромъ здоровьѣ.

А что ты говоришь, братъ, о раѣ мысленномъ, то онъ самъ по себѣ, а насажденный для Адама и Евы самъ по себѣ: не погибъ и нынѣ существуетъ, а свѣтъ въ немъ самосіянный, а небо прилежитъ къ горамъ райскимъ. А мысленный рай будетъ, когда вся земля испытана будетъ огнемъ, по слову апостольскому: мы ожидаемъ новыхъ небесъ и новой земли, когда истинный свѣтъ — Христосъ сойдетъ на землю. Поразмысли, братъ: это свѣтъ самосіянный (о которомъ повѣствовали новгородцы); но отъ вышняго неба онъ закрытъ твердію: какъ же свѣтлѣе его истинный свѣтъ небесный, Христосъ съ девятью чинами ангельскими, которые ему служатъ: 1-й чинъ — Ангелы, 2-й — Архангелы, 3-й — На-

чала, 4-й—Власти, 5-й—Силы, 6-й—Престолы, 7-й—Господства, 8-й—многоочитые Херувимы, 9-й—шестокрылатые Серафимы. Когда Господь нашъ І. Христосъ явится въ свѣтлости божества своего на землю, и силы небесныя поколеблются, ангелы оставятъ службу свою и покажутъ свѣтлость свою, сотворенную Богомъ: тогда, братъ, водворится рай мысленный (неземной), и вся земля просвѣщена будетъ свѣтомъ неизреченнымъ, наполнится такой радостью и веселіемъ, о какой говоритъ апостолъ Павелъ, когда онъ восхищенъ былъ до третьяго неба: ни глазъ не видѣлъ, ни ухо не слышало, ни на мысли человѣку не приходило того, что̀ приготовилъ Богъ любящимъ Его. Объ этомъ неземномъ раѣ Христосъ сказалъ: есть нѣкоторые изъ стоящихъ здѣсь, которые не умрутъ, прежде чѣмъ не увидятъ царствіе небесное, пришедшее въ силѣ. А это царство Божіе видѣли, братъ, на Ѳаворской горѣ Моисей и Илія, Петръ, Іаковъ и Іоаннъ. Но сущимъ въ плоти, хотя бы и святымъ, невозможно видѣть мысленнаго рая; потому и апостолы на горѣ Ѳаворской не могли стоять, но ударились о землю, не будучи въ состояніи выносить свѣтъ божества Іисуса Христа.

Задонщина.

Пойдемъ, братья, въ полуночную страну, удѣлъ Афета, сына Ноева, отъ котораго произошла Русь преславная, взойдемъ оттуда на горы Кіевскія и бросимъ взглядъ съ ровнаго Днѣпра на всю землю русскую и на восточную страну, удѣлъ Сима, сына Ноева, отъ котораго произошли Азіятскіе дикари, поганые Татары, бусурманы. Они (Половцы) на рѣкѣ Каялѣ одолѣли русскихъ и съ того времени русская земля живетъ невесела, со времени битвы съ Татарами на Калкѣ (въ 1224 г.) до Мамаева побоища тоскою и печалію покрылася, плачетъ, вспоминая о дѣтяхъ своихъ. Князья и бояре и удалые люди оставили дома свои и богатство, женъ и дѣтей, и скотъ, и заслуживши честь и славу въ семъ мірѣ, положили головы свои за землю русскую и за вѣру христіанскую.

Сойдемся, братья и други и сыны русскіе, соединимъ слово къ слову..., провозгласимъ пораженіе Мамая и воздадимъ похвалу великому князю Дмитрію Ивановичу и брату его князю Владиміру Андреевичу. Скажемъ такъ: Лучше было бы намъ, братья, начать повѣсть похвальными словами, словами современныхъ повѣствованій, въ похвалу великаго князя Дмитрія Ивановича и брата его князя Владиміра Андреевича—внуковъ святого великаго князя Владиміра Кіевскаго,—начать повѣсть по дѣламъ и по

былинамъ. Не увлечемся, но.... вспомнимъ первоначальныя времена: восхвалимъ вѣщаго Бояна, славнаго гусляра кіевскаго. Тотъ вѣщій Боянъ, прикасаясь своими золотыми перстами къ живымъ струнамъ, пѣлъ славу русскимъ князьямъ: Рюрику, Игорю Рюриковичу и Святославу, Ярополку, Владиміру Святославичу и Ярославу Владиміровичу, восхваляя ихъ въ пѣсняхъ и въ шумныхъ словахъ на гусляхъ.—Я же вспомню Рязанца Софонію и восхвалю въ пѣсняхъ... господина князя Дмитрія Ивановича и брата его князя Владиміра Андреевича за ихъ мужество и любовь къ землѣ русской и къ вѣрѣ христіанской. Они изощрили сердца свои мужествомъ, стали за землю русскую съ своими силами, вспомнивъ прадѣда своего, князя Владиміра кіевскаго, царя русскаго.

О, жаворонокъ птица, утѣха въ красные дни! взлети подъ синія облака, посмотри на сильный городъ Москву, воспой славу великому князю Дмитрію Ивановичу и брату его Владиміру Андреевичу. Они какъ соколы поднялись съ земли русской на поля половецкія. Уже кони ржутъ въ Москвѣ, бубны бьютъ въ Коломнѣ, трубятъ трубы въ Серпуховѣ; гремитъ слава по всей землѣ русской. Чудно развѣваются знамена у Дона великаго, развиваются знамена узорчатыя, блестятъ кольчуги золоченыя. Звенятъ вѣчевые колокола въ великомъ Новгородѣ, стоятъ мужи Новгородскіе у св. Софіи, молвятъ таковую жалобу: „Уже намъ, братья, не поспѣть на помощь къ великому князю Дмитрію Ивановичу.“ Какъ бы орлы слетѣлись тогда со всей полуночной страны: то не орлы слетѣлись, то выѣхали посадники изъ великаго Новгорода, 7000 войска, къ великому князю Дмитрію Ивановичу и къ брату его Владиміру Андреевичу. Съѣхались всѣ князья русскіе къ великому князю Дмитрію Ивановичу на помощь и говорятъ: „Господинъ князь великій! Уже поганые Татары на поля на наши наступаютъ, вотчину нашу у насъ отнимаютъ; стоятъ между Дономъ и Днѣпромъ на рѣкѣ Мечѣ. Пойдемъ мы, господинъ, за быстрый Донъ, купимъ землямъ диво, старымъ повѣсть, а молодымъ память.“ И сказалъ тогда князь великій Дмитрій Ивановичъ своей братіи, русскимъ князьямъ: „Братья мои милые, князья русскіе! мы вѣдь одно гнѣздо князя великаго Ивана Даниловича (т. е. Калиты). До сихъ поръ мы, братья, ни у кого не были въ обидѣ, ни у сокола, ни у ястреба, ни у бѣлаго кречета, ни у того пса поганаго Мамая.“

Соловей птица! что бы тебѣ воспѣть сихъ двухъ братьевъ, двухъ сыновей Ольгердовыхъ, Андрея Полоцкаго и Дмитрія Брянскаго! Они въ сторожевыхъ полкахъ на щитѣ рождены, подъ тру-

бами повиты, потъ шлемами взлелѣяны, концемъ копья вскормлены, съ остраго меча поены, въ Литовской землѣ. Молвитъ Андрей своему брату Дмитрію: „Мы оба брата дѣти Ольгердовы, внуки Гедиминовы, правнуки Скольдовы. Сядемъ, братъ, на своихъ борзыхъ коней, напьемся, братъ, изъ шлемовъ своихъ воды быстраго Дона, испытаемъ мечи свои булатные.“ Отвѣчаетъ ему Дмитрій: „Не пощадимъ, братъ Андрей, живота своего за землю русскую и за вѣру христіанскую и за обиду великаго князя Дмитрія Ивановича! Уже стукъ стучитъ и громъ гремитъ въ славномъ городѣ Москвѣ: то, братъ, не стукъ стучитъ и не громъ гремитъ: стучитъ сильная рать великаго князя Дмитрія Ивановича и брата его князя Владиміра Андреевича, гремятъ удальцы золочеными шлемами, красными щитами. Сѣдлай, братъ Андрей, своихъ борзыхъ коней, а мои уже готовы, прежде твоихъ еще осѣдланы. Выѣдемъ, братъ, въ чистое поле и посмотримъ свои полки, сколько съ нами храброй Литвы; а Литвы съ нами 7000 закованныхъ въ латы воиновъ.

Уже поднялись съ моря сильные вѣтры, прилелѣяли тучу великую на устье Днѣпра на русскую землю; изъ тучи выступили кровавыя облака, а изъ нихъ блещутъ синія молніи. Быть стуку и грому великому между Дономъ и Днѣпромъ, падать трупамъ человѣческимъ на полѣ Куликовомъ, пролиться крови на рѣчкѣ Непрядвѣ. Уже заскрипѣли телѣги между Дономъ и Днѣпромъ. Идутъ Татары поганые на русскую землю То не сѣрые волки воютъ, на рѣкѣ Мечѣ хотятъ вступить въ русскую землю: то пришли поганые Татары хотятъ пройти войною, взять всю землю русскую. Тогда и гуси гоготали, и лебеди всплескали крыльями: поганый Мамай привелъ свои войска на Русь. Птицы летятъ подъ синія облака, вороны кричатъ, галки ведутъ свою рѣчь, орлы клекчутъ, волки грозно воютъ, лисицы часто брешутъ, предчувствуютъ побѣду надъ погаными. „Русская земля! какъ была ты до сихъ поръ за царемъ Соломономъ (*за шеломенемъ* Сл. о п. Иг.), такъ будь и теперь за княземъ великимъ Дмитріемъ Ивановичемъ.“ Тогда же соколы и кречеты, Бѣлозерскіе ястребы, изъ золотыхъ клѣтокъ изъ города Москвы вылетѣли подъ синія облака, звеня своими золочеными колокольчиками.

Уже стукъ стучитъ и громъ гремитъ рано предъ зарею. То не стукъ стучитъ и не громъ гремитъ: князь Владиміръ Андреевичъ полки перебираетъ и ведетъ воиновъ своихъ, сторожевые полки къ быстрому Дону. Такъ говоритъ онъ: „Господинъ князь Дмитрій! не ослабѣвай! Уже поганые Татары наступаютъ на наши поля, а воиновъ нашихъ перенимаютъ.“ И отвѣчаетъ ему

великій князь Дмитрій Ивановичъ. „Братъ Владиміръ Андреевичъ! Мы сами здѣсь, внуки великаго князя Владиміра Кіевскаго, а воеводы у насъ изъ бояръ сильные князья Бѣлозерскіе, Өеодоръ Семеновичъ и Семенъ Михайловичъ, Николай Васильевичъ да два братаОльгердовичи, Димитрій Волынскій да Тимоѳей Волуевичъ, Андрей Серкизъ да Михаилъ Ивановичъ, а всѣхъ воиновъ съ нами триста тысячъ. Воеводы у насъ уставлены, дружина наша испытана, имѣетъ подъ собой добрыхъ коней, а на себѣ золоченые доспѣхи, шлемы черкасскіе, щиты московскіе, копья нѣмецкія, кинжалы фряжскіе, мечи булатные. Хотятъ они головы свои положить за землю рускую и за вѣру крещеную." Тогда князь великій Дмитрій Ивановичъ вступилъ въ свое золотое стремя и сѣлъ на своего борзаго коня, взявъ въ правую руку копье. Помолился Богу и Пречистой его Матери. Восходящее солнце ясно ему свѣтитъ, указываетъ ему путь. Св. князья Борисъ и Глѣбъ молятся за сродниковъ своихъ.

Тогда соколы и кречеты, Бѣлозерскіе ястребы скоро за Донъ перелетѣли и ударили на гусей и лебедей. Затрещали копья булатныя, мечи стальные, топоры легкіе, щиты московскіе, шлемы нѣмецкіе, кафтаны бусурманскіе. Тогда поля костями засѣялись, кровью облились; бѣдствія начались; вѣсть о нихъ пронеслась въ пустыни за Волгою, въ Дербентъ, къ Риму, до Черемисъ, Чеховъ, Ляховъ и Устюга, до поганыхъ Татаръ, за дышущее море.

На Куликовомъ полѣ сошлись грозныя тучи, а изъ нихъ часто сверкали молніи, гремѣли сильные громы: то сошлись русскіе удальцы съ погаными Татарами за свою великую обиду. На нихъ сіяли крѣпкіе доспѣхи золоченые, князья русскіе гремѣли мечами булатными о шлемы татарскіе. Бились они съ утра до полудня въ субботу на день Рождества Святой Богородицы.

Тогда не диво было старцу помолодѣть. Храбрый Пересвѣтъ поскакиваетъ на своемъ вѣщемъ сивкѣ, свистомъ поля перегородилъ и говоритъ таково слово: „Лучше было бы намъ самимъ наткнуться на свои мечи, нежели быть побѣжденными отъ поганыхъ и пасть." И отвѣчалъ Ослябя брату своему Пересвѣту: „Уже я вижу, братъ, тяжелыя раны на твоемъ тѣлѣ. Падетъ твоя голова на сырую землю, падетъ на бѣлую ковыль-траву и мое чадо Іаковъ."

Уже, братья, по Рязанской землѣ около Дону ни ратаевъ, ни пастуховъ не слышно, не трубятъ уже трубы; только вороны часто каркаютъ да кукушки кукуютъ, слетаясь на трупы. Тогда не туры заревѣли на полѣ Куликовомъ, на рѣчкѣ Непрядвѣ: то застонали избитые отъ поганыхъ. Помянемъ князей великихъ и

бояръ славныхъ: князя Ѳедора Романовича Бѣлозерскаго и сына его князя Ивана, и Николая Васильевича. Тамъ же пали Ѳедоръ Мешко, Иванъ Сано, Михайло Вренковъ, Яковъ Ослебятинъ, Пересвѣтъ монахъ и много иной дружины. Тогда горько расплакались по своимъ мужьямъ въ славномъ городѣ Москвѣ. Расплакалась жена Николая (Васильевича) Марія и говоритъ такъ: „О Донъ, Донъ, быстрый Донъ! Прошелъ ты землю Половецкую, пробилъ берега каменные: прилелѣй моего Николая Васильевича!“ Расплакалась и жена Иванова Ѳеодосія: «Уже наша слава помрачилась въ славномъ городѣ Москвѣ!» Не одна мать лишилась дѣтей своихъ, а жены боярскія лишились мужей своихъ и господъ. Онѣ такъ говорили другъ другу: «Сестры! нашихъ мужей уже нѣтъ въ живыхъ: они сложили головы свои у быстраго Дона за русскую землю, за святыя церкви, за вѣру православную.»

Въ ту же субботу, въ день Рождества Пресв. Богородицы, христіане разбили поганые полки на полѣ Куликовомъ, на рѣкѣ Непрядвѣ. Крикнулъ великій князь Владиміръ Андреевичъ и поскакалъ среди поганыхъ полковъ татарскихъ, посвѣчивая золоченымъ шлемомъ, поскакалъ со всѣмъ войскомъ своимъ; загремѣли мечи булатные о шлемы татарскіе. Такъ говоритъ онъ брату своему великому князю Дмитрію Ивановичу: «Братъ Дмитрій Ивановичъ! Уже поганые татары на поля наступаютъ, храбрую дружину нашу мы теряемъ, а между труповъ человѣческихъ борзые кони наши не могутъ скакать, по колѣни бродятъ въ крови; жалко, братъ, видѣть кровь христіанскую!» Князь великій Дмитрій Ивановичъ сказалъ своимъ боярамъ: «Братья бояре и воеводы и дѣти боярскіе! Вотъ гдѣ ваши Московскіе сладкіе меды и великія мѣста! здѣсь вы добудете себѣ мѣсто и женамъ своимъ; здѣсь старому нужно помолодѣть, а молодому чести добыть». «Господи Боже мой! сказалъ великій князь Дмитрій Ивановичъ: на Тебя я надѣялся, да не постыжусь во вѣкъ, пусть не посмѣются надо мной враги мои». Такъ помолившись Богу и Пречистой Его Матери и всѣмъ святымъ Его, онъ горько заплакалъ и утеръ слезы. Полки, какъ соколы, быстро понеслись. Великій князь Дмитрій Ивановичъ скачетъ съ своими полками и такъ говоритъ: «Братъ мой Владиміръ Андреевичъ! Здѣсь намъ испить медовую чару. Наѣдемъ, братъ, своими полками сильными на войско поганыхъ татаръ»!

Тогда великій князь дѣлаетъ натискъ на рать—силу татарскую. Гремятъ мечи булатные о шлемы татарскіе; поганые бусурмане закрыли головы свои руками и быстро всѣ отступили. Знамена великаго князя Дмитрія Ивановича производятъ сильный

Bayerische
Staatsbibliothek
München

шумъ, поганые бѣгутъ, а князья русскіе съ боярами и воеводами и со всѣмъ великимъ войскомъ широкія поля кликомъ загородили и золочеными доспѣхами освѣтили. Тогда туръ сталъ на оборону: князь великій Дмитрій Ивановичъ и братъ его, князь Владиміръ Андреевичъ, поворотили назадъ полки поганыхъ и начали ихъ, бусурмановъ, бить жестоко и сѣчь безъ милости. Князья ихъ попадали съ коней, загремѣли; трупами татарскими поля засѣяны, а отъ крови ихъ рѣки потекли. Тутъ поганые разбѣжались врозь, непроторенными дорогами помчались къ морскому заливу, скрежетали зубами, рвали лица свои и такъ говорили: «Уже не бывать намъ въ землѣ своей, не видать намъ дѣтей своихъ; на Русь войною намъ уже не хаживать и дани намъ съ русскихъ людей не придется ужъ спрашивать. Стонетъ земля татарская; веселье наше затихло: русскіе сыны разграбили татарскія драгоцѣнности и доспѣхи, захватили коней и воловъ и верблюдовъ, вино и сахаръ и дорогія ткани; жены русскія уже начали плескать татарскимъ золотомъ».

Тогда по русской землѣ прошло веселье и радость, пронеслась слава русская по всей землѣ, а на поганыхъ татаръ, злыхъ бусурманъ— погибель и бѣдствіе...; и уже грозная слава великаго князя Дмитрія Ивановича и брата его, князя Владиміра Андреевича, распространяется по всѣмъ землямъ. Великій князь своею храбростью побилъ дружину Мамая поганаго, постоялъ за землю русскую и за вѣру крещеную. Уже поганые сложили на землю свое оружіе, а головы свои подклонили подъ мечи русскіе; трубы ихъ не трубятъ, голосовъ ихъ не слышно стало. Мамай поганый бѣглецомъ убѣжалъ отъ своей дружины, сѣрымъ волкомъ взвылъ и прибѣжалъ въ городъ Кафу (Хаѳеста). Здѣсь Генуэзцы говорили ему: «Зачѣмъ ты поганый Мамай посягаешь на русскую землю? Вотъ за это и разбила тебя рать московская. Тебѣ не бывать такимъ, какъ Батый: у него было 40000 отборнаго войска, и онъ воевалъ всю землю русскую отъ востока и до запада. Богъ наказалъ русскую землю за ея грѣхи. Ты пришелъ на нее, Царь Мамай, со множествомъ войска, съ девятью ордами и семидесятью князьями, а теперь ты, поганый, бѣжишь въ числѣ девяти человѣкъ къ лукоморью (морской заливъ). Не съ кѣмъ тебѣ зиму зимовать въ полѣ: развѣ тебя князья русскіе гораздо потчевали? Ни князей съ тобою нѣтъ, ни воеводъ: развѣ гораздо напились у быстраго Дона на полѣ Куликовомъ, на ковыль-травѣ? Бѣжи ты, поганый Мамай, отъ насъ, а не то достанется бѣды и намъ отъ русскихъ. Ты теперь какъ глупый младенецъ у своей матери».

Bayerische Staatsbibliothek München

Такъ Господь Богъ помиловалъ князей русскихъ, великаго князя Дмитрія Ивановича и брата его князя Владиміра Андреевича, между Дономъ и Днѣпромъ. Сталъ потомъ великій князь Дмитрій Ивановичъ съ братомъ своимъ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ и съ остальными своими воеводами на костяхъ на полѣ Куликовомъ, на рѣчкѣ Непрядвѣ. Страшно и жалко было, братья, смотрѣть тогда на трупы христіанскіе, лежавшіе на берегу великаго Дона; Донъ рѣка три дня кровью текла. «Считайте, братья,—сказалъ великій князь Дмитрій Ивановичъ,—сколькихъ у васъ воеводъ нѣтъ и сколькихъ молодыхъ людей нѣтъ». Московскій бояринъ Михайло Александровичъ стоя сказалъ тогда великому князю Дмитрію Ивановичу: Государь, князь великій, Дмитрій Ивановичъ! Нѣтъ, государь, у насъ сорока бояръ Московскихъ, двѣнадцати князей Бѣлозерскихъ, тридцати посадниковъ Новгородскихъ, двадцати бояръ Коломенскихъ, сорока бояръ Серпуховскихъ, тридцати пановъ Литовскихъ, двадцати бояръ Переяславскихъ, двадцати пяти бояръ Костромскихъ, тридцати пяти бояръ Владимірскихъ, восьми бояръ Суздальскихъ, сорока бояръ Муромскихъ, семидесяти бояръ Рязанскихъ, тридцати четырехъ бояръ Ростовскихъ, двадцати трехъ бояръ Дмитровскихъ, шестидесяти бояръ Можайскихъ, тридцати бояръ Звенигородскихъ, пятнадцати бояръ Углицкихъ; а всего убито отъ безбожнаго Мамая двѣсти пятьдесятъ три тысячи. Слава Тебѣ Господи Боже Нашъ, помиловалъ ты насъ». И сказалъ великій князь Дмитрій Ивановичъ: «Братья, бояре и князья и дѣти боярскіе! Вотъ вамъ мѣсто смерти между Дономъ и Днѣпромъ на полѣ Куликовомъ, на рѣкѣ Непрядвѣ. Вы сложили головы свои за святыя церкви, за землю русскую, за вѣру христіанскую. Простите меня, братья, и благословите. Вамъ же всѣмъ вѣнецъ въ будущемъ вѣкѣ! Пойдемъ, братъ Владиміръ Андреевичъ, въ свою Московскую землю, въ славный городъ Москву, сядемъ на своемъ княженіи; мы добыли честь и славное имя. Богу нашему слава.

Сказаніе о Псковскомъ взятіи.

Отъ начала русской земли ни одинъ князь не владѣлъ городомъ Псковомъ, но всегда жители его жили по своей волѣ. Прежнія удѣльныя княжества покорилъ подъ свою власть великій князь Московскій, но не въ одно время, а въ разное, какъ о томъ говоритъ Степенная книга: прежде всего онъ покорилъ Суздальскаго князя Симеона, потомъ Новгородъ, а затѣмъ Тверь (князь Тверской Михаилъ убѣжалъ тогда въ Литву). Городъ Псковъ имѣлъ твердыя стѣны и много жителей было въ немъ; поэтому великій

князь не шелъ на него войною, опасаясь, чтобы Псковичи не передались Литвѣ; поэтому же онъ имъ льстилъ и жилъ въ мирѣ. Псковичи цѣловали ему крестъ, что отъ великаго князя они не перейдутъ ни къ кому. Великій князь посылалъ въ Псковъ своихъ князей по желанію Псковичей: кого они захотятъ, того онъ и пришлетъ; а потомъ сталъ посылать въ Псковъ намѣстниковъ по своей волѣ, кого онъ захочетъ, а не по волѣ Псковичей; намѣстники же грабили, насиловали и не право судили. Жители Пскова и окрестныхъ городовъ посылали посадниковъ своихъ къ великому князю жаловаться на нихъ. И такъ бывало много разъ.

Въ 1510 году 26 октября, на день св. Дмитрія, великій князь Василій Ивановичъ пріѣхалъ въ свою вотчину въ Великій Новгородъ съ братомъ своимъ, удѣльнымъ княземъ Андреемъ, и съ своими боярами. Псковичи, услышавъ объ этомъ, послали къ нему пословъ своихъ, двухъ посадниковъ—Юрія Елисеевича и Михаила Помазова, и бояръ изъ всѣхъ концовъ. Послы привезли въ даръ великому князю полторасто рублей новгородскою монетою и били челомъ: «Псковичи пріобижены отъ твоего намѣстника, князя Ивана Михаиловича Рѣпни, и отъ его людей, отъ его намѣстниковъ пригородскихъ и отъ ихъ людей».—«Хочу жаловать и оборонять свою отчину, какъ дѣлали отецъ и дѣды наши великіе князья,—сказалъ нашимъ посадникамъ великій князь,—если придетъ много жалобъ на моего намѣстника, а на вашего князя Ивана Михаиловича Рѣпню,—я его обвиню». Посадники наши и бояре были отпущены въ Псковъ.

И посадники наши, пріѣхавъ, разсказываютъ Псковичамъ на вѣчѣ, что великій князь подарки ихъ принялъ, а какая мысль у него на сердцѣ, о томъ никто не знаетъ; что́ придумалъ великій князь на счетъ своей отчины и мужей Псковичей и города Пскова,—объ этомъ никто ни знаетъ.

Въ ту же зиму спустя не много времени, поѣхалъ изъ Пскова въ Новгородъ и князь Псковскій Иванъ Михаиловичъ Рѣпня, изъ рода князей Суздальскихъ, жаловаться великому князю на Псковичей, что они не воздавали ему должной чести. А тотъ Рѣпня не по принятому порядку пріѣхалъ въ Псковъ и сѣлъ на княженіе, и не по крестному цѣлованію началъ жить здѣсь: не хотѣлъ онъ творить добра ни св. Троицѣ (т. е. Пскову, въ которомъ соборный храмъ во имя св. Троицы), ни Псковичамъ. Много зла причинялъ онъ дѣтямъ боярскимъ и посадницкимъ, а эти порѣшивъ, что Рѣпня, князь ихъ, много зла имъ надѣлалъ, и поѣхали къ великому князю жаловаться на своего князя Ивана Михайловича Рѣпню.

Въ то же время посадники Псковскіе, придумавъ вмѣстѣ съ Псковичами такую думу,—не на пользу себѣ придумали они,—начали разсылать граматы по пригородамъ да по волостямъ, и въ нихъ говорили такъ: «Если кто, каковъ бы онъ ни былъ, хочетъ жаловаться на князя, пусть ѣдетъ къ государю великому князю въ Новгородъ бить челомъ на него». На той же недѣлѣ поѣхалъ въ Новгородъ посадникъ Леонтій бить челомъ на посадника Юрія Копыла, а этотъ поѣхалъ туда же отвѣчать противъ него и потягаться тамъ съ нимъ. И вотъ Юрій прислалъ изъ великаго Новгорода въ Псковъ грамату, въ которой было написано: «Если посадники не поѣдутъ изъ Пскова говорить противъ Рѣпни, то вся земля будетъ виновата».

Тогда уныло сердце Псковичей, и на четвертый день по полученіи этой вѣсти отправились въ Новгородъ девять посадниковъ и купеческіе старосты всѣхъ рядовъ. Великій князь расправы имъ никакой не сдѣлалъ, а сказалъ такъ: «Копитесь, копитесь, жалобные люди (т. е. жалобщики), вотъ придетъ Крещеніе Господне, тогда я дамъ вамъ всѣмъ управу; а теперь никакой управы вамъ не будетъ». Всѣ Псковичи вернулись въ Псковъ, а когда пришелъ срокъ, посадники и купеческіе старосты, не предчувствуя погибели, поѣхали въ Новгородъ къ великому князю. На самый праздникъ Крещенія Господня великій князь Василій Ивановичъ повелѣлъ всѣмъ посадникамъ, боярамъ, купцамъ и купеческимъ старостамъ собраться и итти на рѣку на водосвятіе; и самъ великій князь со всѣми боярами своими вышелъ въ этотъ день на Волховъ, а священники и діаконы вышли сюда со крестами. Владыки (Серапіона) въ то время не было въ Новгородѣ и воду освящалъ владыка смоленскій съ священниками, послѣ чего всѣ пошли къ святой Софіи. Великій князь велѣлъ своимъ боярамъ творить свои дѣла, какъ они положили на совѣтѣ, а нашимъ посадникамъ говорили: «Посадники Псковскіе, бояре и жалобщики! Государь велѣлъ вамъ всѣмъ собраться на свой дворъ, а кто не придетъ, тотъ берегся бы казни: государь хочетъ всѣмъ вамъ дать управу». Псковскіе посадники и бояре всѣ до одного пошли на дворъ владыки. Государевы бояре спросили ихъ: «Всѣ ли сполна собрались»?—Лучшихъ людей: посадниковъ, бояръ и именитыхъ купцовъ пригласили въ палату, а меньшіе люди остались на дворѣ. Какъ только тѣ вошли, бояре и сказали имъ: «Пойманы есте богомъ и великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ всея Руси». Дворъ заперли и переписали всѣхъ Псковичей поименно, а затѣмъ развели ихъ по разнымъ домамъ и приказали домохозяевамъ стеречь ихъ и кормить до расправы.

Псковичи получили вѣсть о плѣнѣ своихъ посадниковъ отъ Псковскаго купца Филиппа Поповича. Онъ ѣхалъ въ Новгородъ съ товаромъ, сталъ у Веряжи и, узнавъ о плѣненіи посадниковъ, бросилъ свой товаръ на дорогѣ и поскакалъ обратно въ Псковъ съ вѣстью. „Великій князь посадниковъ нашихъ и бояръ и жалобщиковъ переловилъ", говорилъ онъ Псковичамъ. Напалъ страхъ и трепетъ на Псковичей. Поднялась тревога. Отъ ужаса и тоски горло у нихъ пересохло и уста слѣпились... Сколько разъ приходили на нихъ нѣмцы, но такой печали, какъ нынѣ, не бывало. Поставили они вѣче, стали думу думать: защищаться ли противъ великаго князя, запираться ли въ городѣ? Но вспомнили они о своемъ крестномъ цѣлованьи, что нельзя противиться государю, и о томъ, что посадники и бояре и всѣ лучшіе ихъ люди у великаго князя въ плѣну. Послали они къ великому князю гонца, Евстафья сотскаго, что бьютъ ему челомъ со слезами всѣ отъ мала до велика: „пожалуй, государь нашъ, великій князь Василій Ивановичъ, свою отчину старинную; а мы, сироты твои, и прежде отъ тебя не отступали и нынѣ тебѣ не противились: воленъ Богъ да ты со своею отчиною и съ нами, своими людишками".

Великій князь послалъ въ Псковъ своего дьяка Третьяка Долматова и онъ сказалъ Псковичамъ на вѣчѣ: „Если отчина моя, Псковъ, хочетъ жить по старинѣ, то должна исполнить двѣ мои воли: чтобы вѣча у васъ не было и колоколъ вѣчевой былъ бы снятъ; быть у васъ двумъ намѣстникамъ, а по пригородамъ намѣстникамъ не быть. Тогда вы въ старинѣ проживете. Если же этого не сдѣлаете, то какъ государю Богъ на сердце положитъ: много у него силы готовой, и кровопролитіе взыщется на тѣхъ, кто государевой воли не исполнитъ. Государь нашъ великій князь хочетъ побывать на поклонъ къ Св. Троицѣ во Псковъ". Сказавши это, дьякъ въ ожиданіи отвѣта сѣлъ на ступени. Псковичи ударили челомъ въ землю и долго ничего не могли сказать ему въ отвѣтъ: такъ глаза наполнились слезами; не плакали развѣ одни грудные младенцы, потому что были еще неразумны. Наконецъ Псковичи сказали: „посолъ государевъ! дастъ Богъ завтра, мы себѣ подумаемъ, завтра обо всемъ скажемъ"—и снова горько заплакали. Какъ тогда глаза не выпали у нихъ вмѣстѣ со слезами? Какъ не оборвалось сердце?

На другой день, въ воскресенье, зазвонили вѣче, пришелъ Третьякъ. Посадники Псковскіе и Псковичи стали ему говорить: „Въ лѣтописяхъ нашихъ такъ написано: — съ прадѣдами, дѣдами, и съ отцомъ великаго князя крестное цѣлованіе положено, что намъ, Псковичамъ, отъ государя своего великаго князя, кто бы

онъ ни былъ на Москвѣ, не отойти ни въ Литву, ни къ нѣмцамъ, а жить намъ по старинѣ въ добровольѣ. Отойдемъ въ Литву или къ нѣмцамъ, или отложимся отъ государя и станемъ жить сами по себѣ, то на насъ гнѣвъ Божій, голодъ, огонь, потопъ и нашествіе поганыхъ. А на государѣ великомъ князѣ тотъ же обѣтъ какъ и на насъ, если не станетъ насъ держать въ старинѣ. А теперь Богъ воленъ, да государь въ своей отчинѣ—городѣ Москвѣ, и въ насъ, и въ колоколѣ нашемъ, а мы прежней присягѣ своей не хотимъ измѣнять и на себя кровопролитіе принимать. А что государь хочетъ Св. Троицѣ помолиться, въ своей отчинѣ—Псковѣ побывать, то мы рады всѣмъ сердцемъ своему государю, что не въ конецъ погубилъ насъ".

Мѣсяца января въ 13 день, на память святыхъ мучениковъ Ермилы и Стратоника, спустили вѣчевой колоколъ у Св. Троицы и Псковичи, смотря на него, плакали по своей старинѣ и по своей волѣ. Колоколъ повезли на Снѣтогорскій дворъ у Ивана Богослова, гдѣ нынѣ дворъ намѣстника; въ ту же ночь Третьякъ повезъ его въ Новгородъ къ великому князю....

О славнѣйшій городъ Псковъ, великій изъ городовъ! Чего ты сѣтуешь, о чемъ плачешь? И отвѣчаетъ прекрасный городъ Псковъ: „Какъ мнѣ не сѣтовать, какъ мнѣ не плакать и не скорбѣть о моемъ опустѣніи! Прилетѣлъ на меня многокрылый орелъ съ крыльями, полными львиныхъ когтей, и взялъ у меня три кедра ливанскіе: красоту мою, богатство мое и дѣтей моихъ исхитилъ; по волѣ Божіей, за грѣхи наши землю опустошилъ, городъ нашъ разорилъ, людей моихъ плѣнилъ, торжища мои раскопалъ, отцовъ и братьевъ нашихъ развелъ туда, гдѣ не бывали отцы и дѣды и прадѣды наши"... Тогда многіе въ городѣ постригались въ монахи, а жены въ монахини, лишь бы не уходить изъ родного города. Нынѣ же, братіе, убоимся страшнаго сего наказанія, припадемъ къ Господу своему, исповѣдуя грѣхи свои, чтобы не навлечь на себя еще большій гнѣвъ Господа, не навести на себя казни большей, чѣмъ первая. Онъ еще ждетъ нашего покаянія и обращенія, а мы не только не покаялись, но и склоняемся на бо́льшіе грѣхи; на ложные доносы, злыя дѣла, на ссоры и неразумное кричаніе на вѣчахъ, когда голова не вѣдаетъ, что языкъ говоритъ; своего дома управить не умѣемъ, а городомъ владѣть хотимъ. Отъ самоволія и несогласія другъ съ другомъ и были на насъ всѣ эти бѣды.

Стоглавъ.

1. **Объ устройствѣ училищъ по всѣмъ городамъ** (гл. 26).... И мы о томъ на церковномъ совѣщаніи соборнѣ положили, чтобы въ

царствующемъ городѣ Москвѣ и по всѣмъ городамъ протопопы, старѣйшіе священники со всѣми другими священниками и діаконами, каждый въ своемъ городѣ, по благословенію своего святителя, избирали добрыхъ священниковъ и діаконовъ и причетниковъ, женатыхъ и благочестивыхъ, имѣющихъ въ сердцѣ страхъ Божій, могущихъ и другихъ научить грамотѣ—гораздыхъ читать и писать; чтобы тѣ священники и діаконы въ своихъ домахъ устроили училища и чтобы священники и діаконы и всѣ православные христіане въ каждомъ городѣ отдавали туда дѣтей своихъ для обученія книжному письму, церковному пѣнію псалтырному и чтенію при налоѣ. А чтобы тѣ священники, діаконы и избранные причетники учили своихъ учениковъ страху Божію, и грамотѣ учили бы ихъ—письму, пѣнію и чтенію со всякимъ наказаніемъ духовнымъ. А учили бы они своихъ учениковъ грамотѣ достаточно, сколько сами умѣютъ: изъясняли бы имъ смыслъ Св. Писанія, по данному имъ отъ Бога таланту, ничего не скрывая, чтобы ученики изучали всѣ книги, какія принимаетъ соборная св. Церковь, чтобы потомъ на будущее время не только сами себя, но и другихъ могли наставлять и внушать имъ страхъ Божій...

2. **О святыхъ иконахъ и объ исправленіи книгъ** (гл. 27). Протоіереямъ и старшимъ священникамъ, вмѣстѣ со всѣми священниками въ каждомъ городѣ, осматривать по всѣмъ церквамъ св. иконы и священные сосуды, а на святыхъ престолахъ—антиминсы; также осматривать свящ. книги—евангелія и апостолъ и прочія церковныя книги, которыя принимаетъ соборная Церковь. Если гдѣ найдены будутъ св. иконы уже старыя, то отдавать ихъ иконописцамъ въ починку, а которыя будутъ мало олифлены, то велѣть олифить (покрывать вареным масломъ съ краскою). А если гдѣ найдутся св. книги — евангелія, апостолы и псалтыри и прочія книги неисправныя и съ описками, то пусть протопопы и старѣйшіе священники соборнѣ (сообща) исправятъ такія книги, руководясь хорошими переводами (т. е. списками), потому что свящ. правила запрещаютъ даже вносить въ церковь неисправленныя книги, не только пѣть по нимъ.

3. **О книжныхъ писцахъ** (гл. 28). Приказывать писцамъ, которые по городамъ книги пишутъ, чтобы они писали съ добрыхъ переводовъ и, по написаніи, непремѣнно исправляли вновь написанные экземпляры, и тогда-то уже продавали; а неисправленныхъ списковъ отнюдь не продавать и никому не покупать, подъ опасеніемъ запрещенія. Если же, не смотря на запрещеніе, неисправленныя книги будутъ кѣмъ-либо проданы и куплены,... то

книги эти отбирать даромъ и, по исправленіи, отдавать въ тѣ церкви, которыя бѣдны книгами.

4. **О тафьяхъ безбожнаго Магомета** (гл. 39). Чтобы на будущее время всѣ православные цари и князья, бояре и прочіе вельможи и всѣ православные христіане приходили въ соборныя церкви и въ прочія св. церкви, ко всякой божественной службѣ, безъ тафей и безъ шапокъ, и стояли на молитвѣ со страхомъ и трепетомъ, съ непокрытыми головами, какъ говоритъ божественный Апостолъ. Чтобы отнынѣ на будущее время православные христіане въ тафьяхъ не являлись, ибо недостойно православнымъ христіанамъ держать такое преданіе безбожнаго Магомета. Священныя правила запрещаютъ православнымъ вводить поганскіе обычаи. Въ каждой странѣ, говорятъ они, свои законы и отеческія преданія, которыя и не должны переходить отъ одной страны къ другой, но каждый законъ хранитъ свои обычаи. Мы же, православные, получивши отъ Бога истинный законъ, осквернились беззаконіями разныхъ странъ, принявъ отъ нихъ злые обычаи... За таковые наши грѣхи Богъ и наказываетъ насъ.

5. **Соборный отвѣтъ объ иконописцахъ и о честныхъ иконахъ** (гл. 43). Въ царствующемъ городѣ Москвѣ и по всѣмъ городамъ митрополиту, архіепископамъ и епископамъ заботиться о многоразличныхъ церковныхъ чинахъ, особенно же о св. иконахъ и иконописцахъ, чтобы они тщательно писали тѣлесное изображеніе Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и Пречистой Его Богоматери и небесныхъ силъ и всѣхъ отъ вѣка угодившихъ Богу. Иконописцамъ быть смиренными, кроткими, благоговѣйными, не празднословами, не смѣхотворами, не сварливыми, не завистливыми, не пьяницами, не грабителями, не убійцами; особенно же хранить чистоту душевную и тѣлесную. Тѣ же, которые не могутъ до конца такъ оставаться, пусть женятся по закону и часто приходятъ къ отцамъ своимъ духовнымъ, исповѣдуются во всемъ и живутъ по ихъ наставленію, въ постѣ и молитвахъ и въ воздержаніи съ смиренномудріемъ, безъ всякаго зазора безчинства. И чтобы они съ великимъ стараніемъ писали образъ Господа нашего Іисуса Христа и Пречистой Его Богоматери, святыхъ пророковъ и апостоловъ, священномучениковъ и св. мученицъ, преподобныхъ женъ и святителей, и преподобныхъ отецъ,—писали ихъ изображенія по образу и по подобію, по существу (т. е. по принятымъ въ Греко-русской иконописи образцамъ), смотря на образъ древнихъ иконописцевъ, съ хорошихъ образцовъ... Такихъ иконописцевъ царю жаловать, святителямъ беречь и уважать болѣе, чѣмъ простыхъ людей. Такимъ живописцамъ принимать къ

себѣ учениковъ, обучать ихъ своему искусству и благочестію,... а по окончаніи обученія приводить успѣвшихъ учениковъ къ мѣстному святителю,... чтобы онъ благословилъ ихъ на дѣло иконописанія... А который мастеръ назоветъ искуснымъ и по всему достойнымъ такого ученика, который начнетъ писать худо и жить безчинно, и будетъ показывать (мастеръ) не его работу,— святитель полагаетъ такого мастера подъ запрещеніе. И если мастеръ изъ зависти похулитъ ученика дѣйствительно искуснаго и достойнаго по жизни, то святитель полагаетъ мастера подъ запрещеніе... Если кто изъ мастеровъ—живописцевъ или ихъ учениковъ начнетъ жить не по правиламъ, въ пьянствѣ, нечистотѣ и всякомъ безчинствѣ, то святители полагаютъ таковыхъ подъ запрещеніемъ и отлучаютъ отъ иконнаго дѣла... Тѣмъ, которые дотолѣ писали иконы неучася и самовольно (по собственной своей догадкѣ) и промѣнивали простымъ людямъ, невѣждамъ — поселянамъ, запретить это, пока не научатся отъ добрыхъ мастеровъ; кто научится писать иконы правильно, пусть пишетъ; а которому Богъ не дастъ научиться, пусть навсегда оставитъ это занятіе,... иначе подвергнется царскому гнѣву и суду. Если же такіе иконописцы станутъ говорить: „мы съ этого живемъ и питаемся", то не слушать ихъ, ибо они не понимая говорятъ такъ и грѣха себѣ въ этомъ не видятъ. Не всѣмъ быть иконописцами: много и другихъ ремеслъ, отъ которыхъ человѣкъ можетъ питаться, кромѣ иконописи, а Божіи образа въ укоръ и въ поношеніе нельзя давать... Архіереи, каждый въ своей области, должны избрать нарочитыхъ мастеровъ—иконописцевъ и чрезъ нихъ имѣть постоянное наблюденіе за всѣми иконописцами, чтобы между ними не было худыхъ и безчинныхъ... и чтобы они писали съ древнихъ образцовъ, а отъ своего измышленія и по своей собственной догадкѣ божества не описывали.

6. **Изъ статьи о тридцати двухъ царскихъ вопросахъ, и соборные отвѣты, по главамъ, на томъ же соборѣ. Вопросъ** 16. На мірскихъ свадьбахъ играютъ скоморохи, и когда къ церкви вѣнчаться ѣдутъ, священникъ съ крестомъ ѣдетъ, а предъ нимъ скоморохи съ играми бѣсовскими рыщутъ; и священники имъ этого не запрещаютъ.

Вопросъ 17. Православные ведутъ тяжбы, а нѣкоторые неправильно тяжутся: сдѣлавши ложный доносъ, крестъ цѣлуютъ или образа святыхъ; на полѣ бьются (судебный поединокъ) и кровь проливаютъ. А волхвы и чародѣи отъ бѣсовскихъ наученій пособіе имъ творятъ: творятъ чарованія, въ Аристотелевы Врата (такъ называется здѣсь пользовавшееся извѣстностью въ средніе вѣка сочиненіе Тайная Тайныхъ—Secretum secretorum) и въ Рафли (старин-

ныя гадательныя книги) смотрятъ, наблюдаютъ по звѣздамъ и по планетамъ, замѣчаютъ дни и часы (по книгѣ Путникъ), и этими дьявольскими дѣйствіями міръ прельщаютъ и отъ Бога отлучаютъ. И надѣясь на эти чарованія, ложный доносчикъ и ябедникъ не мирится, и крестъ цѣлуетъ, и на полѣ бьется, и сдѣлавши ложный доносъ убиваетъ.

Вопросъ 20. Дѣти боярскіе и люди боярскіе и всякіе бражники (гуляки) зернью играютъ, пьянствуютъ, ни службы не служатъ, ни промышляютъ, и много зла творятъ, иногда даже грабятъ и разбойничаютъ: это зло слѣдуетъ искоренять.

Вопросъ 21. По селамъ и деревнямъ ходятъ лживые пророки и пророчицы, мужики и бабы, иногда обнаженныя, распустивъ волосы, трясутся и убиваются и говорятъ, что имъ является св. Пятница и св. Анастасія и велятъ объявлять хвистіанамъ, чтобы они завѣщали кануны [пѣснопѣнія въ похвалу Пятницѣ и Недѣлѣ (Анастасіи 'Αναστασις), а также питье, сваренное въ ихъ честь]. Онѣ же заповѣдуютъ христіанамъ въ среду и пятницу ручного дѣла не дѣлать, женщинамъ не прясть, не мыть, камней не разжигать...

Вопросъ 22. Держатъ еретическія (отреченныя) книги: Рафли, Шестокрылъ, Воронограй, Остdouномій (Астрологія), Зодій („сказаніе о двоюнадесяти Зодіихъ), Альманахъ (календарь съ предсказаніями и примѣтами), Звѣздочетьи („Мудрость знаменію небесному, почему разсудити планиты небесныя, что на кой годъ будетъ“), Аристотелевы Врата и другіе составы и мудрости еретическія и гаданія бѣсовскія и всякія прелести, которыя отъ Бога отлучаютъ; и вѣруя въ тѣ прелести, многіе люди отъ Бога отдаляются и погибаютъ.

Вопросъ 23. Въ Троицкую субботу по селамъ и по погостамъ сходятся мужчины и женщины на жальникахъ (общія могилы въ лѣсу, въ которыхъ хоронили самоубійцъ и мертворожденныхъ дѣтей) и плачутъ тамъ, поднимая сильный крикъ. И когда заиграютъ скоморохи и гусельники, они, переставши плакать, начнутъ скакать и плясать, бить въ ладони и пѣть сатанинскія пѣсни; тамъ же собираются обманщики и мошенники.

Вопросъ 24. Устраиваютъ языческія игры наканунѣ Ивана Купалы (24 іюня); а въ навечеріе Рождества Христова и Богоявленія сходятся мужчины и женщины и дѣвицы на ночной крикъ и на безчинный говоръ, на бѣсовскія пѣсни, пляску, скаканіе и другія богомерзкія дѣла... И когда пройдетъ ночь, отправляются съ великимъ крикомъ, какъ бѣсноватые, къ рѣкѣ и умываются

водой; а когда начнутъ звонить къ заутренѣ, тогда расходятся по домамъ и падаютъ тамъ какъ мертвые.

Вопросъ 25. А на великъ день (Пасха) бываетъ окличка (окликиваютъ съ разными причитаніями весну, покойниковъ); тоже бываетъ на Радуницѣ (вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ); справляютъ Вьюнецъ (особаго рода обрядъ, хороводъ съ играми, справляется въ субботу на Святой недѣлѣ у молодыхъ, обвѣнчавшихся въ томъ же году).

Вопросъ 26. Въ Великій четвертокъ рано утромъ солому жгутъ и мертвыхъ кличутъ; нѣкоторые же невѣгласы (невѣжи) попы кладутъ въ Великій четвертокъ соль подъ престолъ и держатъ тамъ до седьмого четверга по Пасхѣ, а потомъ даютъ на врачеваніе людямъ и скотамъ.

Вопросъ 27. Въ первый понедѣльникъ Петрова поста ходятъ въ рощи и въ Наливки (урочище въ Москвѣ) и совершаютъ тамъ бѣсовскія потѣхи.

Домострой Сильвестра.

1. (Гл. 1). ...Даю писаніе на память и вразумленіе вамъ и чадамъ вашимъ. Если наставленія нашего не послушаете и не станете слѣдовать ему, и будете поступать не такъ, какъ здѣсь писано, то дадите за себя отвѣтъ въ день страшнаго суда, а я вашему грѣху непричастенъ...

2. **Какъ нужно почитать царя и князя** (гл. 7). Царя бойся и служи ему вѣрою, и всегда о немъ моли Бога, отнюдь не криви передъ нимъ душою, но покорно всегда истину отвѣчай ему, какъ самому Богу, во всемъ повинуйся ему. Если земному царю будешь служить правдою и бояться его, то научишься и Небеснаго Царя бояться; тотъ—царь временный, этотъ—вѣчный и судья безпристрастный: каждому воздастъ по заслугамъ. Также и князьямъ покоряйся и должную честь воздавай имъ... Апостолъ Павелъ говоритъ: всѣ власти отъ Бога; кто власти противится, тотъ Божію повелѣнію противится. А царю и князю, и всякому вельможѣ не старайся служить ложью, клеветою и лукавствомъ: погубитъ Богъ всѣхъ, говорящихъ ложь. Старѣйшимъ тебя честь воздавай; среднихъ какъ братью почитай, слабосильныхъ и скорбныхъ съ любовью привѣтствуй, юнѣйшихъ какъ дѣтей люби и всякому созданію Божію не лихъ будь. Славы земной ни въ чемъ не желай, вѣчныхъ благъ проси у Бога, всякую скорбь и притѣсненіе терпи, за обиды не мсти, зла за зло не воздавай, согрѣшающихъ не осуждай, всегда вспоминай о своихъ грѣхахъ, не слушай совѣта злыхъ людей, будь ревнитель тѣхъ, которые пра-

ведно живутъ, и дѣла ихъ всегда носи въ сердцѣ, стараясь и самъ поступать такъ же.

3. **Какъ украсить свой домъ святыми образами и держать его въ чистотѣ** (гл. 8). Въ дому своемъ, всякому христіанину во всякой храминѣ святые и честные образа ставить на стѣнахъ, устроивъ благолѣпно мѣсто со всякимъ украшеніемъ и со свѣтильниками, на которыхъ зажигаются свѣчи передъ образами. Послѣ молитвы и пѣнія погашаются и завѣсой закрываются отъ нечистоты и пыли. Всегда чистымъ крылышкомъ или мягкой губкою вытирать ихъ; а къ святымъ иконамъ прикасаться достойнымъ, съ чистою совѣстью. На славословіи Божіи и на святомъ пѣніи, и на молитвѣ свѣчи зажигать и кадить благовоннымъ ладаномъ и ѳиміамомъ...

4. **Какъ мужу съ женою и съ домочадцами въ домѣ своемъ молиться** (гл. 12). Каждый день вечеромъ мужъ и жена, съ дѣтьми и съ домочадцами, кто грамотѣ умѣетъ, должны отпѣть вечерню, повечерницу, полунощницу, съ молчаніемъ, и со вниманіемъ, съ молитвою и поклонами; пѣть внятно и единогласно. Послѣ правила отнюдь не пить и не ѣсть и не разговаривать. Ложась спать, всякій христіанинъ долженъ положить три поклона въ землю предъ Богомъ, а въ полночь всегда, тайно вставъ, со слезами, прилежно помолиться о своемъ согрѣшеніи, сколько можетъ; утромъ отпѣть заутреню и часы, а въ праздничные дни—и молебенъ.

5. **Какъ дѣтей своихъ воспитывать въ наказаніи и страхѣ Божіемъ** (гл. 15). А пошлетъ Богъ дѣтей, сыновей или дочерей, отецъ и мать должны имѣть попеченіе о нихъ, беречь ихъ и воспитывать въ добромъ наказаніи, учить ихъ страху Божію и вѣжеству и всякому благочинію, а въ свое время, смотря по возрасту, учить и рукодѣлью, кто къ чему способенъ, кому какой далъ Богъ смыслъ; любить ихъ, и беречь, и спасать страхомъ,... и возлагать на нихъ раны: наказывай дѣтей въ юности, и они будутъ поить тебя на старости твоей; отцы должны заботиться о тѣлесной чистотѣ дѣтей своихъ, хранить ихъ отъ всякаго грѣха какъ зѣницу ока, какъ свою душу. Если дѣти согрѣшаютъ, то по небрежности отца и матери и за грѣхи дѣтей они дадутъ отвѣтъ въ день страшнаго суда. А если родители не будутъ заботиться о дѣтяхъ, не будутъ наставлять ихъ, и если эти согрѣшатъ или какое зло причинятъ, то отцамъ и матерямъ будетъ грѣхъ передъ Богомъ, а отъ людей за это укоризны и насмѣшки... Дѣти, воспитанныя богобоязненными, разумными и благоразсудительными родителями въ страхѣ Божіемъ и въ добромъ наказаніи и ученіи, наученныя всякому разуму и вѣжеству и промыслу и рукодѣлію,—бываютъ

отъ Бога помилованы, священный чинъ ихъ благословляетъ, а добрые люди ихъ хвалятъ.

6. **Какъ дѣтей учить и страхомъ спасать** (гл. 17). Казни сына своего отъ юности его, и онъ успокоитъ тебя на старость твою и дастъ красоту душѣ твоей. И не ослабѣй, бія младенца. Если его жезломъ бьешь, то не умретъ, но здравѣе будетъ: бія его по тѣлу, ты душу его избавляешь отъ смерти. Любя же сына своего, учащай ему раны, чтобы послѣ ты возвеселился о немъ. Наказывай сына въ юности его, да возрадуешься о немъ въ мужествѣ его; и среди злыхъ будешь хвалиться, и позавидуютъ тебѣ враги твои. Воспитай дѣтище угрозами,... не смѣйся, когда играешь съ нимъ,... не давай ему власти въ юности, но сокрушай ему ребра, пока онъ растетъ; потому что послѣ, когда онъ ожесточится, онъ уже не будетъ повиноваться тебѣ...

7. **Какъ всякому человѣку рукодѣльничать и всякое дѣло дѣлать, благословясь** (гл. 19). Въ домашнемъ обиходѣ и вездѣ всякій человѣкъ, хозяинъ или его жена, сынъ или дочь, или слуги, и всякій мастеровой человѣкъ, старый и молодой, долженъ всякое дѣло начинать и за всякое рукодѣлье приниматься... очистивъ себя предварительно отъ всякой скверны, руки умывъ чисто, и долженъ прежде трижды поклониться святымъ до земли...; кто знаетъ, долженъ прочитать «Достойно» до конца... и молитву Іисусову, и перекрестившись сказать: «Господи благослови отче»; тогда уже браться за дѣло. Такому человѣку Божія помощь споспѣшествуетъ, ангелы невидимо помогаютъ, а бѣсы отъ него отбѣгаютъ; такое дѣло и Богу въ честь, и душѣ на пользу... А дѣло дѣлать съ молитвою и съ доброю бесѣдою, или въ молчаніи; если же будешь дѣлать что-нибудь и произносить праздныя или хульныя слова, или роптать, или смѣяться, или кощунствовать, или пѣсни бѣсовскія пѣть, то отъ такого дѣла милость Божія отступитъ, ангелы со скорбію отойдутъ и возрадуются нечестивые демоны, видя, что ихъ желанія исполняются безумными христіанами; тогда приступятъ лукавые и будутъ внушать всякую злобу и всякую вражду и ненависть, и станутъ располагать помыслы на гнѣвъ, на всякое кощунство и на всякое злое дѣло. Такое дѣло уже не споро,... Богу оно во гнѣвъ, а людямъ неблагословенное, непотребное, не мило оно и не прочно; ѣда и питье тогда не вкусно и не сладко, только врагу (діаволу) и его слугамъ угодно и сладдо, и въ радость...

8. **Какъ христіанамъ лѣчиться отъ болѣзней и отъ всякихъ скорбей** (гл. 23). Если Богъ пошлетъ на кого болѣзнь или какую скорбь, то врачеваться Божіею милостью, да слезами и молитвою и по-

стомъ, и милостынею къ нищимъ, да истиннымъ покаяніемъ... Если кого чѣмъ обидѣлъ,—отдать вдвое и впредь не обидѣть, да отцовъ духовныхъ, священниковъ и монаховъ просить помолиться и молебны пѣть, и воду святить честнымъ животворящимъ крестомъ, и масломъ святиться, да по святымъ мѣстамъ обѣщаться,—чрезъ это можно получить отъ Бога исцѣленіе различныхъ недуговъ; но впередъ отъ всякихъ грѣховъ удаляться, никакого зла не творить, заповѣди отцовъ духовныхъ хранить, эпитиміи исполнять... Но мы, видя Божіе наказаніе на себѣ и болѣзни тяжкія за премногіе грѣхи наши и оставя Бога, создавшаго насъ, и милости, и прощенія грѣховъ не требуя отъ Него, призываемъ къ себѣ чародѣевъ и кудесниковъ, да волхвовъ, да зелейниковъ, съ кореньями. Отъ нихъ ожидаемъ себѣ помощи временной и готовимъ себя дьяволу во вѣки мучиться. О, безумные! Не разсуждаемъ о своихъ грѣхахъ, за что Богъ насъ наказываетъ, не каемся въ нихъ, не оставляемъ всякихъ неподобныхъ дѣлъ, но желаемъ тлѣннаго и временнаго....

9. **Какъ мужъ долженъ поучать свою жену** (гл. 29). Мужья должны поучать своихъ женъ съ любовію и благоразсуднымъ наказаніемъ; жены спрашиваютъ мужей своихъ о всякомъ благочиніи: какъ спасти душу и угодить Богу, какъ устроять домъ и во всемъ покоряться мужу, и что онъ накажетъ, должны принимать и творить со страхомъ и любовію. Прежде всего жена должна имѣть страхъ Божій и хранить тѣлесную чистоту. Проснувшись съ разсвѣтомъ, она обязана дать всѣмъ людямъ работу и указать порядокъ на весь день: какія кушанья варить и какіе хлѣбы печь: ситные и рѣшетные; она должна знать, какъ муку сѣять, какъ квашню поставить, какъ тѣсто мѣсить, какъ печь хлѣбы,... пироги, калачи... и сколько выйдетъ чего изъ четверти, изъ осмины или изъ рѣшета и сколько высѣвокъ, должна знать мѣру и счетъ во всемъ и беречь все: когда хлѣбы печь, тогда и платье мыть,—стряпня за однимъ разомъ и дровамъ неубыточно. Жена должна смотрѣть, какъ хорошія рубахи моютъ и лучшее платье, сколько мыла идетъ и золы, и на сколько рубашекъ... Всякое платье верхнее и нижнее должно быть вымыто, а ветхое акуратно зашито и заплатано,—тогда и людямъ пригоже посмотрѣть, и себѣ мило и прибыльно, и сиротинѣ можно дать во спасеніе души... Когда хлѣбы пекутъ, то велѣть отъ тѣста отнять и пироговъ начинить, а если пшеничное пекутъ, то изъ остатковъ велѣть пироговъ надѣлать для семьи: въ скоромные дни съ скоромною начинкою, какая случится, а въ постные дни съ кашею, или съ горохомъ, или съ рѣпою, или съ грибами, или съ капустой.

И чтобы жена сама знала и умѣла готовить всякія кушанья, мясныя и рыбныя, и всякіе хозяйственные запасы, скоромные и постные, умѣла бы и слугъ своихъ научить. Чтобы она знала, какъ дѣлаютъ пивной, медовый, и винный и бражный, квасной и уксусный и всякій обиходъ, что въ чемъ родится и сколько изъ чего выходитъ. Если все это знаетъ добрая жена добраго мужа,... то все у ней будетъ споро и всего будетъ полно... А сама хозяйка отнюдь не должна сидѣть безъ дѣла, а то и слугамъ, смотря на нее, будетъ повадно. Мужъ ли придетъ, гостья ли обычная—всегда бы надъ рукодѣльемъ сидѣла: отъ этого ей честь и слава, а мужу похвала. Она не должна допускать, чтобы ее будили слуги; напротивъ, она должна будить ихъ.

10. **Добрая жена все бережетъ** (гл. 30). У доброй домовитой жены со слугами много бываетъ надѣлано полотенъ, узчинъ (узкихъ тканей) и холстовъ; что къ чему годится; одно окрашено на лѣтники (легкая одежда, которую носили женщины подъ верхнимъ платьемъ), на кафтаны, на сарафаны, на терлики (длинная до пятокъ, одежда съ короткими рукавами и съ перехватомъ, или лифомъ) и на покрышку для шубъ, другое у ней для домашняго обихода перекрашено и перешито. А если сверхъ домашняго обихода будутъ лишнія полотна, или узчины, или холстъ, или скатерти, или полотенца, или ширинки (небольшой платокъ у женщинъ на шеѣ), или иное что, то можно и продать: понадобится что нибудь купить, не нужно будетъ у мужа просить.. А придется дѣлать рубахи или женскія платья, то все самой (хозяйкѣ) кроить или дать при себѣ кроить, и всякіе остатки и обрѣзки—все было бы прибрано, мелкое въ мѣшечкахъ, а остатки свернуты и связаны, и все было бы припрятано. Понадобится починить старое платье,—и есть куски, и не надо отыскивать матеріи на рынкѣ; а если придется по рынку искать, то устанешь, подбираючи; приберешь, то втрое заплатишь, а то и совсѣмъ не приберешь.

11. **Каждый день жена должна совѣтоваться съ мужемъ обо всемъ.** (гл. 34). Каждый день жена должна спрашиваться мужа и совѣтоваться съ нимъ о чемъ нужно, а въ гости ходить и къ себѣ звать, съ кѣмъ мужъ велитъ; когда случится быть гостьѣ или самой придется сидѣть гдѣ нибудь за столомъ, надѣвать лучшее платье; жена должна беречься отъ пьянаго питія; пьяный мужъ дурно, а жена пьяная въ міру не пригоже. Съ гостями она должна бесѣдовать о рукодѣльѣ и домашнемъ строеніи, какъ порядокъ вести и какое рукодѣльице сдѣлать, и кто что укажетъ, на томъ низко челомъ бить... Съ такими добрыми женами слѣдуетъ сходиться, не для

ѣды или питья, но ради доброй бесѣды и для того, чтобы научиться отъ нихъ; внимательно слушать ихъ, а не пересмѣхаться, не переговаривать ни о комъ; если же иногда спросятъ о чемъ про кого нибудь, начнутъ выпытывать, то отвѣчать имъ: «не знаю я ничего и не слыхала, и сама о ненадобномъ не спрашиваю; ни княгинь, ни боярынь, ни сосѣдей не пересужаю».

12. **Какъ слугъ наказывать** (гл. 35). Слугамъ своимъ заповѣдуй о людяхъ не переговаривать, и если слуги были гдѣ и видѣли что недоброе,—того не сказывали бы дома, и что дома дѣлается, того у чужихъ людей не разсказывали бы... Если придется посылать куда сына или слугу—сказать что либо или сдѣлать, или что купить,—то ты вороти его и выспроси, и только когда онъ повторитъ все передъ тобою, какъ ты ему сказывалъ, тогда пошли. А питье посылать вполнѣ, и кушанья также; тогда слуга не можетъ солгать; а товаръ посылай смѣтивъ или смѣривъ, а деньги сосчитавъ, а что можно свѣсить, свѣсивъ; а всего лучше запечатать... Слуга, пришедши къ дому, куда посланъ, у воротъ долженъ легонько постучать, а когда пойдетъ по двору, и станутъ его спрашивать, съ какимъ дѣломъ идетъ, то слуга не долженъ говорить, а можетъ отвѣтить: «Не къ тебѣ посланъ, а къ кому посланъ, съ тѣмъ мнѣ и говорить». У сѣней слуга долженъ ноги отереть, носъ высморкать, выкашляться и молитву сотворить; если аминя не отдадутъ, то въ другой разъ сотворить молитву и въ третій... Какъ впустятъ, святымъ иконамъ поклониться дважды, а третій поклонъ хозяину отдать и править то дѣло, съ какимъ посланъ; и въ то время въ носу не копать перстомъ, не кашлять, не сморкаться, не харкать, не плевать; если же что нужно, отошедши въ сторону поправиться; стоять вѣжливо и на сторону не смотрѣть; но править то, что наказано; ни о чемъ другомъ не бесѣдовать, но скорѣе итти къ себѣ и сказать отвѣтъ хозяину, который послалъ. А случится быть гдѣ нибудь въ подворьѣ или въ кельѣ, при хозяинѣ или безъ него,—никакой вещи, ни доброй, ни худой, ни дорогой, ни дешевой, не ворошить, и не смотрѣть безъ позволенія, съ мѣста на мѣсто не переставлять безъ приказанія, и съ собою ничего не брать и не уносить безъ позволенія; ѣды и питья также не ѣсть, чего не велѣно...

13. **Какъ хозяйство въ избѣ устроить хорошо и чисто** (гл. 38). Столъ, и блюда, и ставцы (деревянные или глиняные сосуды съ крышкою), и ложки, и всякую посуду, и ковши и братины (сосуды для питья) утромъ согрѣвъ воды перемыть, вытереть и высушить; тоже дѣлать послѣ обѣда и вечеромъ. А ведра, и ночевки (отлогій лотокъ), и квашни, и корыта, и сита, и рѣ-

шета, и горшки, и кувшины, и карчаги, — также вымыть, и выскресть, и вытереть, и высушить, и положить въ чистомъ мѣстѣ; и чтобы по лавкамъ и по двору, и хоромамъ посуда не валялась, но въ чистомъ мѣстѣ лежала, опрокинутая ницъ; а въ какой посудѣ ѣда или питье, — и та посуда была бы накрыта... Избу и стѣны, и лавки, и скамьи, и полъ, и окна, и двери, и въ сѣняхъ, и на крыльцѣ — вымыть и вытереть, и выместь, и выскресть, чтобы всегда было чисто; лѣстницы и нижнее крыльцо чтобы всегда было вымыто и вытерто и выметено, а передъ нижнимъ крыльцомъ сѣна положить, чтобы грязныя ноги утирать; и въ сѣняхъ передъ дверями рогожку или войлокъ положить: ноги грязныя утирать, чтобы пола не грязнить. Въ грязную погоду у нижняго крыльца сѣно или солому слѣдуетъ перемѣнять, а у дверей перемѣнять рогожку или войлокъ, или чистую подстилку положить, а грязную прополоскать и высушить; опять подъ ноги пригодится. У добрыхъ людей, у порядливой жены всегда домъ чистъ и устроенъ, все на мѣстѣ; спрятано, что нужно, причищено и приметено; какъ въ рай войти!.. Если жена внимательна и все творитъ такъ, какъ должна, мужъ любитъ ее и жалуетъ; а если жена по сему наученію и наказанію не живетъ, сама всего не знаетъ и не дѣлаетъ и слугъ не учитъ; то мужу слѣдуетъ наказывать свою жену наединѣ и пользовать страхомъ, да, по наказаніи, пожаловать и примолвить; а гнѣваться другъ на друга они не должны, но всегда жить въ любви и чистосердечіи. Равно слугъ и дѣтей, смотря по винѣ и по дѣлу, учить, наказывать и раны возлагать... Если жена или сынъ, или дочь не слушаетъ приказаній и наставленій, и не боится, то мужъ или отецъ долженъ учить ихъ уму-разуму и плетью постегать, по винѣ смотря, и не передъ людьми; а поучивъ примолвить и пожаловать, и никакъ не гнѣваться другъ на друга. А про всякую вину по уху и по лицу не бить, ни кулакомъ подъ сердце, ни пинкомъ, ни посохомъ не колоть... Кто съ сердца или съ кручины такъ бьетъ, многія притчи отъ того бываютъ: слѣпота и глухота, и руку иному вывихнетъ, и головная боль, и зубная болѣзнь... А плетью съ наказаніемъ осторожно бить — и разумно, и больно, и страшно, и здорово... А только если великая вина, — за ослушаніе и небреженіе, то плетью вѣжливенько бить, за руки держа, по винѣ смотря, да побивъ и примолвить, а гнѣвъ никакъ бы не былъ...

14. **Самъ хозяинъ или тотъ, кому онъ прикажетъ, долженъ покупать годовой запасъ и всякій товаръ** (гл. 40). Приказный человѣкъ, дворецкій или ключникъ, кому довѣрено, или самъ хозяинъ, всегда долженъ смотрѣть на торгу всякій запасъ для домашняго обихода:

хмѣль и масло, мясной и рыбный запасъ, свѣжій и соленый, или какіе привозные товары, лѣсной запасъ и всякій товаръ, который идетъ изъ другихъ земель. Когда чего навезли, или когда чего много и дешево у пріѣзжихъ людей и у своихъ, въ тѣ поры и закупать на весь годъ: можно купить тогда дешевле цѣлою четвертью рубля; у закупщика же покупать стоитъ дороже, а не въ пору станешь покупать, то и вдвое заплатишь, да и купишь не то, что нравится. И который запасъ или товаръ не портится долго, и если дешево,—то и слишкомъ купить: что нужно, оставить для своего обихода, а лишнее во время можно продать, коли дорого: такъ иногда свой обиходъ прибыльно пролѣзетъ. Такъ-то ведется у добрыхъ людей, у добраго хозяина, домовитаго и разсудительнаго... А придется купить у кого что нибудь, много или мало, у пріѣзжаго ли купца, или у крестьянина, или у здѣшняго торговаго человѣка,—торгуй полюбовно, а деньги плати въ руки. Потомъ, смотря по человѣку и по покупкѣ, можно и угостить его хлѣбомъ да солью и питьемъ; въ этомъ убытка для тебя не будетъ, а впереди дружба и знакомство: помимо тебя другому хорошаго товара не продастъ, и лишняго не возьметъ, и худого не дастъ.

15. **Самъ хозяинъ долженъ осматривать погреба, ледники, житницы, сушильни, амбары, конюшни** (гл. 58). А на погребахъ и на ледникахъ, и въ житницахъ, и въ сушильняхъ, и въ клѣтяхъ (холодная изба, гдѣ хранится имущество), и въ амбарахъ, и въ конюшняхъ, каждый день, вечеромъ, самому хозяину все пересмотрѣть... и разузнать: сколько чего есть, всему ли есть мѣра, и счетъ, и запись; и все то смѣтить и сообразить самому; сколько чего сдѣлано и сколько чего разошлось, и кому что отдано, и сколько чего съѣдено и выпито. Въ одинъ вечеръ ключника, въ другой—хлѣбника, а въ иной пивовара и конюха повѣрять во всемъ; а ключникъ чтобы тутъ же былъ. Если вездѣ стройно, по наказу все соблюдено, счетъ сойдется, того за его службу жаловать; а если кто не бережетъ хозяйское добро,—потерялъ что-нибудь, или испортилъ, или солгалъ, или укралъ,—того, смотря по винѣ, наказывать и налагать на него штрафъ. — А хозяинъ или его жена, или ключникъ, или ключница, вставши утромъ всякій день должны прежде всего пройтись по двору и осмотрѣть вездѣ замки, а гдѣ есть печати, то и печати осмотрѣть: если все цѣло, то хорошо; а если гдѣ худо замкнуто, или замокъ испорченъ, или не замкнуто, или печать испорчена, или худо запечатано, то влѣзши въ ту хоромину, должно самому все пересмотрѣть. Если воры были, то узнать: свои украли, или же по небрежности худо было

замкнуто, и потомъ, смотря по винѣ, и бранить, и наказывать, и обыскивать; кто гдѣ ночевалъ, и что какъ случилось, такъ и управу чинить. А вечеромъ также все обойти и осмотрѣть: не заронили ли гдѣ огня. На погребѣ и на ледникѣ вечеромъ и утромъ осмотрѣть, крѣпко ли прибиты гвозди, не подтекаетъ ли въ уторы (сплошная вырѣзка въ одномъ или обоихъ концахъ бочки или боченка, куда вставляется дно) и въ лады (пазъ между досками), и дномъ гдѣ не каплетъ ли; вездѣ ли чисто и въ разсолѣ, и не заплѣсневѣло и не загнилось, и покрыто, и перечищено, и перебрано...

16. **Посланіе и наказаніе отъ отца къ сыну** (гл. 64). Ты видѣлъ, сынъ мой, какъ я жилъ въ этомъ житіи, въ благословеніи и страхѣ Божіемъ, въ простотѣ сердца и церковномъ прилежаніи, всегда со страхомъ пользуясь божественнымъ писаніемъ. Видѣлъ ты, какъ Божіею милостію отъ всѣхъ я былъ почитаемъ и всѣми любимъ, какъ всякому я старался угодить въ потребныхъ случаяхъ; и трудомъ, и услугою, и покорностью, а не гордынею, не прекословіемъ; не осуждалъ никого, не пересмѣивалъ, не укорялъ, не бранивался ни съ кѣмъ, а случалась отъ кого обида, и мы Бога ради терпѣли и на себя вину брали, и потому враги становились друзьями. Если какою виною, душевною или тѣлесною, согрѣшалъ предъ Богомъ или передъ людьми, то скоро о томъ плакался предъ Богомъ и у отца духовнаго каялся со слезами, умильно прося прощенія, и съ любовію хранилъ его духовныя заповѣди. Если кто обличалъ меня въ моемъ грѣхѣ, или какомъ невѣжествѣ, или духовно наставлялъ, или въ посмѣхъ поносилъ меня и укорялъ, все это я принималъ и внималъ себѣ; если то было по-дѣломъ, я каялся и отъ такихъ дѣлъ удалялся съ Божіею помощію; а если неповинно и не по дѣлу была молва, или поношеніе, или посмѣхъ, или укоризна, или ударъ,—во всемъ томъ я винился и не оправдывалъ себя предъ людьми: Богъ исправитъ это праведнымъ своимъ милосердіемъ... Не пропускалъ я никогда отъ юности своей и до сего времени церковной службы, развѣ только по болѣзни пропускалъ. Ни нищаго, ни странника, ни калѣки, ни больного никогда не презиралъ, развѣ только по невѣдѣнію; заключенныхъ въ темницы и больныхъ посѣщалъ, плѣнниковъ и должниковъ, по силѣ, выкупалъ, голодныхъ, по силѣ, кормилъ.—Рабовъ своихъ всѣхъ освободилъ и надѣлилъ имуществомъ, и иныхъ выкупалъ изъ рабства и на свободу отпускалъ. И всѣ тѣ рабы наши свободны и добрыми живутъ домами, какъ видишь, и молятъ за насъ Бога, и всегда доброхотствуютъ намъ, а кто изъ нихъ забылъ насъ, да проститъ его Богъ. А нынѣ домочадцы

наши всѣ свободны, живутъ у насъ по своей волѣ.—Видѣлъ ты, чадо мое, какъ многихъ сиротъ, рабовъ и убогихъ, мужескаго пола и женскаго, и въ Новгородѣ, и здѣсь въ Москвѣ, я вспоилъ и вскормилъ до совершеннаго возраста и научилъ, кто къ чему былъ способенъ: многихъ грамотѣ, писать и пѣть, иныхъ иконному письму, иныхъ книжному рукодѣлью, однихъ серебряному мастерству, другихъ всякому рукодѣлію, а иныхъ научилъ всякой торговлѣ. А мать твоя многихъ дѣвицъ и вдовыхъ и убогихъ воспитала въ добромъ наказаніи, научила ихъ рукодѣлію и всякому домашнему обиходу, и, надѣливъ приданымъ, замужъ повыдала, а мужчинъ мы поженили на дочеряхъ добрыхъ людей. И всѣ тѣ, далъ Богъ, свободны; многіе въ священническомъ и дьяконскомъ чинѣ, въ дьякахъ, въ поддъячихъ, во всякомъ званіи, кто къ чему способенъ по природѣ, кто чего дородился и въ чемъ кому Богъ благословилъ быть: тѣ занимаются разными ремеслами и промыслами, тѣ въ лавкахъ торгуютъ, а иные ѣздятъ для торговли въ различныя страны со всякими товарами. И Божьею милостью всѣмъ нашимъ воспитанникамъ и послуживцамъ не было никакой срамоты, ни убытка, ни продажи отъ людей; и людямъ отъ насъ не бывало никакой тяжбы: во всемъ насъ до сихъ поръ соблюдалъ Богъ; а отъ кого намъ, отъ своихъ воспитанниковъ, бывали досады и убытки — все это мы на себѣ понесли; никто этого не слыхалъ, а намъ Богъ все пополнилъ!.. Отъ юности и до сего времени на поруку я не давалъ никого, ни меня не давалъ никто; на судѣ не бывалъ ни съ кѣмъ, не бывалъ ни истцемъ, ни отвѣтчикомъ. Видѣлъ ты самъ: мастеровъ всякихъ было много,—иконники, книжные писцы, серебряные мастера, кузнецы, плотники, каменьщики и всякіе рукодѣльники; деньги я давалъ имъ на рукодѣлье впередъ, по рублю, по два, по три, по пяти, по десяти и больше; многіе изъ нихъ были своевольны и бражники, и со всѣми тѣми мастерами, въ сорокъ лѣтъ, далъ Богъ, я раздѣлался безъ остуды, и безъ пристава, и безъ всякой кручины; все помирилъ я хлѣбомъ да солью, да питіемъ, да подачею и всякою добродѣтелью, да своимъ терпѣньемъ. Самъ у кого что покупалъ, тому отъ меня милая ласка, безъ волокиты платежъ, да еще хлѣбъ соль. За то дружба во вѣкъ: мимо меня не продастъ и во всемъ сдѣлаетъ уступку. А кому что продавалъ, все въ любовь, а не въ обманъ: не любъ кому мой товаръ,—я назадъ возьму, а деньги отдамъ; о куплѣ и продажѣ ни съ кѣмъ брани и тяжбы не бывало: оттого добрые люди во всемъ вѣрили, и здѣшніе, и иноземцы. Ни кому ни въ чемъ я не лгалъ, не просрочивалъ, ни въ рукодѣльи, ни въ торговлѣ; ни кабалы, ни за-

писи на себя ни въ чемъ не давалъ. А видѣлъ ты самъ, какія великія сплетни со многими людьми были, и все то, далъ Богъ, безъ вражды кончилось. Самъ знаешь, что ни богатствомъ жилъ я съ добрыми людьми, а правдою, да ласкою, да любовію, а не гордостію, и безо всякой лжи. Чадо мое любимое, Анѳимъ! Я поучалъ тебя и всячески наказывалъ о всякомъ добродѣтельномъ житіи и предалъ тебѣ грубое сіе писаніе худого моего ученія: молю-жъ тебя, Господа ради и пресв. Богородицы и великихъ чудотворцевъ, прочитывай его съ любовію и со вниманіемъ и напиши на сердцѣ своемъ и, прося помощи у Бога, и разума, и крѣпости, все прежде сказанное съ любовію дѣломъ твори; такъ же по сему писанію поучай и наставляй жену и дѣтей своихъ и домочадцевъ; всѣхъ учи страху Божію и добродѣтельному житію....

Изъ переписки князя Курбскаго съ царемъ Іоанномъ Грознымъ.

1. **Письмо Курбскаго.** Царю, отъ Бога препрославленному, пресвѣтлому прежде въ православіи, а теперь за наши грѣхи ставшему противникомъ этому. Да разумѣетъ разумѣющій,—да разумѣетъ тотъ, у кого совѣсть прокаженная, какой даже не найти и среди безбожныхъ народовъ!

За что, о царь, сильныхъ во Израили ты побилъ и воеводъ, данныхъ тебѣ Богомъ, разнымъ казнямъ предалъ и побѣдоносную и святую кровь ихъ пролилъ, и мученическою ихъ кровью церковные пороги обагрилъ? За что на доброхотовъ твоихъ, душу свою за тебя полагающихъ, умыслилъ ты неслыханныя мученія и гоненія, ложно обвиняя ихъ въ измѣнахъ и чародѣйствахъ?... Чѣмъ провинились они предъ тобою, о царь? Чѣмъ прогнѣвали тебя? Не они ли прегордыя царства разорили и своимъ мужествомъ и храбростью покорили тебѣ тѣхъ, у которыхъ прежде наши предки были въ рабствѣ? Не ихъ ли разумомъ достались тебѣ претвердые города германскіе (ливонскіе)? Это ли намъ бѣднымъ воздаяніе твое, что ты губишь насъ цѣлыми родами? Ужъ не безсмертнымъ ли себя, царь, считаешь? Ужъ не прельщенъ ли ты небывалой ересью, не думаешь ли, что тебѣ не придется и предстать предъ неподкупнымъ Судіею, Іисусомъ Христомъ?..

Онъ, Христосъ мой, сидящій на престолѣ херувимскомъ, будетъ Судіею между тобою и мною!

Какого только я зла не потерпѣлъ!... За благія дѣла мои ты воздалъ мнѣ зломъ, за любовь мою—ненавистью! Кровь моя, какъ вода, пролитая за тебя, вопіетъ на тебя къ Господу моему! Богъ свидѣтель: я прилежно размышлялъ умомъ своимъ, свою совѣсть обличителемъ и свидѣтелемъ противъ себя ставилъ, и не

знаю и не нахожу себя согрѣшившимъ предъ тобою ни въ чемъ: ходилъ я предъ войскомъ твоимъ и не причинилъ тебѣ никакого безчестія; только славныя побѣды, съ помощью ангела Господня, одерживалъ во славу тебѣ... И такъ не одинъ годъ и не два, но много лѣтъ трудился я въ потѣ лица, съ терпѣніемъ; трудился вдали отъ отечества, мало видѣлъ и моихъ родителей, и жену мою. Въ далекихъ городахъ противъ враговъ моихъ боролся, многія нужды терпѣлъ и болѣзни... Много разъ былъ раненъ въ битвахъ, и тѣло мое уже все сокрушено язвами. Но для тебя, царь, все это ничего не значитъ, и ты нестерпимую ярость и горчайшую ненависть, паче разженныя печи, являешь къ намъ.

Хотѣлъ было я разсказать по порядку всѣ мои ратныя дѣла, которыя совершилъ на славу твою, съ помощью Христа; но не разсказалъ, потому что Богъ лучше знаетъ, нежели человѣкъ. Богъ за все мздовоздаятель... Да будетъ вѣдомо тебѣ, царю, — уже не увидишь ты въ этомъ мірѣ лица моего. Но не думай, что я буду молчать! до смерти моей буду непрестанно вопіять со слезами на тебя безначальной Троицѣ... Не думай, царь, что избіенные тобой неповинно, заточенные и изгнанные безъ правды, уже погибли окончательно, не хвались этимъ какъ побѣдой. Убитые тобою стоятъ у престола Господня и просятъ на тебя отмщенія; заточенные же и изгнанные тобою безъ правды на землѣ вопіютъ на тебя къ Богу и день, и ночь!... Письмо это, слезами измоченное, умирая, идя къ Богу моему, Іисусу Христу, на судъ съ тобою, велю положить съ собою въ гробъ.

2. **Посланіе Іоанна Грознаго.** Богъ нашъ Троица, иже прежде вѣкъ сый, нынѣ есть Отецъ и Сынъ и Святый Духъ, ниже начала имать, ниже конца, о немъ же живемъ и движемся есмы, имъ же царіе царствуютъ и сильные пишутъ правду. . Побѣдоносная хоругвь и крестъ честный даны первому въ благочестіи царю Константину Великому и всѣмъ православнымъ царямъ и блюстителямъ православія... Искра благочестія дошла и до Русскаго царства: самодержавство Божіемъ изволеніемъ получило начало отъ великаго князя Владиміра, просвѣтившаго всю Русскую землю святымъ крещеніемъ, и великаго царя Владиміра Мономаха, который отъ грековъ высокодостойнѣйшую честь принялъ, и храбраго великаго государя Александра Невскаго, побѣдившаго безбожныхъ нѣмцевъ, и достохвальнаго великаго государя Димитрія, который одержалъ за Дономъ великую побѣду надъ безбожными агарянами. Дошло самодержавство до мстителя неправдамъ, дѣда нашего, великаго Государя Ивана, до блаженной памяти отца нашего, великаго государя Василія, старыхъ прародительскихъ зе-

мель обрѣтателя, дошло и до насъ смиренныхъ скипетродержаніе Русскаго царствія. Мы же хвалимъ за премногую милость къ намъ Бога, непопустившаго доселѣ рукѣ нашей обагриться единоплеменной кровью, потому что мы ни у кого не отнимали царства, Божіимъ изволеніемъ и прародителей и родителей своихъ благословеніемъ, какъ родились въ царскомъ достоинствѣ, такъ и выросли, и воцарились, свое взяли, а не чужое отняли....

Нашъ христіанскій смиренный отвѣтъ бывшему прежде истиннаго христіанскаго самодержавства и нашего государства боярину и совѣтнику и воеводѣ, а нынѣ же клятвопреступнику и губителю христіанства, и врагамъ его служителю,... князю Андрею Михайловичу Курбскому...

Зачѣмъ, князь, думая соблюсти благочестіе, ты душу свою отвергъ (погубилъ)? Что дашь въ замѣнъ ея въ день страшнаго суда? Если и весь міръ пріобрѣтешь, все же, наконецъ, смерть постигнетъ тебя! Зачѣмъ ты продалъ душу за тѣло? Убоялся ты смерти по ложному слову своихъ друзей, а всѣ они, какъ бѣсы, преступивши крестное цѣлованіе, всюду намъ сѣти разставляли, надзирая за нашими словами и движеніями, думая, что мы должны быть (безгрѣшны) какъ безплотные, и потому сплетали на насъ поношенія и укоризны... Отъ этихъ бѣсовскихъ слуховъ наполнились вы ярости на меня, какъ смертоноснаго змѣинаго яда, и душу свою погубили и на разореніе церкви стали... Или думаешь, окаянный, что убережешься отъ этого? Никакъ! Если придется тебѣ заодно съ ними (ливонцами) воевать, то долженъ будешь ты и церкви (православныя) разорять, и иконы попирать, и христіанъ губить. Гдѣ руками своими не дерзнешь творить этого, то мыслью своею смертоносною (совѣтомъ) много злобы сотворишь. Подумай же, какъ при вражескомъ нашествіи, конскими копытами будутъ растерзаны и растоптаны нѣжные члены младенцевъ... и это твое злобѣсное умышленіе развѣ не уподобляется неистовству Ирода, который убилъ младенцевъ?

Ты, ради тѣла, душу погубилъ... Разумѣй же, бѣднякъ, съ какой высоты и въ какую пропасть низвергся ты!.. Это ли твое благочестіе, что погубилъ ты душу свою ради своего самолюбія? Разумные люди и тамъ (въ Литвѣ) поймутъ, что ты, желая славы мимолетной и богатства, это сдѣлалъ, а не отъ смерти бѣжалъ. Если ты праведенъ и благочестивъ, какъ говоришь, почему же убоялся неповинной смерти,—вѣдь это не смерть, а пріобрѣтеніе? Придется же во всякомъ случаѣ умереть! Презрѣлъ ты и слова апостола Павла: «Всякая душа владыкамъ властвующимъ да повинуется: нѣтъ такого владычества, которое не отъ Бога учи-

нено—, и потому противящійся власти Божію повелѣнію противится». Смотри же и пойми: кто противится власти, тотъ Богу противится. А кто Богу противится, тотъ зовется отступникомъ, а это—горчайшее согрѣшеніе. И это сказано апостоломъ о всякой власти, которая даже добыта кровью и войною. Припомни же сказанное выше, что мы не насиліемъ пріобрѣли царство... Презрѣлъ ты также слова апостола Павла, сказанныя въ другомъ мѣстѣ: «Рабы, слушайтесь господъ своихъ, не только предъ очами ихъ повинуясь, какъ человѣкоугодники, но какъ Богу, и не только благимъ (господамъ), но и строптивымъ, не только за гнѣвъ, но и за совѣсть». Это воля Божія, творя благое, пострадать! И если ты праведенъ и благочестивъ, то почему не захотѣлъ пострадать отъ меня, строптиваго владыки, и наслѣдовать вѣнецъ жизни (нетлѣнный мученическій вѣнецъ), но ради временной славы, сребролюбія и сладостей міра попралъ все свое душевное благочестіе съ христіанскою вѣрою и закономъ?..

Какъ не устыдился ты раба своего, Васьки Шибанова, который соблюлъ свое благочестіе, и, стоя при вратахъ смерти, предъ царемъ и предъ всѣмъ народомъ, не отвергся отъ тебя, ради крестнаго цѣлованія, но готовъ былъ умереть за тебя, всячески тебя похваляя? Ты же не поревновалъ его благочестію: изъ-за одного гнѣвнаго слова моего ты погубилъ не только свою душу, но и души всѣхъ прародителей, которыя Божіимъ изволеніемъ поручены въ работу дѣду нашему, великому государю; и они, давъ свои души (т. е. присягнувъ), до смерти своей служили, и вамъ, своимъ дѣтямъ, приказали служить дѣда нашего дѣтямъ и внучатамъ. И это все ты забылъ, собацкимъ измѣннымъ обычаемъ преступилъ крестное цѣлованіе, соединился съ врагами христіанъ, да къ тому же еще скудоумными словами нелѣпости говоришь противъ насъ, словно камни на небо бросая...

Писаніе твое я хорошо уразумѣлъ... Оно кажется снаружи наполненнымъ меда и сота, но ядъ аспида ты скрылъ подъ устами своими... Отъ слѣпотствующей злобы твоей ты не можешь истины и видѣть... Развѣ это «совѣсть прокаженная»—свое царство держать въ своей рукѣ, и власти своимъ рабамъ не давать? Развѣ тотъ «супротивникъ разуму», кто не хочетъ быть во власти своихъ рабовъ? И въ томъ ли «православіе пресвѣтлое», чтобы рабы владѣли и повелѣвали?

Если и есть на мнѣ малое согрѣшеніе, то отъ вашего же соблазна и измѣны. Я—человѣкъ; нѣтъ человѣка безъ грѣха, безгрѣшенъ только одинъ Богъ. Я не считаю, какъ ты, себя выше человѣка, равнымъ ангеламъ. А о безбожныхъ государяхъ, что и

говорить! Они своими царствами не владѣютъ: какъ велятъ имъ ихъ рабы, такъ они и властвуютъ; а россійскіе самодержцы изначала сами владѣютъ, а не бояре и вельможи. И ты этого не могъ въ своей злобѣ разсудить: по твоему благочестіе—самодержавству быть подъ владычествомъ попа и подъ вашей властью, а это по твоему разуму нечестіе, что мы сами захотѣли имѣть власть, данную намъ отъ Бога, и не пожелали быть подъ властію попа...

Потому ли я противникомъ вашимъ явился, что не далъ вамъ погубить себя?.. А ты самъ поступилъ и противъ разума, и противъ клятвы изъ-за ложнаго страха смерти!.. Чего самъ не творишь, то намъ совѣтуешь... Какъ начали вы поношенія и укоризны намъ, такъ и нынѣ не перестаете, звѣриной яростью распалясь, совершаете вы свою измѣну. Эта ли ваша доброхотная, прямая служба—поносить и укорять?!. Что же, собака, и пишешь, и соболѣзнуешь, совершивъ такую злобу?

Какъ ты не могъ уразумѣть и того, что властителямъ не слѣдуетъ яриться звѣрски, но и не должно смиряться безсловесно, какъ сказалъ апостолъ: «иныхъ милуйте, иныхъ же страхомъ спасайте». Видишь ли, какъ апостолъ повелѣваетъ спасать страхомъ? Какъ ты не стыдишься злодѣевъ называть мучениками, не разсуждая словъ апостола: кто незаконно мученъ будетъ, т. е. не за царя, тотъ не вѣнчается?.. Злодѣевъ щадить не слѣдуетъ... Константинъ Великій убилъ сына своего для блага царства, князь Ѳеодоръ Ростиславичъ, прародитель твой, много крови пролилъ въ Смоленскѣ на Пасху, а все же причтенъ къ лику святыхъ. Давидъ оказался угоднымъ Богу, хотя и приказалъ избить въ Іерусалимѣ своихъ враговъ и ненавистниковъ... И во всякое время царямъ слѣдуетъ быть осмотрительными: иногда кротчайшими, иногда же ярыми; добрымъ людямъ оказывать милость и кротость, злымъ же ярость и мученіе. Не могущій такъ поступать—не царь. Хочешь не бояться власти?—благотвори. Если же злое творишь,—бойся: не напрасно царь носитъ мечъ, а на месть злодѣямъ и въ защиту добродѣямъ.

Ты же уподобился Іудѣ предателю. Какъ онъ на Владыку всѣхъ возбѣсился и на смерть предалъ Его, такъ и ты, пребывая съ нами и хлѣбъ нашъ вкушая, собиралъ злобу на насъ въ своемъ сердцѣ... Почему ты являешься учителемъ моимъ? Кто тебя поставилъ судьей или начальникомъ надъ нами?.. Отъ кого ты посланъ проповѣдовать? Кто рукополагалъ тебя?..

Нигдѣ ты не найдешь того, чтобы не разрушилось царство, обладаемое попами. Греки погубили свое царство и покорились

туркамъ: не такую ли же погибель ты и намъ совѣтуешь? Пусть она падетъ на твою голову...

Развѣ это хорошо, чтобы попу и прегордымъ лукавымъ рабамъ владѣть, а царю только царскимъ почетомъ пользоваться, а властью быть ничѣмъ не лучше раба? Какъ же онъ и самодержцемъ будетъ называться, если не самъ все устрояетъ?..

Когда Богъ избавилъ израильтянъ отъ рабства египетскаго, то вспомни, кого поставилъ властвовать, священника или многихъ правителей? Одного Моисея поставилъ властителемъ, а священствовать велѣлъ Аарону, а въ мірскія дѣла не вмѣшиваться. Когда же Ааронъ сталъ вмѣшиваться, тогда отпали люди даже отъ Бога... Когда Илій жрецъ взялъ на себя и священство, и царство, то и самъ, и сыновья его погибли злою смертью, и весь Израиль побѣжденъ былъ до дней царя Давида... Иное дѣло душу свою спасать (быть инокомъ), а иное—заботиться о душѣ и тѣлѣ многихъ! иное дѣло—святительская власть, иное—царское правленіе. Въ монашествѣ можно быть подобно агнцу смиренному, или птицѣ, которая не сѣетъ, не жнетъ и въ житницы не собираетъ; царское же правленіе требуетъ страха и запрещенія и обузданія... Горе, говоритъ пророкъ, дому тому, которымъ многіе обладаютъ... Видишь ли, что владѣніе многихъ подобно женскому безумію!

А что ты писалъ: «За что я сильныхъ во Израили побилъ и воеводъ, данныхъ намъ отъ Бога, погубилъ разными смертями»—такъ это ты писалъ ложно, лгалъ, какъ отецъ твой дьяволъ научилъ... Сильныхъ во Израили я не погубилъ, да и не знаю, кто сильнѣйшій во Израили... Земля правится Божіимъ милосердіемъ, Пречистой Богородицы милостію, всѣхъ святыхъ молитвами и родителей нашихъ благословеніемъ и, наконецъ, нами, государями, а не судьями и воеводами... А что мы своихъ воеводъ казнили разными смертями, такъ мы, Божіею помощію, имѣемъ у себя множество воеводъ и кромѣ васъ измѣнниковъ. Своихъ холоповъ вольны мы жаловать, вольны и казнить. Крови въ церквахъ мы никакой не проливали и пороговъ церковныхъ никакою кровію не обагряемъ; сколько силы и разумъ намъ позволяютъ, церкви Божіи сіяютъ всякими украшеніями, не только пороги и помостъ, но и преддверія; а мучениковъ за вѣру въ сіе время у насъ нѣтъ; доброхотныхъ же своихъ, полагающихъ за насъ свою душу истинно, а не лестію... мы жалуемъ всякимъ великимъ жалованьемъ, а тѣ, которые окажутся противниками, казни подвергаются по своей винѣ... Въ иныхъ земляхъ самъ увидишь, сколько зла творится злымъ: тамъ не по здѣшнему! Это вы своимъ злобѣснымъ

обычаемъ утвердили, чтобъ измѣнниковъ любить: въ иныхъ земляхъ ихъ казнятъ, тѣмъ и власть утверждается. А мукъ, гоненія и смертей различныхъ ни на кого я не умышлялъ, а что упомянулъ ты объ измѣнахъ и чародѣйствѣ, такъ собакъ такихъ всюду казнятъ!..

Когда же родительница наша, благочестивая царица Елена, перешла, по волѣ Божіей, изъ земного царства въ небесное (умерла)... насъ съ единороднымъ братомъ, святопочившимъ Георгіемъ, держали (бояре) какъ посторонних и убогихъ дѣтей. Какихъ лишеній не вынесъ я въ одеждѣ и пищѣ! Ни въ чемъ я не имѣлъ своей воли... Вспомню хоть это одно: играю я въ дѣтствѣ, а князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій сидитъ на лавкѣ, локтемъ опершись и положивъ ногу на постель нашего отца... Кто можетъ вынести такую гордыню! Трудно исчислить, сколько страданій вынесъ я въ дѣтствѣ! много разъ поздно ѣлъ не по своей винѣ. Что сказать о казнѣ (имуществѣ) родительской? Все лукаво расхитили, будто дѣтямъ боярскимъ на жалованье... и дѣда нашего безчисленную казну и отца себѣ захватили. Наковали себѣ сосудовъ золотыхъ и серебряныхъ и имена родителей своихъ на нихъ вырѣзали, будто это ихъ родительское добро... А о казнѣ дядей нашихъ что и говорить? Все себѣ расхитили!..

Ты ихъ (бояръ), тлѣнныхъ людей, называешь предстателями у Бога... Ты эллинамъ (язычникамъ) уподобляешься, осмѣливаясь тлѣнныхъ людей называть предстателями... Мы же, христіане, знаемъ заступницу христіанскую, Пречистую Владычицу Богородицу; затѣмъ предстатели—всѣ небесныя силы, архангелы и ангелы; затѣмъ молитвенники наши пророки, апостолы, святые мученики... Вотъ предстатели христіанскіе! И намъ царямъ, носящимъ порфиру, неприлично называться предстателями. Ты же не стыдишься тлѣнныхъ людей, притомъ измѣнниковъ, называть предстателями!.. А что писалъ ты, будто «тѣ предстатели (бояре) прегордыя царства разорили и покорили подъ власть тѣхъ, у кого прежде праотцы ваши въ работѣ были», то это справедливо только о царствѣ Казанскомъ, а около Астрахани и близко Вашей милости не было, не только что дѣла... Въ томъ ли состоитъ храбрость, чтобы службу считать опалою? и такъ ли слѣдовало покорять прегордыя царства? Сколько ни было походовъ на Казань, когда вы ходили не съ понужденіемъ, охотно? Вы всегда ходили, какъ на *бѣдное* хожденіе. Такъ ли вы прегордыя царства разорили, что народъ смущали безумными толками и отвращали отъ войны. А во время пребыванія подъ Казанью, вы всегда совѣтовали развращенное, и когда истощились запасы, то, про-

стоявъ три дня, вы уже хотѣли возвратиться домой, если бы я не удержалъ васъ... Если бы при взятіи города я не удержалъ васъ, сколько бы вы погубили православнаго воинства, начавши бой не во-время? А потомъ, когда милостію Божіею городъ былъ взятъ, вмѣсто того, чтобы порядокъ водворять, вы кинулись грабить! Это значитъ прегордыя царства разорять, какъ ты безумно и надменно хвалишься!.. За такія ваши заслуги, какъ сказано выше, вы достойны были многихъ опалъ и казней; но мы еще милостиво васъ наказывали... Если бы я по твоему достоинству поступилъ,—ты къ нашему недругу не уѣхалъ бы!..

Судіею Христа Бога нашего ты ставишь между собою и мною, и я этого суда не отметаюсь... Онъ, Господь Богъ нашъ, судья праведный, испытующій сердца и утробы... знаетъ, за какое дѣло вы на меня возстали и въ чемъ отъ меня пострадали, если, по вашему безумію, я простеръ на васъ месть съ милостію... вы соблазнъ всему и начало злу... Ты ставишь судіею Христа, а дѣлъ его отметаешься; Онъ говоритъ: солнце да не зайдетъ во гнѣвѣ вашемъ... А что ты говоришь: «Кровь твоя, пролитая отъ иноплеменныхъ за насъ, вопіетъ на насъ къ Богу», то это смѣха достойно. Кровь, пролитая другими, на другихъ и вопіетъ. Да если и пролита твоя кровь сопротивными супостатами, такъ это ты сдѣлалъ для отечества. Не сдѣлай ты этого, ты не былъ бы христіанинъ, а варваръ. Во сколько разъ больше наша кровь вопіетъ на васъ къ Богу, нами самими пролитая не ранами, не каплями, но многимъ потомъ и многимъ трудомъ, какимъ вы отягощали меня сверхъ силы! И отъ вашей злобы вмѣсто крови много слезъ нашихъ излилось, еще больше воздыханій и стоновъ сердечныхъ; отъ того получилъ я и боль въ поясницѣ!..

Военныя твои дѣла намъ хорошо вѣдомы... Не считай меня неразумнымъ или младенцемъ по уму. Не думайте также меня дѣтскими страшилами напугать, какъ прежде дѣлали съ попомъ Сильвестромъ и съ Алексѣемъ...

Лица твоего, пишешь, уже не увидѣть намъ до дня страшнаго суда Божія... Да кто и захочетъ такое еѳіопское лицо видѣть!..

Убіенные, говоришь, предстоятъ у престола Божія; и это помышленіе твое суемудренно, по словамъ апостола: «Бога никто же нигдѣ же видѣ». Вы, измѣнники, если и вопіете безъ правды, ничего не получите... Я же ничѣмъ не хвалюсь въ гордости: дѣлаю свое царское дѣло и выше себя ничего не творю... Подвластнымъ людямъ благимъ воздаю благое, злымъ—злое... Не по желанію казню ихъ, а по нуждѣ...

А что «свое писаніе съ собою въ гробъ хочешь положить», этимъ ты послѣднее свое христіанство отвергъ отъ себя! Господь велѣлъ не противиться злу, ты же даже обычное, что и невѣжды понимаютъ, прощеніе предъ кончиною отвергъ, и потому ты не достоинъ и отпѣванія...

3. **Отвѣтное письмо Курбскаго.** Широковѣщательное и многошумящее твое писаніе я получилъ, и уразумѣлъ, и понялъ, что оно отрыгнуто отъ неукротимаго гнѣва со многими ядовитыми словами; такъ писать не только великому царю, но и простому воину непристойно; со многою яростью и лютостью въ немъ нахватано отъ многихъ священныхъ книгъ, не строками и не стихами, какъ свойственно людямъ искуснымъ и ученымъ... но цѣлыми книгами, паремьями и посланіями, и тутъ же говорится и о постеляхъ, о тѣлогрѣяхъ и иныя бабьи басни... Неприлично такъ варварски писать въ чужую землю, гдѣ есть искусные не только въ грамматическомъ и риторическомъ, но и философскомъ ученіи...

Да и пристойно ли мнѣ, человѣку смирившемуся, оскорбленному, безъ правды изгнанному, хотя бы и многогрѣшному, прежде суда Божія такъ грозить... И вмѣсто утѣшенія такъ кусательно грызть меня неповиннаго, бывшаго отъ юности твоимъ вѣрнымъ слугою! Не думаю, чтобы это было угодно Богу... И чего же ты отъ насъ еще хочешь? Не только своихъ единоплеменныхъ князей изъ потомства великаго Владиміра ты поморилъ и отнялъ отъ нихъ имущества движимыя и недвижимыя, чего не успѣлъ отнять твой дѣдъ и отецъ, но и послѣднія рубахи свои, могу сказать, по евангельскому слову, мы отдали твоему прегордому и царскому величеству... Хотѣлъ было я на каждое твое слово отвѣчать, о царь, и могъ бы, потому что, по благодати Христа моего, и языкомъ отеческимъ владѣю и довольно научился, но удержалъ руку мою съ тростію: я отдаю все, какъ и въ прежнемъ посланіи писалъ къ тебѣ, на судъ Божій, разсудилъ лучше здѣсь молчать, а говорить тамъ со дерзновеніемъ предъ величествомъ Христа моего, вмѣстѣ со всѣми избіенными и гонимыми тобою. Да притомъ непристойно людямъ рыцарскимъ (благороднымъ) браниться какъ рабамъ; очень стыдно и христіанамъ извергать изъ устъ слова нечистыя и кусательныя!..

Князя Курбскаго, Исторія Ивана Грознаго.

1. **Самое начало исторіи.** Многократно спрашивали меня многіе именитые люди (на Литвѣ): отъ чего произошла такая перемѣна въ царѣ, прежде столь добромъ и нарочитомъ, нещадившимъ

своего здоровья за отечество, перенесшимъ въ войнѣ съ врагами креста Христова тяжкіе труды... и прежде отъ всѣхъ прославленномъ? Я прежде молчалъ, со воздыханіемъ и слезами, не желая отвѣчать; но потомъ, когда меня настойчиво спрашивали объ этомъ, я принужденъ былъ сказать кое-что о нѣкоторыхъ случаяхъ; я отвѣчалъ: еслибы все съ начала по порядку разсказывать, много пришлось бы писать о томъ, какъ въ предобрый Русскихъ князей родъ всѣялъ діаволъ злые нравы, особенно же чрезъ злыхъ женъ ихъ и чародѣекъ, какъ бывало это и у израильскихъ царей, особенно когда они брали себѣ женъ у иноплеменниковъ. Но объ этомъ я говорить не стану, а разскажу нѣчто о настоящемъ. Мудрые люди говорятъ: «доброму началу и конецъ бываетъ добрый», и наоборотъ: «злое злымъ и оканчивается»...

2. **Дѣтство и юность Ивана Грознаго.** Нынѣшній нашъ Іоаннъ родился, когда отецъ его былъ въ разводѣ съ первою женою (Соломоніею)... Отъ отца своего онъ остался очень молодымъ, двухъ лѣтъ; спустя немного, умерла и мать его; потомъ его воспитывали гордые паны или, по ихнему, бояре, на бѣду себѣ и дѣтямъ своимъ, стараясь другъ передъ другомъ льстить и угождать ему во всякомъ наслажденіи и сладострастіи.

Когда онъ сталъ приходить въ возрастъ, лѣтъ въ 12, и послѣ что онъ творилъ, о томъ и о многомъ иномъ умолчу, но скажу вотъ что: прежде всего онъ началъ проливать кровь безсловесныхъ (животныхъ), бросая ихъ съ высокихъ стремнинъ (а по ихъ языку, съ крылецъ или съ теремовъ), а также и иныя многія неподобныя дѣла творилъ, предсказывая тѣмъ имѣющее быть въ себѣ тиранство, какъ сказалъ Соломонъ: «Мудрый милуетъ скотовъ, а безумный бьетъ ихъ нещадно»; а воспитатели льстили ему, потакая и похваляя его, на бѣду себѣ. Когда же ему было около 15 лѣтъ, тогда началъ людей губить. Собравши ватагу своихъ сверстниковъ изъ боярскихъ дѣтей, онъ началъ съ ними ѣздить на коняхъ по улицамъ и по торжищамъ (Москвы), избивая всенародно мужей и женъ, производя грабежи, скача (верхомъ) повсюду неблагочинно. И по истинѣ, самыя разбойническія дѣла творилъ,... о которыхъ разсказывать не только излишне, но и стыдно; льстецы же придворные все это на бѣду себѣ восхваляли: «Храбрый это будетъ царь и мужественный!» говорили они. Когда ему исполнилось 17 лѣтъ, тогда тѣ же прегордые бояре начали подущать его и мстить другъ другу за свои обиды; и прежде всего убили они князя Ивана Бѣльскаго, мужа пресильнаго, весьма храбраго военачальника, человѣка благороднаго происхожденія (онъ происходилъ изъ рода князей Литовскихъ и былъ потомокъ

польскаго короля Ягайла). Онъ славился не только мужествомъ, но и разумомъ многимъ, и искусенъ былъ въ священномъ писаніи. Спустя немного, самъ же царь повелѣлъ убить одного благороднаго князя, по имени Андрея Шуйскаго, изъ рода князей Суздальскихъ.

3. **Покореніе Казани въ 1552 г.** Казань окружена большою стѣною; съ восточной стороны у ней идетъ рѣка—Казань, съ запада—Булакъ, рѣчка тинистая, непроходимая, течетъ подлѣ самаго города и близъ угловой башни впадаетъ въ рѣку Казань; а течетъ она изъ довольно большого озера Кабана, которое находится съ полверсты отъ города. За этой рѣчкой, Булакомъ, между озеромъ и городомъ, по пути съ Арскаго поля поднимается чрезвычайно крутая и для всхода трудная гора. Отъ рѣки, кругомъ города выкопанъ глубокій ровъ, до озера Поганаго, которое находится подлѣ самой рѣки Казани. Отъ нея идетъ такая высокая гора, что и глядѣть на нее трудно. На этой-то горѣ стоитъ городъ, стоятъ царскія палаты и мечети, все каменныя; тамъ ихъ умершихъ царей хоронили.

Когда начали обступать этотъ бусурманскій городъ, войску христіанскому велѣно итти тремя полками черезъ рѣчку Булакъ. Передовой полкъ, наведя мосты, переправился: войска въ немъ было тысячъ семь; начальствовали надъ нимъ князь Пронскій Юрій и князь Өедоръ Львовъ—очень храбрые молодые люди. Поднимались они съ большою трудностію на гору отъ Арскаго поля между городомъ и Кабаномъ, отъ городскихъ воротъ -этакъ—на разстояніи двухъ выстрѣловъ изъ лука. Только что началъ переправляться по мостамъ, черезъ рѣку, другой полкъ, царь Казанскій выпустилъ изъ города на первый полкъ тысячъ пять конныхъ, да тысячъ десять пѣшихъ. Конные Татары съ копьями, а пѣшіе—со стрѣлами. Они ударили въ самую средину войска христіанскаго почти на половинѣ горы и разорвали его; но наши воеводы скоро поправились: потому что они взвели на гору уже тысячи двѣ, или больше. Произошла жестокая сѣча. Къ нимъ подоспѣли другіе наши воеводы съ пѣшими ружейными стрѣлками, наперли на бусурманъ какъ пѣшихъ, такъ и конныхъ, и гнали и били ихъ до самыхъ городскихъ воротъ, а человѣкъ десять поймали живьемъ. Въ это же время, когда тутъ шло сраженіе, татары со стѣнъ, съ башенъ, открыли огненную стрѣльбу по христіанскому воинству; но Богъ насъ помиловалъ: вреда намъ они никакого не сдѣлали.

Въ этотъ день мы христіанскими полками своими обступили бусурманскій городъ и отрѣзали всѣ пути и проѣзды къ городу...

Я съ товарищемъ моимъ Щенятевымъ начальствовалъ тогда надъ правымъ крыломъ войска, хотя мнѣ было тогда только двадцать четыре года отъ роду. Въ нашемъ ополченіи было болѣе двѣнадцати тысячъ, да тысячъ шесть пѣшихъ стрѣльцовъ и казаковъ. Намъ велѣно было итти за Казань рѣку. Войско наше растянулось такъ, что однимъ концомъ было выше, другимъ—ниже города, примыкая въ обоихъ мѣстахъ къ рѣкѣ. Мы заняли всѣ пути, которые отъ Луговой Черемисы идутъ къ городу. Пришлось намъ стоять на равнинѣ, на лугу, между большими болотами. Надъ нами на горѣ стоялъ городъ; оттуда громили насъ безпрестанно огненною стрѣльбой; а сзади, изъ лѣсу на насъ часто наѣзжали Черемисы. Другіе полки стали между Булакомъ и Казанью, по сю сторону Волги. Самъ же царь стоялъ съ своимъ отрядомъ за версту, или побольше, отъ Казани, на гористомъ мѣстѣ. Такъ мы и держали въ осадѣ бусурманскій городъ. Царь Казанскій затворился въ немъ съ тридцатью тысячами лучшаго своего войска, со всѣми духовными и свѣтскими вельможами и съ дворомъ своимъ; а другую половину войска онъ оставилъ внѣ города, въ деревняхъ и лѣсахъ. Тамъ же были Ногайцы, присланные ему татарскимъ княземъ на помощь—тысячъ около двухъ. По прошествіи трехъ дней, мы начали копать шанцы. Бусурманы очень намъ въ этомъ препятствовали, били насъ съ крѣпости, или выбѣгали изъ города и рубились съ нами въ рукопашную. Съ обѣихъ сторонъ падало народу множество, впрочемъ бусурманъ больше, нежели христіанъ. Этотъ знакъ Божія милосердія къ христіанамъ быстро ускорялъ духъ храбрости въ нашихъ войскахъ....

Еслибъ разсказывать по порядку все, что происходило подъ Казанью каждый день,—надобно было бы написать цѣлую книгу; но вотъ о чемъ необходимо упомянуть: бусурманы колдовствомъ хотѣли отогнать войско христіанское. Лишь только начнетъ всходить солнце, взойдутъ на стѣну въ глазахъ нашихъ старые мужчины и женщины, начнутъ кричать какія-то сатанинскія слова и, кривляясь уродливымъ образомъ, махать своими одеждами на наше войско. Тогда, не смотря на то, что утро было ясное, поднимется вѣтеръ, соберутся облака и пойдетъ такой дождь, что всѣ сухія мѣста превратятся въ болота. И это все бывало только надъ войскомъ, а кругомъ, по сторонамъ, какъ ничего не бывало, все происходитъ такъ—обыкновеннымъ порядкомъ....

Татары тайнымъ подземельнымъ путемъ выходили изъ города и доставали себѣ воду. Узнавъ объ этомъ, мы подложили подъ башню и подъ этотъ *тайникъ* бочекъ двадцать пороху. Башню и взорвало. Сверхъ того, за полмили отъ города тайно, недѣли въ

двѣ, мы срубили необыкновенно большую и высокую вежу (башню); ночью однажды поставили ее подлѣ городскаго рва, втащили на нее десять пушекъ большихъ и пятьдесятъ маленькихъ и, стрѣляя изъ нихъ въ городъ, сдѣлали очень много вреда нехристямъ. Въ другой разъ мы подкопались подъ городскую стѣну, засадили туда пороху сорокъ восемь бочекъ и приготовились итти на штурмъ—на приступъ. Это было около семи недѣль послѣ осады города. Войскамъ, кромѣ тѣхъ, которые охраняли царскіе шатры, велѣно было подступить къ городу со всѣхъ четырехъ сторонъ. У меня было тогда двѣнадцать тысячъ войска и я долженъ былъ подступать къ самымъ нижнимъ воротамъ Казани, считая по теченію рѣки Казани...

Царь Казанскій и вельможи, узнавъ объ этомъ, стали готовиться итти на насъ, какъ мы на нихъ.

Перваго числа октября, передъ самымъ солнечнымъ восходомъ, мы взорвали подкопъ, и по повелѣнію царя, со всѣхъ сторонъ ударили на городъ. Пусть скажетъ каждый о себѣ: я же какъ дѣйствовалъ и что дѣлалъ, передамъ о всемъ происходившемъ истинную правду вкороткѣ. Раздѣливъ свое войско, я съ другими предводителями побѣжалъ къ той большой башнѣ, которая стояла на горѣ передъ воротами. Когда мы были еще далече отъ стѣнъ, татары не стрѣляли въ насъ ни изъ луковъ, ни изъ ружей; но когда мы подошли близко, они открыли по насъ сперва огненную стрѣльбу со стѣнъ и башенъ; потомъ посыпались на насъ стрѣлы и каменья, какъ частый дождь, такъ что и свѣту невидно было; а ужъ какъ мы пробились съ большимъ усиліемъ и урономъ подъ самую стѣну, бусурмане начали метать на насъ бревна и лить кипятокъ. Но Богъ намъ далъ крѣпость, мужество и *запамятованіе* смерти: этакъ—въ теченіе получаса, мы стрѣльбою изъ луковъ и ружей отбили враговъ отъ стѣнныхъ и башенныхъ оконъ (изъ амбразуръ). Намъ помогали много пушки, стрѣлявшія съ окоповъ; потому что татары уже не прятались, какъ прежде, а стояли открыто на той большой башнѣ и на стѣнахъ и бились съ нами крѣпко, грудь съ грудью и рука съ рукой. Мы бы побили ихъ всѣхъ; но много насъ пошло на приступъ, а мало подошло подъ городскія стѣны; нѣкоторые воротились назадъ, а иные попадали на землю, притворяясь ранеными или убитыми.

Однакожъ Богъ помогъ намъ! Первый на стѣну по лѣстницѣ взошелъ мой родной братъ съ другими храбрыми воинами; другіе, рубясь и колясь съ бусурманами, влѣзли въ окна большой башни, и бросившись съ башни, побѣжали къ большимъ городскимъ воротамъ. Бусурманы бросили стѣны и побѣжали на высо-

кую гору, къ царскому дворцу; потому что онъ былъ очень укрѣпленъ, стоялъ между каменными палатами и мечетями и былъ обведенъ большой стѣной. Мы тоже, хотя намъ было тяжело отъ броней и хотя нѣкоторые изъ насъ были ранены, кинулись за татарами къ царскому дворцу. Войско, отставшее отъ насъ еще за стѣнами, видя, что мы уже въ городѣ, и татары отъ насъ бѣгутъ, тоже ринулось въ городъ: тутъ и лежавшіе ранеными повскочили съ земли и притворившіеся мертвыми воскресли. Да не только они, но и всѣ, бывшіе въ лагерѣ, даже кашевары, конюхи, купцы, всякіе торговцы, съѣхавшіеся подъ городъ съ разными товарами—всѣ сбѣжались не только для битвы, но и для грабежа, потому что Казань была полна золота, серебра, и камней драгоцѣнныхъ, *кипѣла* соболями и другимъ богатствомъ всякаго рода.

4. **Путешествіе Ивана Грознаго въ Кирилловъ монастырь.** Простоявъ недѣлю въ Казани и оставивъ здѣсь часть войска и сколько нужно огнестрѣльнаго оружія, царь поѣхалъ въ Нижній Новгородъ, находящійся въ 60 миляхъ отъ Казани и составляющій крайній значительный пунктъ русскаго царства. Коней же всѣхъ отправилъ не по той хорошей дорогѣ, по которой самъ шелъ къ Казани, но около Волги трудно проходимой дорогой, идущей въ высокихъ горахъ, въ которыхъ живутъ Чуваши; такъ онъ погубилъ тогда всѣхъ лошадей въ своемъ войскѣ: у кого было сто либо двѣсти коней, тотъ едва привелъ двухъ либо трехъ... Пріѣхавъ въ Нижній Новгородъ, онъ пробылъ тамъ три дня, войско свое распустилъ по домамъ, а самъ отправился на подводахъ въ свою столицу Москву, которая находится отъ Нижняго на разстояніи ста миль: тамъ родился у него тогда сынъ Димитрій, котораго онъ своимъ безуміемъ погубилъ потомъ... Мѣсяца черезъ два или черезъ три по пріѣздѣ въ Москву, онъ тяжело заболѣлъ горячкою, такъ что никто уже не думалъ, что онъ останется живъ. По прошествіи нѣкотораго времени, понемногу онъ сталъ выздоравливать.

Когда совсѣмъ выздоровѣлъ,... задумалъ ѣхать въ Кирилловъ монастырь, въ ста миляхъ отъ Москвы. На третьей или на четвертой недѣлѣ послѣ Пасхи онъ поѣхалъ сначала въ монастырь Живоначальныя Троицы, называемый Сергіевъ, въ 12 миляхъ отъ Москвы, на большой дорогѣ, ведущей къ Ледовитому морю. Поѣхалъ онъ въ такой долгій путь не одинъ, а съ царицею, и съ новорожденнымъ ребенкомъ; въ монастырѣ пробылъ дня три и отдыхалъ въ немъ, ибо не совсѣмъ еще оправился отъ болѣзни. Въ этомъ монастырѣ жилъ тогда преподобный Максимъ, инокъ

Ватопедова монастыря на Афонской горѣ, Грекъ родомъ, мужъ мудрый и весьма сильный не только въ риторскомъ искусствѣ, но и въ философіи, и уже человѣкъ преклонныхъ лѣтъ. Онъ много вытерпѣлъ отъ отца Грознаго: долголѣтнія и тяжелыя оковы, многолѣтнее заточеніе въ темницахъ, и другія мученія перенесъ невинно, по зависти митрополита Даніила, прегордаго и лютаго, и вселукавыхъ монаховъ Іосифова (Волоколамскаго) монастыря. Царь (Грозный) освободилъ его изъ заточенія по совѣту нѣкоторыхъ бояръ, убѣдившихъ его, что сей блаженный мужъ страдаетъ невинно. Максимъ сталъ уговаривать царя не ѣздить въ такой далекій путь, особенно съ женою и новорожденнымъ ребенкомъ.

«Если ты и далъ обѣщаніе ѣхать въ Кирилловъ монастырь, чтобъ подвигнуть св. Кирилла на молитву къ Богу, то обѣты такіе съ разумомъ несогласны, и вотъ почему: во время Казанской осады пало много храбрыхъ воиновъ христіанскихъ; вдовы ихъ, сироты, матери обезчадѣвшія въ слезахъ и въ скорби пребываютъ: такъ гораздо тебѣ лучше пожаловать ихъ и устроить, утѣшить ихъ въ бѣдѣ, собравши въ свой царствующій городъ, чѣмъ исполнить неразумное обѣщаніе. Богъ вездѣсущъ, все исполняетъ и всюду зритъ недремлющимъ окомъ...; также и святые не на извѣстныхъ мѣстахъ молитвамъ нашимъ внимаютъ, но по доброй нашей волѣ и по власти надъ собою. Если послушаешься меня, то будешь здоровъ и многолѣтенъ съ женою и ребенкомъ... Если же не послушаешься меня, по Богѣ тебѣ совѣтующаго, забудешь кровь мучениковъ, избитыхъ погаными за христіанство, презришь слезы сиротъ и вдовицъ и поѣдешь съ упрямствомъ, то знай, что сынъ твой умретъ на дорогѣ». Слова эти Максимъ передалъ царю черезъ насъ четырехъ: духовника царскаго, священника Андрея Протопопова, Ивана, князя Мстиславскаго, постельничаго царскаго Алексѣя Адашева и меня четвертаго. Мы передали царю слова святого (Максима), но онъ не послушалъ ихъ и поѣхалъ оттуда въ городъ Дмитровъ, а отсюда въ Пѣсношскій монастырь, что при рѣкѣ Яхромѣ; здѣсь суда были уже приготовлены къ отплытію....

Что же тогда случилось? Царь приходитъ въ келлію старца (епископа Вассіяна Топоркова) и, помня, что онъ былъ любимъ отцомъ его, спрашиваетъ его: «Какъ я долженъ царствовать, чтобъ вельможъ своихъ держать въ послушаніи»? Ему слѣдовало бы посовѣтовать царю *любить мудрыхъ совѣтниковъ своихъ*,... а онъ началъ шептать ему на ухо.. такія слова: «Если хочешь быть самодержцемъ, не держи при себѣ ни одного совѣтника, который былъ бы умнѣе тебя, потому что ты лучше всѣхъ; если

такъ будешь поступать, то будешь твердъ на своемъ царствѣ и все будешь имѣть въ рукахъ своихъ. Если же будешь имѣть при себѣ людей умнѣе себя, то по необходимости будешь ихъ слушаться». Вотъ какой сатанинскій силлогизмъ силенъ! Царь поцѣловалъ его руку и сказалъ: «Если бы и отецъ мой былъ живъ, то и онъ такого полезнаго совѣта не подалъ бы мнѣ!»

5. **О перемѣнѣ въ характерѣ Ивана Грознаго, 1560 г.** Когда царь оборонился храбрыми воеводами своими отъ враговъ окрестныхъ, тогда платитъ оборонителямъ зломъ за добро. Какъ же онъ это начинаетъ? Вотъ какъ: прежде всего отгоняетъ отъ себя двухъ прежде поименованныхъ друзей, Сильвестра пресвитера и Адашева, ни въ чемъ передъ нимъ не виноватыхъ, отворивши оба уха презлымъ ласкателямъ своимъ,—шурьямъ и другимъ съ ними, которые заочно клеветали ему на этихъ святыхъ мужей. Зачѣмъ же они это дѣлали? Затѣмъ, да не будетъ обличена злость ихъ и да невозбранно будетъ имъ всѣми нами владѣть, судъ неправедный судить, посулы брать и другія злости плодить, пожитки свои умножать. Что же они клевещутъ и шепчутъ на ухо? Тогда умерла у царя жена: вотъ они сказали, что извели ее тѣ мужи, Сильвестръ и Адашевъ. Царь повѣрилъ. Услыхавъ объ этомъ, Сильвестръ и Адашевъ начали умолять, то черезъ письма, то чрезъ митрополита, чтобы дана имъ была очная ставка съ клеветниками: «не отрицаемся—писали они—и смерти, если будемъ обличены; но да будетъ судъ явственный предъ тобою и передъ всею думою твоею». Что же умышляютъ клеветники? Писемъ не допускаютъ до царя, митрополиту запрещаютъ и грозятъ, царю говорятъ: «Если ты, царь, допустишь ихъ къ себѣ на глаза, они очаруютъ тебя и дѣтей твоихъ; да кромѣ того народъ и войско любятъ ихъ больше, чѣмъ тебя самого, побьютъ тебя и насъ каменьями. Хотя бы этого не случилось—опять обойдутъ тебя и возьмутъ въ неволю. Эти негодные чародѣи уже держали тебя, какъ будто въ оковахъ, повелѣвали тебѣ въ мѣру ѣсть и пить, не давали тебѣ ни въ чемъ воли, ни въ малыхъ, ни въ большихъ дѣлахъ. Не могъ ты ни людей своихъ миловать, ни царствомъ своимъ владѣть. Если бы не было ихъ при тебѣ, при такомъ славномъ, храбромъ и мудромъ государѣ, если бы они не держали тебя, какъ на уздѣ, ты бы почти всею вселенною обладалъ, а то они своимъ чародѣйствомъ отводили тебѣ глаза, не давали тебѣ ни на что смотрѣть, сами желали царствовать и всѣми нами владѣть. Только допусти ихъ къ себѣ, тотчасъ тебя ослѣпятъ! Вотъ теперь отогнавши ихъ отъ себя, ты истинно пришелъ въ свой разумъ; открылись у тебя глаза; смотришь свободно на все свое царство;

теперь—ты настоящій помазанникъ Божій; никто иной—ты самъ одинъ всѣмъ владѣешь и правишь»....

Посланіе Ивана Грознаго Игумену Кирило-Бѣлозерскаго монастыря Козьмѣ съ братіею (около 1578 г.).

Въ пречистую обитель пречистыя Владычицы Богородицы, честнаго и славнаго ея Успенія, и преподобнаго и богоноснаго отца нашего Кирилла чудотворца, о Христѣ Божественнаго полка наставнику и вождю, и руководителю къ пренебесному селенію, преподобному игумену Козьмѣ, иже о Христѣ съ братіею, царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руси челомъ бьетъ. Увы мнѣ грѣшному! горе мнѣ окаянному! охъ мнѣ скверному! кто таковъ я, дерзающій на такую высоту? Бога ради, господа и отцы, молю васъ—престаните отъ такого начинанія (т. е. не требуйте отъ меня наставленія. Я не достоинъ назваться вашимъ братомъ; но, по евангельскому слову, сотворите меня какъ единаго отъ наемникъ своихъ. Тѣмъ же припадаю къ стопамъ честныхъ ногъ вашихъ и милъ ся дѣю. Бога ради, престаните отъ такого начинанія. Писано: свѣтъ инокамъ ангелы, свѣтъ же мірянамъ иноки. Поэтому вамъ, нашимъ государямъ, подобаетъ просвѣщать насъ, заблудившихся во тьмѣ гордости и сѣни смертной. А мнѣ, псу смердящему, кого учить, чему наставлять, чѣмъ просвѣщать? самъ я всегда въ пьянствѣ, сквернѣ, убійствѣ, грабленіи, хищеніи, ненависти, всякомъ злодѣйствѣ. Если хотите, есть у васъ дома учитель, великій свѣтильникъ Кириллъ: на его гробъ всегда смотрите и отъ него всегда просвѣщайтесь; потомъ есть у васъ великіе подвижники, ученики его, а ваши наставники и отцы... и святой уставъ великаго чудотворца Кирилла. Вотъ вашъ учитель и наставникъ! отъ него учитесь, отъ него наставляйтесь, отъ него просвѣщайтесь, о немъ утверждайтесь; да и насъ убогихъ духомъ и нищихъ благодатію, просвѣщайте, а за дерзость, Бога ради простите.

Помните вы, святые отцы, нѣкогда нашъ приходъ къ вамъ въ пречистую обитель пречистыя Богородицы и чудотворца Кирилла... и бывшую въ келіи продолжительную бесѣду, въ которой я высказалъ вамъ свое желаніе принять постриженіе.... Когда услышалъ я ваши разсказы о божественномъ житіи,—возрадовалось скверное сердце мое и окаянная душа моя, ибо я нашелъ узду помощи Божіей своему невоздержанію и пристанище спасенія; я съ радостію далъ вамъ обѣтъ принять въ свое время иночество не въ другомъ какомъ либо монастырѣ, но если Богъ благословитъ, въ пречестной обители пречистыя Богородицы, устроенной чудотворцемъ Кирилломъ. И когда вы читали молитвы, я, окаян-

ный, преклонилъ скверную свою главу и припалъ къ честнымъ стопамъ преподобнаго игумена, тогда бывшаго, вашего и моего, прося благословенія на мое обѣщаніе. Такъ какъ онъ возложилъ на меня руку и благословилъ меня на данномъ обѣщаніи, то и мнится мнѣ, что я уже наполовину монахъ. Если еще и не отложился отъ всякаго мірского мятежа, то уже ношу на себѣ благословеніе ангельскаго образа... Притомъ же, мнится мнѣ, самому Богу угодно было, чтобы я побесѣдовалъ съ вами: я хотѣлъ писать вамъ отъ Василія Амасійскаго, но, разогнувъ книгу, нашелъ посланіе Иларіона великаго къ нѣкоему брату—иноку, требовавшему отъ него совѣта и утѣшенія. Вы также требуете отъ меня слова, и я изреку вамъ немногое отъ моего безумія, не учительски и съ властію, но рабски, творя послушаніе вашему преподобію, хотя и чувствуя безмѣрную высоту своего недоумѣнія....

Какъ Апостолы сраспинались Христу, соумерщвлялись Ему и совоскреснутъ съ Нимъ, такъ и вамъ подобаетъ усердно подражать великому чудотворцу Кириллу и уставъ его крѣпко держать, и объ истинѣ подвизаться крѣпко, и не быть бѣгуномъ, не бросать щитъ (духовный) и прочее оружіе (духовное); восприимите *вся оружія Божія* и не измѣняйте чудотворцеву уставу никто, какъ Іуда измѣнилъ Христу, ради серебра, или какъ теперь у васъ измѣняютъ ради сластолюбія. Есть у васъ Анна и Каіафа, Шереметевъ и Хабаровъ; есть и Пилатъ, Варламъ Собакинъ,—поелику онъ по приказу царя посланъ;—есть и Христосъ распинаемый—преданіе (уставъ) чудотворцевъ. Бога ради, отцы святые, если и въ маломъ чемъ сдѣлаете послабленіе, то и въ великомъ будетъ.

Видите ли (говоритъ Грозный послѣ выписки изъ Иларіона объ уклоненіи монастырскаго быта въ мірскіе соблазны), какого плача и скорби достойно послабленіе иноческому житію! По тому вашему ослабленію, ради Шереметева и Хабарова, такова у васъ слабость учинилась и преступленіе чудотворцева преданія. И какъ только Богъ благоволитъ намъ у васъ постричься, то монастыря у васъ уже не будетъ, а будетъ царскій дворъ. Зачѣмъ послѣ этого итти въ монахи и говорить: «отрицаюсь отъ міра и всего, что въ мірѣ, когда міръ весь въ очахъ? Какъ при этомъ жить въ святомъ этомъ мѣстѣ съ братіею, терпѣть скорби и всякія напасти, быть въ повиновеніи у игумена и въ послушаніи у всей братіи, какъ обѣщаются иноки? Какъ Шереметеву называть другихъ монаховъ братіею, когда у него десятый холопъ, живущій съ нимъ въ кельѣ, ѣстъ лучше братіи. Великіе свѣтильники: Сергій, Кириллъ, Варлаамъ, Димитрій, Пафнутій и многіе другіе

преподобные въ русской землѣ установили крѣпкіе уставы иноческому житію, а бояре, пришедши къ вамъ, ввели свои любострастные уставы: не они у васъ постриглись—вы постриглись у нихъ; не вы имъ учители и законоположители—они вамъ учители и законоположители. Да, Шереметева уставъ добръ—держите его; а Кирилловъ уставъ не добръ—оставьте его. Сегодня тотъ бояринъ введетъ одну страсть, завтра другой бояринъ введетъ другую слабость: и мало по малу весь монастырскій крѣпостной обиходъ испразднится и всѣ обычаи будутъ мірскіе. Вѣдь по всѣмъ монастырямъ начальники сначала уставили крѣпкое житіе, а любострастные послѣ нихъ разорили. И въ Симоновомъ монастырѣ Кириллъ чудотворецъ былъ игуменомъ, а послѣ него Сергій; каковъ законъ былъ при первомъ, прочтите въ житіи его, и узнаете; а этотъ (Сергій) дозволилъ маленькое послабленіе, а послѣ него иные побольше и такъ мало по малу теперь довели до того, что въ Симоновомъ монастырѣ, какъ сами видите, кромѣ сокровенныхъ рабовъ Божіихъ, всѣ другіе иноки только по одеждѣ, а творятъ все мірское. Тоже и въ Чудовомъ монастырѣ, среди царствующаго града Москвы: все это предъ нашими глазами, и намъ и вамъ видно... Смотрите жъ, слабость ли утверждаетъ, или крѣпость?

Вотъ вы надъ Воротынскимъ церковь поставили, а надъ чудотворцемъ нѣтъ церкви. Воротынскій въ церкви, а чудотворецъ за церковью. И на страшномъ судѣ Воротынскій да Шереметевъ станутъ выше: Воротынскій церковью, а Шереметевъ закономъ, который крѣпче Кириллова. Слышалъ я, будто нѣкоторый братъ изъ вашихъ говорилъ, что княгиня Воротынская хорошо сдѣлала, построивъ церковь (надъ могилою мужа); а я говорю, что не хорошо, и прежде всего потому, что это—знакъ гордости и величанія, приличный развѣ царской власти; а душѣ отъ этого не только не бываетъ помощи, но, напротивъ, пагуба: душѣ бываетъ помощь отъ всякаго смиренія.... Нынѣ у васъ Шереметевъ сидитъ въ кельѣ что царь, а Хабаровъ къ нему приходитъ съ другими чернецами, ѣдятъ и пьютъ что въ міру. Словно со свадьбы или родинъ, Шереметевъ разсылаетъ по кельямъ пастилы, коврижки и другія пряныя составныя овощи; а за монастыремъ дворъ и на немъ всякіе запасы годовые—и вы молчите ему о такомъ великомъ, пагубномъ монастырскомъ безчиніи. А другіе говорятъ, будто и вино горячее потихоньку приносили Шереметеву въ келью; въ монастыряхъ и фряжскія вина—зазоръ, не только что горячее. Въ этомъ ли путь спасенія? это ли иноческое пребываніе! Или вамъ нечѣмъ было кормить Шереметева, что онъ завелъ особые годовые запасы? Милые мои! Кирилловъ монастырь до сихъ поръ

многія страны прокармливалъ и въ голодныя времена; а нынѣ, въ хлѣбное время, вамъ не только нечѣмъ прокормить Шереметева, но и самимъ приходится помереть съ голоду!... то не путь спасенія, когда въ чернецѣ бояринъ боярства не острижетъ, а холопъ своего холопства избудетъ. Апостолъ сказалъ: «нѣтъ Еллина, ни Скиѳа, ни раба, ни свободнаго, но всѣ вы одно о Христѣ». Какъ же *одно*, коли бояринъ по прежнему бояринъ, а холопъ по прежнему холопъ?... Въ вашемъ монастырѣ по сіе время держалось равенство холопамъ, и боярамъ, и мужикамъ торговымъ.... А нынѣ только и слово: тотъ великъ, а этотъ больше. Значитъ и братства нѣтъ. Вѣдь братство тогда бываетъ, когда всѣмъ равно; а коли неравно - какому быть братству, какому иноческому житію?... Когда двѣнадцать убогихъ (апостоловъ) начнутъ судить людей, кого тогда поставите выше—Кирилла или Шереметева? Шереметевъ постригся изъ боярства, а Кириллъ и въ приказѣ у государя не былъ. Видите ли, куда васъ слабость завела?.... Никто не говори такихъ студныхъ словъ: если намъ не знаться съ боярами, то монастырь оскудѣетъ безъ даянія. Сергій, Кириллъ, Варлаамъ и Димитрій и другіе многіе святители не гонялись за боярами, а бояре за ними гонялись; отъ этого и обители ихъ распространились: ибо монастыри стоятъ и неоскудны бываютъ благочестіемъ. У Троицы въ Сергіевѣ благочестіе изсякло, и монастырь оскудѣлъ; никто не пострижется и не дастъ ничего. А на Сторожахъ до чего дошло? уже нѣкому затворить монастырь, по трапезѣ трава растетъ... Хабаровъ велитъ мнѣ перевести его въ другой монастырь, а я не ходатай ему и его скверному житію... уже больно наскучило. Иноческое житіе не игрушка; три дня въ чернецахъ, а седьмой монастырь мѣняетъ... Надобны четки не на скрижаляхъ каменныхъ, а на скрижаляхъ сердца плотяныхъ; я видалъ какъ въ четкахъ бранятся: что въ тѣхъ четкахъ? А впередъ о Шереметевѣ и другихъ такихъ нелѣпицахъ намъ не докучать; и отъ насъ отвѣту никакого не будетъ....

.... отъ многаго написалъ вамъ малая, ради иноческаго житія и любви моей къ вамъ. Но вы сами знаете больше, и если захотите—найдете въ божественномъ писаніи... Богъ же мира, и Пречистыя Богородицы милость, и чудотворца Кирилла молитвы буди со всѣми вами и нами. А мы вамъ, господа мои и отцы, челомъ бьемъ до лица земного.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Сост. А. В. Ивановскій.

З — С — В — Ю

Арханг. Литографія С. Павлова.

47/5 4СН560/541

ступ...ъ въ пользу Общества попеченія о неимущихъ дѣтяхъ въ Москв... М. 1886. Ц. 3 к.

Постниковъ. Учебникъ физики съ 133 рис. въ текстѣ. М. 1883. Вып. 1-ый. Ц. 1 руб.

Постъ. Основы технологіи. Вып. 1-й и 2-й. М. 81 Ц. 2 руб.

Преображенскій (проф. Казанскаго Университета). Геометрическая теорія преломленія свѣта. 1884. Ц. 30 к.

Преображенскій П. В. Магнитизмъ и діамагнитизмъ. Публичная лекція. М. 1886. Ц. 15 к.

— Упрощенное умноженіе и дѣленіе М. 85. Ц. 20 к.

— Руководство прямолинейной тригонометріи. М. 1886. Ц. 75 к.

— Сборникъ тригонометрическихъ задачъ. М. 1886. Ц. 20 к.

Признательный мальчикъ.—Изъ воспоминаній объ И. С. Тургеневѣ. М. 1885. Ц 20 к.

Ратцель. Земля. 24 общедоступныхъ бесѣды по общему землевѣдѣнію. Географическая книга для чтенія, съ 28 рис. въ текстѣ. **Рекомендована ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.** М. 1882. Ц. 2 р.

Розановъ. Сборникъ словъ, фразъ, изрѣченій, пословицъ для письма на урокахъ чистописанія и скорописи. М. 1882. Ц. 80 к.

Русанова. Звѣздочка. Книга для чтенія въ школѣ и дома. М. 1886. Ц. 75 к.

Рытовъ. Учебникъ ботаники, съ атласомъ рисунковъ. М. 1879. Ц. 1 руб. 50 коп.

Сосницкій. Русская хрестоматія для старшихъ класовъ среднихъ учебныхъ заведеній. М. 1885. Ц. 1 р. 75 к.

Цабель Н. Курсъ общей ботаники. Растенія безцвѣтковыя. М. 1886 Ц. 50 к.

— Курсъ общей ботаники. Растенія цвѣтковыя. М. 1885. Одобрено Уч. Ком. М. Н. Пр. Ц. 75 коп.

Электрическое освѣщеніе по Бернштейну. М. 80. Ц. 60 коп.

Шедлингъ. Исторія изобрѣтенія и развитія электрическаго телеграфа. М. 1885. Ц. 1 р.

Краткій конспектъ греческой грамматики. Таблицы неправильныхъ формъ въ греческомъ языкѣ и управленіе словъ. Составилъ **Н. Ка—цкій.** М. 82. Ц. 30 коп.

Тургеневъ И. С. и **Толстой Л. Н.** Разсказы для дѣтей. М. 86. Ц. 2 р. 50 к.

Альбомъ Задиры. М. 1885. Ц. 1 руб.

Грибоѣдовъ. Горе отъ ума. Съ біограф. и примѣч. А. Сосницкаго. 1885. Ц. 10 коп.

Дарвинъ. Образованіе почвеннаго слоя дождевымъ червемъ. Съ 15 пол. въ текстѣ. 1882. Ц. 1 руб.

Дмитріевъ. Справочная книга для офицеровъ и чиновниковъ военнаго вѣдомства. 1885. Ц. 1 р. 50 к.

Живая струна. Спб. 84. Ц. 2 р.

Зиминъ. Охрана отъ пожаровъ. М. 83. Ц. 30 к.

Золотницкій. Золотая рыбка и ея варіететы. 1886. Ц. 1 р. 25 к.

Кольбе. Учебникъ неорганической химіи, съ 62 рис. въ текстѣ. 2-е изданіе. 1882. Ц. 3 руб.

Конашевичъ. Опытъ систематизаціи ариѳметическихъ задачъ. М. 85. Ц. 60 к.

— Сборникъ ариѳметическихъ примѣровъ. Цѣлыя числа. М. 1886. Ц. 15 к.

Коровинъ. Идеалы и жизнь. М. 1885. Ц. 60 к.

Кудрявцевъ. Римскія женщины. М. 75. 3-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

Лавровъ (проф. Демидовскаго лицея). Записки по предмету Закона Божія. Ярославль. 83. 6-е изд. Ц. 1 р.

— Исторія христіанской церкви. Ярославль. 86. 3-е изд. Ц. 1 р.

— Исторія Русской церкви. М. 80. 3-е изд. Ц. 1 р.

Львовъ. Сѣрый армякъ. М. 1883. Ц. 1 р. 25 к.

Лунинъ. Полный учебникъ для фельдшеровъ. 4-е изданіе. М. 1886. Ц. 2 руб.

— Домашній врачъ. М. 1885. Ц. 1 р. 50 к.

Мало. Подкидышъ. Романъ для дѣтей. Переводъ съ 41 франц. изданія. М. 1886. 2 т. Ц. 1 р. 50 к.

Margot. Cours elementaire et progressif. St.-Pétersbourg. 1886. Ц. 80 к.

Науманъ. Нѣмецкая грамматика. ч 1-ая, Ц. 25 к., чч. 2-ая и 3-ья Ц. 25 коп. Вильна. 84

Нирицъ. Бетти и Томъ или докторъ Дженнеръ и его открытіе. 1886. Ц. 30 к.

Осиповъ. Санитарный спутникъ. Карманная справочная книжка при подачѣ первой помощи до прибытія врача. Съ 24-мя рис. въ текстѣ. М. 1885. Ц. 40 к.

Погожевъ. Фабричный бытъ Россіи и Германіи. 1882. Ц. 1 р.

Покровскій. Физическое воспитаніе дѣтей у разныхъ народовъ преимущественно Россіи. М. 1884. Ц. 6 р.

— Значеніе дѣтскихъ игръ въ отношеніи воспитанія и здоровья. М. 84. Ц. 20 к.

Пономаревъ. Въ школѣ и дома. 4-я школьная книжка. 2-е изд. М. 1885 г. (Первое изд. одобрено Уч. Комит. Мин. Народ. Пр. и Святѣйшимъ Сѵнодомъ). Ц. 45 к.

Пономаревъ. Азбука для церковно-приходскихъ школъ. М. 85. Ц. 1 к.

— Святая Великомученица Варвара. М. 85. Ц. 5 к.

— Священно-историческія свѣдѣнія, необходимыя для каждаго православнаго христіанина. *20%* **съ номинальной цѣны книги по-**

FÖRDERUNGSWERK
st. nikolaus
BERUFSBILDUNGSWERK
8871 DÜRRLAUINGEN

Bayerische StaatsBibliothek

Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Gorožanskij, Jakov I.

Pamjatniki drevnej pis͡mennosti v russkom perevodě posobie pri izučenii istorii russ. slovesnosti

Moskva 1886

P.o.rel. 8177 e
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11680083-0